

ВНИМАНИЕ
КОНАН

КОНАН И СОКРОВИЩА ТАРАНТИИ

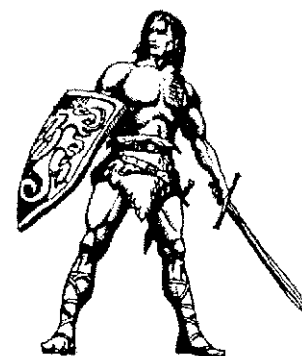
САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТИХИИ 1	КОНАН И БОГИ ТЬМЫ 2	КОНАН И МЕЧ КОЛДУНА 3	КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ 4	КОНАН И ПОВЕЛИТЕЛИ ПЕЩЕР 5	КОНАН И ПЕСНЯ СНЕГОВ 6	КОНАН И НЕБЕСНАЯ СЕКИРА 7
КОНАН НА ДОРОГЕ КОРОЛЕЙ 8	КОНАН ПРИНИМАЕТ БОЙ 9	КОНАН И КАРУСЕЛЬ БОГОВ 10	КОНАН И ДАР МИТРЫ 11	КОНАН И НОЧНЫЕ КЛИНКИ 12	КОНАН И ГРОТ ДАЙОМЫ 13	КОНАН И ЗЕРКАЛО ПРЯДУЩЕГО 14
КОНАН И ВРЕМЯ ЖАЛЯЩИХ СТРЕЛ 15	КОНАН И ПСЫ ВОЙНЫ (НЕ ИЗДАНО) 16	КОНАН И ТАЛИСМАН ЗЛА (НЕ ИЗДАНО) 17	КОНАН И БИЧ НЕРТАЛА 18	КОНАН И ГОРОДА ПЛЕННЫХ ДУШ 19	КОНАН И ИСТОЧНИК СУДЕБ 20	КОНАН И СЕРДЦЕ АРИМАНА 21
КОНАН И ВАРГОВОЕ ОКО 22	КОНАН И ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО 23	КОНАН И ВОИНСТВО МРАКА 24	КОНАН ВАРВАР ИЗ КИММЕРИИ 25	КОНАН И РЫЖИЙ ЯСТРЕБ 26	КОНАН И ПЛЕННИКИ БЕЗДНЫ 27	КОНАН И ЗАГОВОР ТЕНЕЙ 28
КОНАН И КОПЬЕ КРОМА 29	КОНАН И ВРАТА ВЕЧНОСТИ 30	КОНАН И АЛМАЗНЫЙ ЛАБИРИНТ 31	КОНАН И РАСКОЛТЫЙ ИДОЛ 32	КОНАН И ЧАША БЕССМЕРТИЯ 33	КОНАН И ЛЕДЯНОЙ СТРАЖ 34	КОНАН И ТОРГОВЦЫ ПРЕЗАМИ 35
КОНАН И АЛТАРЬ ПОВЕДЫ 36	КОНАН И БИТВА БЕССМЕРТНЫХ 37	КОНАН И ПОЖИРАТЕЛИ ПЛОТИ 38	КОНАН И БЕРЕГ ПРОКЛЯТЫХ 39	КОНАН И ОКОВЫ БЕЗМОЛВИЯ 40	КОНАН И ВАЛДЫЧИЦА НЕБЕС 41	КОНАН И ДРЕВО МИРОВ 42

KONAN

и СОКРОВИЩА
ТАРАНТИИ

act

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
Москва • Санкт-Петербург • 2002

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7США)
К64

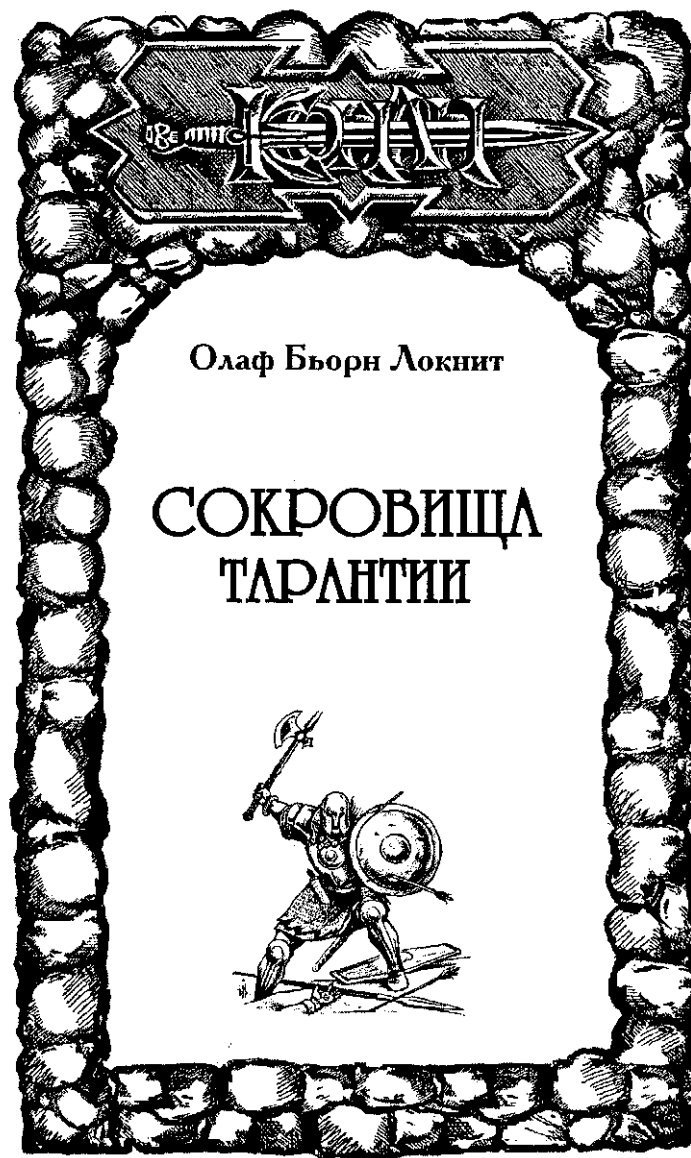
Серийное оформление Дмитрия Вяземского

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с разрешения автора.*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 29.03.2002.
Формат 84×108¹/32. Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 10 000 экз. Заказ 3032.

ISBN 5-17-013239-5 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93699-005-9 («Северо-Запад Пресс»)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 1999
© С. Шикин, оборот, 1998
© «Северо-Запад Пресс»,
составление и подготовка текста, 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2002

*Посвящаю мистеру Арту Потару, который однажды
придумал для меня оборотней из Пограничья
и подарил мне эту прекрасную страну*

Олаф Б. Локнит

Объяснение от Халька, барона Юсдаля

Середина Лета 1295 года.

Вам когда-нибудь бывало по-настоящему скучно? Тоскливо? Так тоскливо, что появляется острейшее желание забросить любые текущие дела, оседлать коня и, никому ничего не рассказав, отправиться в неизведанные дали на поиски самых разных, пусть даже глушеjších, приключений? Забыть про обыденность, ставшую истинным проклятием?

Той запоминающейся весной 1293 года по основанию Аквилонии, а именно сразу после праздника Белтайни, посвященного весеннему солнцестоянию, я, ваш старый знакомец и покорнейший слуга — Хальк, барон Юсдаль-младший, восседал перед камином в жилых покоях при библиотеке королевского замка Тарантии и в буквальном смысле данных слов пил горькую. Вместе со своим отражени-

ем в серебряном блюде, установленном на столике вместо зеркала.

Я скучал. Поносил в мыслях и словах нелепое устройство нашего мира, похмельную головную боль, не желавшую проходить после шумного празднования Белтайнна, тушицу-короля (как в сердцах выразился однажды переутомившийся Просперо — «карманника на царстве»), самого Просперо, а с ним и скупердя-канцлера, мужланов-гвардейцев из «Черных Драконов», фатальное безденежье, преследовавшее меня на протяжении последних лет, сырые дрова в камине, кислое вино (будь оно стократно проклято!) и, наконец самого себя — бездельника, книжного червя, густо припорошенного пергаментной пылью, и вообще, крошечного неудачника.

Посудите сами: я дожил до того, что после кутежей с их киммерийско-аквилонским величеством, нашим славнейшем Конаном Канах (чтоб его подбросило, да посильнее об землю шлепнуло!) я, интеллектуальный светоч королевства, просто забываю обо всем происходящем, будто распоследний пропойца с тарантийского дна!

Не далее как вчера мою высокую персону в мертвецки пьяном виде городская стража доставила к воротам замка, передала с рук на руки караулу, каковой и препроводил (перетащил!) почти бездыханное тело в мои комнаты.

Утром же, заявился лично король и с неприличным хохотом обрадовал: оказывается, его светлость королевский библиотекарь и тайный советник потерялся в городе больше суток назад, что он делал и где был, неизвестно, однако обнаружен был спящим у входа в вертеп «Алиии Чувств», что

на улице Швейников. Самый похабный квартал столицы.

Благодарю, ваше величество, потепшили мое самолюбие. В полной мере.

А кто виноват? Верно, опять король. На праздник, мы компанией человек в пять-шесть, не помню точно, по старой традиции пошли инкогнито гулять по городу.

Выпили там, выпили тут, выпили в третьем, четвертом и пятнадцатом кабаке, поиграли в кости и тарок, спуская немыслимые суммы, заглянули в дом терпимости (там я и потерялся, если верить нашему славному монарху), а остальные потом отправились шалить дальше.

Если осмысливать происшедшее логически, то выходит, что меня потом попросту вышвырнули из «Алиии Чувств» как несостоятельного клиента (деньги остались у Конана), оставив спать на паперти.

Восхитительно.

Сюда же добавим, что я остался без единого медяка, канцлер выплатит жалование лишь через две седмицы, мое единственное сокровище — Орден Большого Льва — давно заложено в ростовщический дом Шома бар-Мираэли, почти без надежды на выкуп: где я вам возьму пятьсот кесариев? Писать письмо в Юсдаль, матушке, с просьбой помочь? В лучшем случае — отделаюсь семейным проклятием.

Хорош королевский советничек — закладывать высшую награду Аквилонии, чтобы не умереть с голоду, а заодно купить для библиотеки несколько новых манускриптов. На последнее, смею напомнить: деньги обязана отпускать казна, но попро-

буйте объяснить эту нехитрую истину месьору канцлеру Публио! Проклятый скряга скорее удавится на шнуре от тронного балдахина в присутствии всего двора и чужеземных послов, чем добровольно расстанется с единственным затертым медяком-ассом. А король в долг не дает. И вообще, никто не дает — по весне с деньгами в Аквилонии туга, казна наполнена едва на две трети.

Приписка на полях:

Одновременно с этим Публио буквально три седмицы назад подарил своей внучатой племяннице на свадьбу драгоценностей на двадцать тысяч кесариев. Можно купить половину Тарантии, и на пиво останется. Ворюга. Возвел неприкрытый грабеж казны в ранг личной добродетели! Х.Ю.

Боги, как хочется уехать! Куда угодно! В родительское поместье, на Побережье Океана, да хоть в саму Пущу Пиктов! Только бы не видеть своими глазами разудалую компанию нашего обожаемого короля!

Не ходить ежедневно в статс-канцелярию, выклянчивая положенные по закону медяки на содержание книгохранилища! Не видеть тухлоглазых придворных дам и старых развратников, занимающих самые экзотические должности — от «Второго смотрителя подножия трона», до «Главного кормильца королевского льва и блюстителя благочиния королевского зверинца»!

Ума не приложу, отчего король доселе не разогнал взашей эту цветастую стаю лодырей и интриганов. Мне кажется, что единственные двое людей, которые хоть что-то делают в нашей стране — это

вице-король Просперо Пуантенский, принявший сан от тяжело заболевшего дядюшки Троцера, да генеральный казначей, герцог Ришильди. Последнему приходится вертеться волчком, дабы относительно честно распределять доходы казны.

Ах да, не забыть бы еще некоего барона Данкварта из Гленнора, главную романтическую загадку Аквилонии — его светлость Гленнор начальствует над Латераной, нашей тайной службой, верными цепными псами, суровыми стражами монархии.

Решено. Как только пройдет тяжелейшая слабость и головная боль, отправлюсь к королю и потребую сорок дней отпуска.

В конце концов, меня давно приглашали погостить в Пограничное королевство. И домой, в Юсдадь, можно по дороге заглянуть — проверить, как здоровье матушки и всего нашего буйного семейства. Иштар Всеблагая, ведь мой старший брат Эргин давно женился, обзавелся выводком детишек, управляет семейными землями после смерти отца... А я что? Пьянчуга в сане библиотекаря и советника!

Решено, с сегодняшнего вечера... нет, с завтрашнего утра, навсегда забываю про вино! И про беспутства. И про королевские гулянки. И про самого короля, будь он неладен. Уезжаю.

Если не отпустят отдохнуть — клянусь именами всех богов! — переверну это прогнившее королевство вверх дном! Отомщу! Человек я или нет? Пользуюсь привилегиями дворянина или как? Хватит с меня удушающего однообразия бесконечных библиотечных залов и попок с его величеством (который, скажем справедливости ради, тоже ску-

чает, не находя выхода своей неумеренной энергии. Эх, война бы какая началась, что ли?..).

Примерно с такими мыслями я забьлся беспокойным, тяжелым сном прямо в кресле. Рука безвольно выпустила полупустой серебряный стаканчик с белым мускатным вином, которое немедленно пролилось, образовав неприглядную лужицу...

Приписка на полях:

Теперь, по прошествии двух с лишним лет, когда все мы прошли опаснейшие испытания Немедийской войны, смутой у соседей на Восходе и переворотом принца Тараска, мои тогдашние страдания кажутся нелепыми. Однако, решение «перевернуть королевство вверх дном», принятое вышеописанным вечером, вскоре привело меня самого, двор короля Конана Аквилонского и нескольких общих друзей в крайне двусмысленное положение — тогда я никак не мог предположить, что придуманный мною безобидный обман будет способен повлечь весьма серьезные последствия, в которых оказалось довольно мало смешного.

Со временем история с «сокровищами Нифлунгов» забылась, произошло много других, куда более значительных событий. Но я никак не могу оставить это происшествие без внимания в своей «Незаконной летописи», которую веду много лет подряд, втайне от двора и самого Конана Канакса.

Два года назад оказалось, что вполне невинная шутка библиотекаря сотоварищи, обернулась авантюрой, которую обожающий приключения Конан обозначил «самой нелепой историей, в которую он попадал за последние годы».

Об этом я и расскажу в настоящей части «Хроники». Убедительно прошу всех, кому данные руко-

писи попадут в руки, быть наивозможно скромными и не распространять слухов — иначе я запросто окажусь на виселице.

Подобного розыгрыша Конан мне не простит никогда.

P.S: в своем неперменном обычае я предлагаю избранному читателю текст Хроники в виде воспоминаний отдельных людей — меня самого, Тотланта из Пограничья, Темвика-оборотня и некоторых других наших соратников. Тем самым я надеюсь на обобщение всех впечатлений о внезапном походе короля Конана и его друзей на Полуночный остров Вадхейм...

Первый рассказ Халька

«Верный способ пополнить казну»

Тарантия, королевский замок.
3 день третьей весенней луны 1293 г.

казать, что пробуждение нынешним утром оказалось для меня приятным, значит явить миру очевидную и гнуснейшую ложь.

Вкус во рту неопиcуемый, жгуче-металлический. Такое ощущение, как будто последние дни я питался только железной рудой и медными монетами. Голова напоминает колокол — при любом движении внутри черепа будто бронзовые шарики перекатываются. Руки налиты неимоверной тяжестью. Знобит, ибо камин давно погас, а сквозняки на третьем этаже замка безжалостные. Холодно.

Впрочем, никто, кроме меня самого, мне не может — от привилегии иметь собственного лакея я, по глупости, отказался пару лет назад. Надо пересилить себя, подняться, умыться... Затем немно-

го покушать. Или выпить горячего травяного настоя. Только не вина! Все, зарекся!

Попробовал разлепить глаза. Получилось плохо. И немедленно мой слух различил голос — непривычный, однако знакомый.

— Да, плохо дело. Хальк, возьми-ка этот бокал и выпей. Только сразу, одним глотком. Обещаю, тебе станет гораздо лучше.

Не понимая, откуда исходит голос, я вслепую вытянул руку, коснулся протянутого мне знакомым-незнакомым визитером бокальчика, поднес ко рту, хлебнул и... Боги, это же вино! Меня едва не вывернуло прямиком на плед, в который я укутался минувшим вечером. Желудок сжался весьма недвусмысленно. Я икнул.

Вино, однако, оказалось необычным — едва попав во взбудораженное чрево горячая жидкость разлилась по всему телу, будто в жилы налили расплавленного металла. Огонь согревал, пробуждал мышцы от пьяного сна, взбадривал, очищал голову от мутного тумана. Неужели, магия?

Через несколько мгновений я почувствовал, что оживаю. Потянулся, протер кулаками глазницы, зевнул и, наконец, соизволил обратить внимание на внезапного спасителя.

Спаситель восседал в резном кресле напротив. Молод, очень смугл, черты лица привлекательны и правильны, однако резковаты. Голова выбрита налысо. Глаза чернящие и миндалевидные, хитрые и добродушные. Смотрит безмятежно, с едва заметной ехидной усмешкой. Облачен гость в красивый балахон черного атласа с вышитым золотой нитью символом на груди — свернувшаяся в кольцо змея, кусающая свой хвост. Внутри кольца изо-

бражены песочные часы с равными долями песка в каждой полусфере.

К креслу прислонен обычный дубовый посох. На пальце правой руки гостя — кольцо в виде металлического серебристого дракончика с красным глазком.

Говорит человек с едва различимым полуденным акцентом.

— Т-тотлант? — вскинулся я. — Ты откуда?

— Узнал, — хмыкнул молодой человек. — Очень рад этому обстоятельству. Может, взглянешь на клепсидру и узнаешь, сколько времени натекло?

Я машинально перевел взгляд на водяной часовой механизм, стоящий на камине. Стрелка указывала почти на полдень.

— Жду с самого утра, — невозмутимо продолжал Тотлант. — Поначалу решил не беспокоить, нанес несколько визитов во дворце... С Конаном увиделся, новостями поделился. Потом решил, что тебя надо разбудить, намешал в подогретое вино особенных порошочков, добавил заклинание и... И вот ты жив и здоров. Сколько дней подряд пили?

— Шесть, — я тяжело вздохнул, изображая раскаяние. — Тотлант, друг мой, вот уж кого меньше всего ожидал увидеть! Отчего не предупредил о приезде?

— Не хотел беспокоить. Полагал, ты сам догадешься.

— Каким образом? — удивился я.

— Тебе надо жить не в Аквилонии, а в Пограничье, — наставительно сказал Тотлант. — Составил бы отличную компанию нашим пьянчугам-оборотням, во главе с королем и наследником. Признаться, я был уверен, что королевский биб-

лиотекарь и тайный советник Конана обязан знать про встречу магов-равновесников, назначенную в Тарантии с разрешения вашего короля. Я приехал заранее, чтобы отдохнуть в столице и повидаться со всеми знакомыми... Теперь вспомнил?

— Угу, что-то такое было, — пришлось изобразить якобы искреннее смущение. — Рад тебя видеть.

Если вы еще не знакомы с Тотлантом, счастлив буду представить. Он стигиец, занимается магическим ремеслом, уже несколько лет служит «державным волшебником» при маленьком дворе короля Пограничья Эрхарда Оборотня. Тотлант давно уехал из Стигии, выбрал для себя гильдию магов, поддерживающих не Свет и не Тьму, но Равновесие.

И вообще, стигиец являет собой очень хорошего человека и нашего общего друга.

Нашего — значит моего, короля Конана, великого герцога Просперо и остальных представителей разношерстной компании, взявшейся несколько лет назад за уничтожение пресловутой Небесной Горы.

С тех пор Тотлант приезжал в гости три или четыре раза, каждый год. Привозил новости от наших далеких полуночных соседей — Пограничье является самым верным и ревностным союзником Аквилонии, ибо Эрхард-Оборотень и Конан Аквилонец доселе остаются закадычными друзьями.

О собрании гильдии магов-равновесников, назначенном в Тарантии, я слышал мельком, не очень давно, и только подивился — почему, интересно, король Конан, недолголюбивающий волшебство, разрешил магикам встретиться в столице Ак-

вилонии. Не исключено, что на благосклонность варвара повлияла старая дружба с Тотлантом.

Тотланту немногим меньше тридцати лет, он всегда остается себе на уме, однако никто не может упрекнуть молодого стигийца в привычных для магов грешках: себялюбии, тщеславии и презрении ко всему миру. Он хороший друг и знающий волшебник. Один из редких людей, в искренности которых со временем не разочаровываешься.

— Где остановился? — спросил я нежданного гостя. — В городе?

— Ничего подобного, у тебя, — с чарующей непринужденностью обитателя Пограничья, улыбнулся Тотлант. — Найдется свободная комната? Понимаешь, я хочу поконаться в библиотеке, надеюсь в твоём обширном хозяйстве отыщутся занимательные трактаты... Интересные для меня. Сам знаешь — я самоучка. Предпочитаю постигать искусство волшебства самостоятельно, без наставников.

— Надолго приехал?

— Седмица-полторы. Затем вернусь домой, через Немедию. Хочу повидать герцога Мораддина, госпожу Рингу и их детей. А заодно получить от главы всемогущей тайной службы Трона Дракона разрешение сунуть нос в книгохранилище Бельверуса. Кстати, тебе привет от наших перевертышей, Веллана с Эртелем. Подарок прислали.

— А именно? — насторожился я, зная, что от илемянника короля Пограничья и его разбитного приятеля ничего хорошего не жди. Те ещё шутники, Конан им в подметки не годится.

— Не хватайся за сердце, — фыркнул Тотлант. — Они прислали шкуру дрохо и золотую чернильницу с самоцветами, изготовленную гномами. Чер-

нильницу выиграли в кости у посланника гномьего короля: гном от расстройства желчью исходил, но ничего не поделасшь — игра... Исключительно ценная вещь. Держи!

Тотлант потянулся за брошенным возле кресла дорожным мешком, рванул тонкие ремешки и с наилюбезнейшей ухмылкой протянул мне белый меховой лоскут. Размером с две ладони.

Хорош подарок.

Дрохо — огромная, размером с теленка, снежная ящерица, которая водится только в Пограничье. Отличается от любых прочих ящериц густейшим, лучше чем у горноста, белым мехом, ценящимся буквально на вес золота. И вот подарок: Веллан с Эртелем отправили мне шкуру детеныша дрохо — ни дать ни взять, будто с кошки содрали!..

Впрочем, тоже неплохо, этим лоскутом можно вытирать пыль. Мерзавцы, а не оборотни!

А чернильница (выигранная у гнома в презренную зернь!) действительно великолепна. Формой напоминает грушу, металл густо-желтый, без примесей. Украшена потрясающим орнаментом из драгоценных камней — великолепно гранёные сапфиры, рубины, аметисты, опалы. Змеистый пояс густо-зелёных изумрудов в виде Мирового Змея. Крышечку венчает чистейшей воды восьмигранный алмаз. Настоящее сокровище! Конан от зависти все локти искушает!

Впрочем, нет. Не искушает. Применение для этого подарка судьбы я отыщу немедленно.

— Тотлант, будешь отдыхать? — осведомился я.

— Буду, — согласился стигиец. — По-своему. Если ты не против, пойду копаться в библиотеке. Между прочим, со мной прибыл сопровождающий

— нечто вроде телохранителя. Разместишь? Тем-вик — парень совсем молодой, устал с дороги.

— Вот дверь в спальню, — отмахнулся я. — Устраивайтесь, как хотите.

Спустя квадранс я, поприличнее одевшись, вышел из замка в город, миновал площадь Эпимитриуса, вышел на улицу Сигиберта Завоевателя, и направился в торговый квартал Рогаро. С видимым презрением окинул взглядом дом ростовщика бар-Мираэли и злонамеренно повернул к его главнейшему конкуренту, в здание напротив — тут квартировал офирский ювелир месьор Аротидис. В кулаке я сжимал бесценную древнюю чернильницу.

Последующий визит — к серебролюбивому Шомо бар-Мираэли. С тошнотворно царственным видом я выложил на стойку мешочек с золотом и обрел свое сокровище. Немедленно надел его на шею.

В замок я возвращался пешком. Плащ был нарочно распахнут, чтобы прохожие видели Орден Большого Льва, выкупленный у ростовщика — государственный герб на шикарной цепи из самоцветов с выложенной опалами надписью: «Где властна воля — там путь к победе!»...

Карманы приятно отягощались еще двумя кошелками, полученными у ювелира за подарок Эртеля и Веллана, а праздные тарантийцы, завидев высочайшую награду Аквилонии, подобострастно кланялись.

Сам королевский советник, не шуточки! Его (моя!) светлость! Большой вельможа!

Жизнь постепенно становилась почти прекрасной. Но так или иначе я этим же вечером потребую у Конана Канах отпуска.

Откажет — будет плохо. Это я обещаю.

* * *

Если вы доселе не представляете, что такое Малый Государственный Совет нашего замечательного королевства, я сейчас расскажу.

По любым законам, признанным дворянством и всеми прочими сословиями Аквилонии, страной правит единодержавный монарх — король. Именно за королем остается последнее слово в любых решениях, касающихся судеб страны. Однако, понятно, что один человек не в состоянии надзирать за всеми тонкостями политики или торговли, следить за армией, тайной службой или стражей городов. Посему, при участии короля, обычно собирается Малый Совет — эдакое маленькое правительство королевства.

Возглавляет Совет сам Конан I Канах, а при его отсутствии — великий герцог Просперо Пуантенский. В действительности, наш Леопард (это прозвище Просперо заслужил благодаря фамильному гербу с тремя оскалившимися леопардами в червленом геральдическом щите) ныне является возможным преемником Конана на троне.

У Конана нет законных сыновей. Надеюсь, это положение продлится недолго.

Если с правящим королем (пусть нас Митра защитит!) произойдет что-нибудь скверное, Конан в завещании назначил Просперо наследником короны.

Оно и к лучшему. Старый Пуантенский герцог Троцero постоянно болеет, а вот Леопард — идеальная фигура. Умен, сравнительно молод, решителен, завоевал искреннее уважение дворянства и народа. Возможно, если Конан не обзаведется суп-

ругой и кровными наследниками, через некоторое время, мы получим короля Просперо Первого... Сейчас он — вице-король и второй человек в стране после киммерийца.

В Совет также входит наш железный канцлер Публио, герцог Форсеза. О нем я уже высказался. Не люблю я старого Публио — казнокрад выдающийся, но как администратор незаменим. За ним — генеральный казначей страны, усталый и издерганный Ришильди, он присутствует на заседаниях редко, но дело свое знает.

А вот тысячник — или, если по-благородному, легат войска — Паллантид приходит всегда. Он командует всей гвардией столицы, а в случае войны становится главнокомандующим аквилонской армией. В совете участвует и барон Гленнор — удивительнейший человек. Гленнор возглавляет секретную службу короля, получает указания только от Конана, не подчиняется никому кроме монарха и богов и вообще делает половину аквилонской политики.

Я остаюсь последним из семи величайших персон, правящих страной. Мои задачи просты — быть секретарем, составлять нужные документы, и не высовываться, пока не выскажутся остальные... Собственно, звание «тайного советника» было введено специально ради меня. Чтобы обидно не было. Жалование повысили ровно на девять кесариев — Публио решил, что в качестве библиотекаря я и так получаю более, чем достаточно. То есть в четыреста раз меньше самого Публио, не считая его незаконных доходов. Старый негодяй.

Я уже всерьез задумываюсь: может, продать из-под полы десяток-другой книжных раритетов

из королевской библиотеки? Все равно никто не заметит.

...Взгляните на нашу теплую компанию. Почти все в сборе, кроме казначея — Ришильди, он как всегда занят делами. Ах да, забыл упомянуть «королевского советника по делам магии и волшебства», то есть нашего придворного волшебника, уважаемого и престарелого Озимандию из Темры.

Его приглашают только в самых тяжелых ситуациях, когда дела связаны с колдовством, или без участия магии невозможно разрешить назревшие трудности. Озимандия сегодня тоже остался дома, со своей очаровательной супругой. А так — правительствующий совет Аквилонии перед вами.

Белая гостиная, очень любимая Конаном. Король и Паллантид, усевшись прямо на подоконнике, громко спорят о снаряжении нововведенного легиона тяжелой пехоты, который должен охранять границу с Немедией на горных перевалах. Надутый и одетый с пошлейшей роскошью Публио вместе с хмуро-деловитым Просперо разбирают некие таинственные бумаги — не иначе, доклады из провинций, о налоговых сборах. Барон Гленнор, как поступает всегда, дремлет в кресле возле огня, не обращая внимания на остальных. Хальк Юсдаль, наблюдая за суетливой прислугой, расставляющей на низком мраморном столике блюда с закусками, кубки и винные кувшины, попросту скучает. Мое дело маленькое — слушать и делать выводы.

Любопытно, зачем Конан собрал нынешним вечером Малый Совет? Надеюсь, скоро узнаем.

— Усаживайтесь! — наконец скомандовал король, занял свое кресло в торце стола и подождал,

пока устроятся все прочие. Гленнор не проснулся — барон сидел спиной к нам и вызывающе похрапывал. — Начнем наши танцы, благороднейшие месьоры. Просперо, кувшин ближе к тебе — плесни либнумского вина в мой кубок... Спасибо. Ну, а теперь рассказывайте. Какими гадостями Малый Совет порадует меня сегодня? Еще не всю Аквилонию распродали офирцам или шемитам?

— Не всю, — буркнул великий герцог. — только половину. Словом, мой король, дела у нас обстоят не лучшим образом. Налоговые сборы снизились почти наполовину — прошла зима, холодная и снежная, караванов пришло гораздо меньше, чем ждали, торговля увяла, хлеб из-за прошлогоднего неурожая в Боссонии и Пуантене пришлось закупать в Шеме и Аргосе за счет казны. Расходы огромные. Беспокоят пикты, отчего пришлось перевести поближе к Пуше несколько легионов из Гандерланда и с немедийских рубежей. Границу на Восходе теперь закрывают новонабранные отряды — опять казенные траты...

— Содержание войска — дело обязательное, — вставил Паллантид, но герцог лишь поморщился, сказав:

— Конечно, но Аквилония сейчас не находится в состоянии войны, а пикты — зло привычное. Дальше. Цены на хлеб выросли, налоги остались прежними, отсюда новый недобор в казну. В столицах герцогств управители короны предпочитают удерживать золото у себя, а не направлять в Тарантию. Расходы на королевский двор опять превысили все мыслимые пределы (Просперо недовольно покосился на Конана), только на празднование Белтайнна и угощение от имени короля

для горожан мы потратили добрых восемь тысяч кесариев...

— А месьор Публио, получив в сокровищницу государственной канцелярии конфискованные на границах контрабандные товары, распродал их втридорога, а разницу положил в свой карман, — внезапно проснулся барон Гленнор. — По моим подсчетам, сумма составила пятнадцать тысяч.

— Публио? — Конан с людоедской улыбкой взглянул на канцлера. — Зачем тебе столько денег?

Старик, уподобляясь рассерженному индюку, напыжился, гневно раскраснелся и подъял очи горе. Всем видом дал понять: Гленнор возвел на его светлость гнусную напраслину. Но каждый отлично знал — глава Латераны врать не будет, ибо Гленнор, наверное, единственный честный человек в Аквилонии... То есть, он честен, только когда дело касается интересов собственно нашего королевства и монарха. С нашими заклятыми друзьями и врагами из-за границы барон не церемонится — тут все средства хороши.

— Вернешь все до последнего асса! — рыкнул киммериец. — Барон Гленнор проверит. Еще раз услышу о казнокрадстве — лишишься головы.

Публио горько и обиженно вздохнул, остальные же понимающе улыбнулись. Варвар грозился казнить нечистого на руку канцлера на каждом Малом Совете, но угрозы пропадали втуне. Конечно, Публио вернет королевству какую-то (небольшую) часть, но прочее оставит себе. Его ничем не исправишь.

— К началу лета мы останемся нищими, — продолжил Просперо. — Разумеется, сейчас реки очистились от льда, началась торговля по воде,

подсыхают дороги и вскоре пойдут караваны... Из губернаторов провинций деньги я выбью. Не забудем: в деревнях начали сеять, а зерна для посева не хватает. Придется покушать. Даже при самых благоприятных обстоятельствах, мы будем балансировать на самой грани. Ограничим любые расходы, включая войско. Никаких «больших коронных торжеств», празднование пятилетия коронации Конана придется отменить...

Верно, герцог непогрешимо прав: в этом году, в начале лета планировалось с огромным размахом отметить пятилетнюю годовщину восшествия киммерийского короля на трон.

— Надо спешно, любым способом, пополнить казну, — заикнулся Публио, будто и без его рекомендаций эта истина не являлась очевидной. — Может, стоит поднять налоги? Хотя бы ненамного.

— Или провести маленькую победоносную войну, — фыркнул король. — Например, разграбить Офир.

— И получить полновесную войну со всем Закатом, — обреченно кивнул Просперо. — От Зингары до Турана. Налоги тоже повышать не станем, пока, по крайней мере. Надеюсь, выкрутимся, если немного поэкономим на самих себе. Начался торговый сезон, сборы должны подняться. Еще придется распустить часть войска — скажем, никому не нужные конные тысячи на границе с Зингарой. Королева Чабела не собирается с нами воевать...

Немедленно возмутился Паллантид, заявив, что покушение на армию равнозначно самоубийству королевства, и сразу начался долгий и малоосмысленный для непосвященного спор о том, как болезненно повысить сборы в казну и одновремен-

но не разорить дворянство, землевладельцев и людей ремесла. Ничего не понимая в хитростях денежной политики, я перестал слушать, взялся за перо и пергамент, быстро набросав прошение к королю от имени некоего Халька Юсдаля. Встал, подошел к Конану, наблюдавшему за оживленным диспутом правителей Аквилонии и подsunул ему бумагу.

— Что? — киммериец мельком взглянул на прошение. — Подписать? Давай перо.

Он черкнул внизу ожидаемую мною строчку: *«Прочел и одобрил, Конан Канах»*. Эдак я мог положить перед невнимательным варваром текст чисто-сердечного признания в соvrщении королевской кобылы, а потом его обнародовать — вот смеху было бы!

— Постой! Что это была за бумага? — Конан схватил меня за рукав, когда я попытался отойти и спрятать пергамент в рукав. — А ну, дай сюда! Давай, давай!

Слабо сопротивляясь, я вернул прошение Конану. Он прочитал и поднял на меня взгляд по-детски ясных синих глаз:

— Ты обезумел, — заявил Конан, тыкая пальцем в пергамент. — Какой отдых? Да еще на сорок дней? Хальк, не ожидал такой ушлости — надо было додуматься приписать: *«выплатить королевскому библиотекарю из средств канцелярии сто кесариев содержания»*. Думал, не замечу?

— От сотни монет Аквилония по миру не пойдет. Публио, между прочим, украл пятнадцать тысяч! — прошипел я, с ужасом наблюдая, как варвар разрывает в мелкие клочки мое несостоявшееся прошение.

— Вернет, — с возмутительной уверенностью сказал король, смахивая ладонью ошметки документа на пол. — Хальк, ты просто настоящий государственный изменник. Покидать своего монарха в такие трудные дни... Свинья ты, а не тайный советник. Запомни: до середины лета останешься в Тарантии. Если нечем заняться — отправлю в канцелярию Публио. Следить за канцлером, чтобы не таскал золото из казны. Ясно?

— Только не это! — простонал я. Все, включая Конана, отлично знали, что у нас с Публио были весьма серьезные разногласия, граничащие с мелочной враждой. — Конан, ваше величество...

— Не канючь, — нахмурился киммериец. — Сказано — остаешься в Тарантии. Занимайся, как и все, полезными делами. Садись на место.

Таким образом, мои радужные мечты о беспечном путешествии домой и в Пограничное королевство, были погублены бессердечным королем едва зародившись.

Ну, теперь я вам устрою веселенькую жизнь! Навсегда запомните, как обижать библиотекаря!

Остается всесторонне обдумать план отмщения. Чем я и займусь ближайшим вечером.

* * *

На ужин в покоях короля я, в нарушение долгой традиции, не пошел — обиделся. Предпочел общество Тотланта и его сопровождающего. Приказав слугам доставить с дворцовой кухни еду и вино, я разжег камин, украсил свою гостиную комнату несколькими десятками свечей, сдвинул кресла треугольником вокруг овального столика,

чтобы удобнее было разговаривать, и начал долгие расспросы гостей о житье-бытье в Пограничье.

Вместе с Тотлантом приехал невысокий, русоволосый и худощавый парень, назвавшийся Темвиком. Я его вспомнил — встречались четыре с половиной года назад, во времена Полночной Грозы. Темвик вызвался быть проводником у нашего отряда, покидавшего Пограничье после уничтожения Небесной горы. Уже тогда Темвик служил в дорожной страже Пограничья, а за прошедшие годы аж получил звание сотника. Наверняка, сказалось отдаленное родство с королем Эрхардом.

Темвик, как и многие обитатели Пограничья — оборотень. То есть он владеет способностью превращаться из человека в волка и обратно. Ничего удивительного — народ оборотней, называющий себя «Карающей Дланью» составляет больше трети подданных Эрхарда, владеющего самым удивительным королевством Закатного материка. В этой далекой стране мирно уживаются целых три расы, составляющие общность, именуемую «народом Пограничья»: оборотни, люди и подгорные гномы (кстати, некоторые гномы в последние годы переехали жить на поверхность из-за разрушения Зеленым Пламенем подземных городов).

Если Тотлант отправился в Аквилонию повидаться с товарищами по Гильдии Равновесия, то Темвик выполнял сразу две обязанности. Во-первых, следить за волшебником, ибо король Эрхард полагал стигийца редкостно несамостоятельным типом, не способным бороться с жизненными и дорожными трудностями. Вероятно, старый оборотень прав: сколько я знаю Тотланта, он никогда не умел поставить шатер, добротнo приготовить пи-

шу на костре или непринужденно дать в ухо недоброжелателю — ничего не попишешь, волшебник! Во-вторых Темвик вызвался что-то купить в цивилизованной Аквилонии для нужд своего королевства — книги, дорожные карты Заката и всякую прочую полезную мелочь.

Судя по рассказу Тотланта, дела в Пограничье обстояли неплохо. Уж всяко лучше, чем у нас, если вспомнить заседание Малого Совета, на котором я только что побывал.

Эрхард нашел деньги для возведение нового королевского замка — прежний начнут сносить грядущим летом. Торговля идет, а если учитывать, что Пограничье является центром пересечения дорог между Полуночью и Полуднем (сиречь, меж Нордхеймом вместе с Гипербореей и государствами, находящимися полуденнее Граскаальских гор) — дорожные сборы исправно наполняют казну.

А в остальном, патриархальное Пограничье живет по-прежнему. Казусы, конечно, случаются — Веллану и Эртелю, двум ближайшим помощникам короля, дарованы герцогские титулы. Это сообщение вызвало у меня приступ неудержимого хохота — если вспомнить наших развеселых оборотней, и обликом и манерами напоминающих отпетых искателей приключений с больших и малых дорог, то поймешь, насколько обесценены в нашем несовершенном мире старинные дворянские привилегии. Или вот еще: посланником Пограничья в Немедии назначена девица Зенобия, старшенькая дочурка купца Стеварта, главы торговой управы — воображаю, каким сомнительным успехом будет пользоваться низкородная варварка среди немедийских дворян...

(Забегаю далеко вперед, сообщу, что насчет провала карьеры Зенобии я оказался категорически не прав. Впрочем, это — дела будущего, о них рассказано в другой части Хроники...)

— Тотлант, будь добр, расскажи, отчего маги Равновесия вдруг решили собраться? — поинтересовался я у смуглокожего волшебника, потягивавшего свою любимую ягодную настойку. Я перебивался сладким шербетом, Темвик налегал на драгоценное либнумское вино. — Собираетесь учредить гильдию?

— Гильдия магии Равновесия давно существует, — отмахнулся стигиец. — Конечно, у нас нет признанного главы, конклава, который может решать текущие вопросы, мы не вносим пожертвования... Признаться, «равновесников» не столь уж много. Вспомни, стигийский «Черный Круг» или «Белая Рука» в Гиперборее насчитывают до полутора сотен магов. И это только две наиболее известные группы колдунов, избравших покровительство Тьмы. Поменьше адептов в Орденах Золотого Лотоса, который создал Пелиас из Кофа — Пелиас в кои веки решил создать обширную организацию Белых магов. А мы... Мы стоим на лезвии клинка. Нельзя и откатиться к Тьме, и обратиться к Свету. Всего должно быть в достатке. Сначала на равновесников не обращали внимания, потом устраивали гонения, а теперь, что Черные, что Белые, начали переманивать последователей Алого на свою сторону. По одиночке бороться с противниками мы не можем. Посему и решили созвать заседание гильдии... Будем искать принадлежащие Равновесию артефакты, создавать свою казну, школы, искать учеников. Мы хотим остаться независимыми

и от мирских владык, и от магических организаций, прочих Великих Сил Вселенной. Я понятно объяснил?

— Благодарю, вполне доходчиво, — кивнул я. — А что ты хочешь найти в королевской библиотеке?

Я взглянул на кипу старинных фолиантов принесенных Тотлантом из залов книгохранилища.

— Деньги, — усмехнулся волшебник. — Золото не помешает и Гильдии, и мне самому, и Пограничью. Представляешь, сколько кладов и просто позабытых сокровищниц находится на Полуночи нашего материка?.. Вот в прошлом году: немедийцы, в Крейне — это довольно большое графство возле Соленых Озер — откопали драгоценности какого-то кхарийского вельможи. Судя по надписям — сокровищнице было около полутора тысяч лет. Представь, никаких трудов: просто начали рыть котлован под фундамент нового форта и наткнулись на древнюю кладку. А под камнями — золота, камней и изделий почти на полтора сфинкса.

— Сколько?! — поперхнулся я. — Полтора? С ума сойти!

Ничего себе! «Сфинксом» называется особо установленная Офирским королевством мера веса драгоценного металла, причем соотношение золота к примесям должно составлять девяносто девять к одному и выше. Сфинкс равен ста тысячам офирских денариев, наиболее дорогих и полновесных золотых монет Заката — умопомрачительная сумма! Колоссальное состояние! На эти деньги можно купить целое графство, с замком, полями-леса-ми-речками, дюжиной деревень и городком.

— Именно, полтора сфинкса, — с плохо скрываемой завистью подтвердил Тотлант. — После уп-

латы налогов в Бельверус, граф Крейн раздал десятую часть оставшегося золота своим кметам и дружине, а остальное вполне законно присвоил. И стал одним из самых завидных женихов Немедии.

— Повезло, — вздохнул молчаливый Темвик. — Нам бы в казну эти деньги... Тогда Пограничье стало бы жить не хуже Аквилонии.

В моей ученой голове проскочила некая недобрая мысль. Но я, запомнив внезапно возникшее соображение, продолжил расспрашивать слегка опьяневшего Тотланта:

— Ты полагаешь, будто в книгах моей библиотеки можно отыскать указания на древние клады? Чепуха! И я, и мои предшественники, давно перерыли все хроники и летописи, надеясь обнаружить сведения о сокровищах давно ушедших королей! Думаешь, несколькими поколениями библиотекарей и желающим пополнить свой карман государям было не интересно найти старые карты или планы? Я пытался, но ничего не вышло... Или сокровища давно разграблены, или сведения неточны, а то и попросту выдуманы. Полуночные страны — это тебе не родная Стигия, где в любой кхарийской пирамиде захоронено сокровищ больше, чем можно вообразить простому человеку.

— Тут жили атланты и те же кхарийцы, — покачал головой Тотлант. — И змееногие. И альбы. Сам знаешь, местонахождение Стобашенного Пифона доселе не обнаружено, а ведь великая империя возводила множество городов, храмов, святилищ... Если обитатели Хайбории однажды найдут Пифон — самый последний нищий окажется богаче короля. Пойми, в те времена золото не было чем-то особенным, но обычным красивым метал-

лом. Им украшали постройки, делали посуду для любого, самого простого дома... Признаться, это лишь предположения. Мечты. Так или иначе, сейчас самыми несметными богатствами владеют гномы, разрабатывающие золотые жилы и самоцветы. Но, как известно, за всю немаленькую человеческую историю люди не могли победить или даже временно захватить царства подгорных карликов. Надо искать развалины на поверхности земли, копать, буквально разнюхивать малейшие следы... Возможно, что-нибудь отыщут. Когда-нибудь.

Моя недавняя мысль снова вспыхнула с яркостью летнего метеора... Но у меня недостаточно сведений! Если проявить хитрость и настойчивость — привлеку Тотланта в качестве невольного союзника.

Постепенно замысел начал формироваться. Если дело выпорит... Что тогда будет? Не знаю. Но, по меньшей мере, потешу свое самолюбие. И как следует посмеюсь.

А может, рассказать Тотланту? Стигиец тоже большой любитель попутить по-крупному... Поглядим. Со временем. Такие маленькие заговоры следует обдумывать с исключительным тщанием. Чтобы не заподозрили.

* * *

Темвик, которому надоели многоученные разговоры отправился спать — завтра он хотел на полный день отправиться гулять по Тарантии. А я и Тотлант взялись за книги, распалившись своими измышлениями о «древних сокровищах».

Ничего путного, конечно, не обнаружили. Сохранившиеся доселе кхарийские летописи повест-

вовали только о великих подвигах царей, битвах, победах и поражениях, не давая точных указаний на местонахождение городов или богатейших храмов. Вдобавок, кхарийцы использовали совсем другую систему исчисления географических расстояний, а значит вычитанная фраза «*святилище Гхора, великолепнейшее и славнейшее, стояло в ста харрах от Пифона*», означала форменную бессмыслицу. «Сто харров» — это сколько? Сто шагов, лиг, миль, лучных перестрелов, дневных переходов или сто обычных плевков? И вообще, где находился пресловутый Пифон? Известно несколько городищ, разбросанных по землям Немедии, Аквилонии и Кофа, которые именуются «Пифоном», но в действительности они являют собой остовы обычных провинциальных городков кхарийцев. Настоящий Пифон был полностью разрушен и забыт.

— Вот еще! — возглашал я, разобрав почти непонятные строчки, выведенные неумелым писцом эпохи Эпимитриуса. — Слушай! «*В год Великого Противостояния все драгоценности алиссага кхарийцев были вывезены в область Раддэ и там тайно захоронены. Воинами алиссага убито десять тысяч рабов, дабы их гневные тени охранили...*» И так далее. Понимаешь? Десять тысяч теней убитых — чересчур серьезная стража для какой-нибудь мелочи!

— Хорошо, — отвечивал Тотлант, выкраивая на лице унылость. — Теперь объясни, кто такой или что такое «алисаг»? Человек, бог, вещь или, например, любимый кот кхарийского императора? А где находится «Раддэ»? Знаешь? Нет? Я тоже не знаю. И никто не знает. Слишком давно было.

Молчание. Тишину нарушает только шуршание пергамента и скрип переплетов. За стрельчатыми

окнами замка — глубокая ночь. Тарантия мерцает оранжевыми точками редких факелов.

— Можно посмеяться, — неожиданно фыркнул Тотлант, переводя взгляд от древней книги на меня. — Даже в «Хронике короля Алькоя» всплыло известное предание о Нифлунгах. Слышал такую историю?

— Конечно! Сказка, которую знает любой аквилонский ребенок. А в каком контексте?

Волшебник, нараспев, процитировал найденные строки:

— «Варваров орды волною накинудись, Нифлунгов земли испепелили, царь благородный и ближние воины, к Мертвому Солнцу вернуться решились...»

— Ничего особенно сложного, — отозвался я. — Это просто кеннинг — иносказание. Мертвое Солнце — закатная часть света, где по верованиям древних солнце ежедневно умирало, чтобы утром возродиться на Восходе. Сказка, ничего более.

— Тут есть четкие указания на географию. Якобы, корабли народа Нифлунгов, промыслом Митры выбросило на бесплодный берег острова Воронов.

— Как? Остров Воронов? — вскинулся я, вспоминая. — Между прочим, так называется один из островов неподалеку от побережья Пуши Пиктов. Вернее, не совсем так. «Остров вороньей стаи» — там еще при Нумедидесе хотели поставить аквилонский форт, чтобы с моря наблюдать за пиктами. Что еще написано?

— Как обычно... У царя Нифлунгов было множество сокровищ, придворных, наложниц и прочих, необходимых в далеком плавании на Закат

вещей, но воины погибли на острове или умерли с голоду, а царь и некоторые приближенные спрятали золото в пещерах и покончили с собой, ибо все корабли оказались разбиты. Бредни чистой воды. Если, как и положено в трагической саге, погибли все и каждый, то каким, любопытно, образом о гибели Нифлунгов узнал летописец?

Я подошел к Тотланту, отодвинул волшебника в сторону, взглянул на свиток с каталогом и потом внимательно осмотрел саму книгу.

Так и есть. Рукопись времен царствования братьев-королей Алькоя и Олайета. Тысяча двести лет назад. Значительно позже пергаменты были переплетены и помещены в тяжелую деревянную обложку.

Одна из самых ценных рукописей библиотеки, смею заметить. По весьма приблизительной оценке ее можно продать любому собирателю древностей за пять-шесть тысяч кесариев. Да еще и поторговаться.

Интересно другое — легенда Нифлунгов, точнее ее широкое распространение, датируется более поздними временами!

Вот вам и маленькое открытие, которое может сделать любой хранитель древнего книжного собрания!

Значит, последние представители небольшого кхарийского княжества покинули наш материк, в надежде добраться до неизвестного континента на Закате, несколько раньше, чем хайборийцы Алькой и Олайет, знаменитые основатели Аквилонии, добились полной победы...

Занимательно, конечно же, однако никакого прикладного значения данное открытие не имеет...

Впрочем, оно имеет значение для меня лично. Если я желаю чуток насолить нашему богоспасаемому государству и лично Конану — предлог перед моими глазами!

Никогда не обижайте библиотекарей. И платите достойное жалование!

Иначе, вы наполните казну моими сокровищами.

Мало не покажется!

Первый рассказ Тотланта

«Шуточки у вас!»

*Тарантия, дворец и город.
4-6 дни третьей весенней луны 1293 г.*

отлант, радуйся: в городе постепенно начинается золотая лихорадка! Надо думать, получилось! С этим восторженным воплем Хальк Юсдаль ворвался в гостиную, отвлекая меня от чтения. Русые волосы, выбившиеся из-под шапки, развеваются знаменем, короткая светлая борода взъерошена, будто старая метелка, глаза горят нешуточным азартом, а скомканный плащ зажат под мышкой. Господин барон выглядит настоящим варваром, явившимся грабить мирных соседей.

— Подробности? — немедленно отозвался я. — Все-таки, пошли слухи?

— И еще какие! Царит эдакое пикантное возбуждение, словно перед войной, государственным переворотом или вторым явлением святого Эпимит-

риуса... Не предполагал, что мои легковверные со-отечественники ухватятся за приманку настолько быстро, всеми зубами. В благородных салонах Тарантии, при дворе, на рынках, в лавках говорят о... Об этом.

— Ничего себе... — я нервно почесал подбородок и отложил книгу. — Понимаешь, что произойдет, если люди узнают истинную подоплеку? Нас обоих попросту утопят в выгребной яме! Но сначала повесят, колесуют и отрубят все конечности, вкупе с причинным местом. Похоже, мы перестарались.

— Ничего подобного! — самоуверенно усмехнулся Хальк. — Обыватели поговорят-поговорят, да и забудут. По-настоящему заинтересуются только серьезные люди.

— Этого я и боюсь.

— Оставь глупые страхи, следы заметены мастерски. Никто не докопается.

— Твоими бы устами, да пиво хлебать...

— Помолчи, деревенщина стигийская! Лучше подумай, как усугубить процесс соврашения аквилонцев с пути размеренного благочиния. Слухи необходимо подогреть, дабы наши старания не пропали втуне.

— Втуне? Тебе не кажется, что излишний ажиотаж только повредит?

— Чем больше шума, тем лучше. Тогда и Конан поверит, хотя что с него, дикого киммерийца, взять — и разумом скуден, и рожей не вышел.

— Однажды тебя точно утопят в свином навозе... И я знаю кто именно займется этим полезным делом — король Аквилонии. Сам знаешь, Конана нельзя недооценивать.

— А умные головы нам для чего? Думай, Тотлант! Думай.

— Все давно придумано. Остается действовать.

Вот такой занимательный разговор. Для людей непосвященных — насквозь непонятный.

Дело в том, что его светлость барон Юсдаль (при моем посильном вспомоществовании) два дня назад придумал клад. Не обнаружил, на разыскал, не откопал, а именно придумал.

Оказывается, Хальк обижен на короля. Причем эта, на мой беспристрастный взгляд, совершенно детская обида (подумаешь, не отпускают погостить в Пограничье! Чего он не видел в нашей дыре?) получила крайне неожиданное воплощение в виде оригинально задуманной мести.

Аквилония переживает обычные для всякого государства временные трудности — в казне, по весеннему времени, острый недостаток золота. Об этом Хальк узнал в день моего приезда, когда побывал на совете у короля. На этом же совете Конан разорвал прошение господина барона, касающееся сорокадневного отдыха и выплаты содержания за шесть седмиц. Юсдаль оскорбился еще больше.

Поздно ночью, во время многоученной беседы со мной, посвященной древним тайнам и броненным городам, Хальк случайно наткнулся на документальное подтверждение известной аквилонской легенды о сокровищах Нифлунгов. План воздаяния королю, не повинному ни в чем, кроме, возможно, некоторой невнимательности к нуждам своих ближайших соратников, созрел моментально. И я начинаю жалеть, что позволил Хальку втянуть меня самого и Темвика в эту дурно пахнущую историю.

Какую именно историю? В двух словах не расскажешь, но я попытаюсь быть максимально кратким.

Объяснения следует начать издалека. Кто же такие Нифлунги, откуда взялись, куда исчезли, и действительно ли они владели некими удивительными богатствами, каковые ныне утеряны?

Известно, что Аквилонское государство, а с ним и прочие великие державы Заката получили исток от событий, происходивших на материке тысячу двести-тысячу триста лет назад. Кхарийская империя рушилась под натиском явившихся с Восхода орд завоевателей — сообщества многочисленных племен, названного «Хайборийским союзом», по имени наиболее крупного племени.

Империя была рассечена ударами варваров, справедливо рассудивших, что столь могучего противника проще уничтожить по частям. Отдельные народы, ранее находившиеся под управлением кхарийцев, либо присоединялись к войску завоевателей, либо пытались уйти от опасности. Среди последних были и Нифлунги.

О Нифлунгах нам почти ничего неизвестно, кроме самого факта их существования. Якобы, племя обитало на полуночном закате материка, на землях ныне оспариваемых пиктами и нордлингами — ванирами.

Когда вожди хайборийцев Алькой и Олайет, вдохновляемые проповедями святого Эпимитриуса, принялись искоренять последние островки сопротивления на Полуночи континента, правитель Нифлунгов Тразарих вспомнил о самых древних легендах, повествующих о незаселенном людьми материке, расположенном за Закатным Океаном.

Далее начинается легенда, со временем превратившаяся в известную аквилонскую сказку. Соблюдены все законы сказочного жанра: есть изгнанный царь и его народ, есть сокровища, оным принадлежащие, а изменница-судьба всемерно преследует как самого Тразариха, так и его верных воинов, приводя к неизбежной гибели. Мораль: надо было слушаться Эпимитриуса, и тогда все вышло бы наоборот. Словом, эдакая наставительная история.

Про это даже неинтересно рассказывать — подобные легенды встречаются у любого народа нашего континента. Сердцем почитай богов и их посланцев — будешь счастлив и благополучен. Скуотища.

Единственной интересной деталью саги о Нифлунгах, столь неудачно пытавшихся бежать от страшных завоевателей морем на Закат, является сообщение, которое звучит таким образом:

Под самую гороку возник Нифлунгов стан,
Воителям Тразариха был клад несметный дан.
Они на берег моря его перевезли,
И стали той же ночью грузить на корабли.

О нем чудес немало рассказывают были:
Четыре дня и ночи с горы его возили
Двенадцать до отказа нагруженных возов,
И в сутки делал каждый воз не мене трех концов.

Лишь золотого да камни тот составляли клад.
Когда бы дать в нем долю на свете всем подряд,
Он и на меру меньше от этого б не стал,
Недаром каждый витязь им завладеть мечтал...

Бесспорно, неизвестный составитель повествования несколько преувеличивал относительно ко-

личества сокровищ, однако таковы неперменные традиции жанра эпической легенды. Но если бы «золота да камней» оказалось мало, составитель саги просто не упоминал бы о драгоценностях Нифлунгов — вполне бы хватило личной трагедии погибающего народа и его правителя, Тразариха.

Итак, золото все-таки было. Золота было много. Если верить саге — очень много. Куда оно подевалось — неизвестно.

На этом и решил сыграть Хальк.

Наутро, после нашего первого разговора, королевский библиотекарь попросил меня помочь... как бы это сказать?... в скромном розыгрыше. Ничего особенного — просто хочется немножко подразнить короля. Его величество решил, что весь мир (включая персону Халька) приспособлен только под его желания и хотения — что ж, придется короля слегка разочаровать.

Тотлант, это всего лишь небольшая шутка. Малысенькая. Крохотная. Очень безобидная. Никто ничего не узнает.

Поможешь?

И я, сдуру, согласился.

* * *

Барон Юсдаль — истинный царедворец. То есть он действительно выглядит как приближенный короля — носит на груди Орден Большого Льва, задирает подбородок, способен, как выражаются стихосложители, «метнуть глазами презрительные молнии», и вообще его облик (при большом желании со стороны самого Халька...) убедит любого в том, что сей благородный муж стоит по правую

руку от трона и поддерживает мантию монарха... А еще Хальк является истинным царедворцем потому, что он способен буквально из пустоты создать самую невероятную интригу. И проверить оную почти без участия помощников. Завидное умение.

Теперь, как ни жаль, этот редкий талант обращен в пользу уязвленного самолюбия месьора Юсдаля.

Я живу в тихом Пограничье, и самые страшные интриги, доступные двору короля Эрхарда Оборотня состоят в банальных любовных похождениях да глуховатых розыгрышах как со стороны лично Эрхарда и его приближенных, так и с моей — я владею искусством волшебства, а значит, и определенным преимуществом.

Просто в Пограничье очень много иных, более важных дел. У нас нет времени на дурацкие забавы и нелепые обиды.

Хальк время нашел. И начал действовать.

Смысл его авантюры был таков. В казне очень мало денег. Ради получения нескольких лишних тысяч золотых кесариев Конан наизнанку вывернется. И вывернет своих приближенных. Так или иначе, Аквилония не разорится — слишком сильное государство, но вот найти занятие для скучающего монарха и не менее скучающего библиотекаря, жаждущего на время покинуть душную столицу, вполне можно. А именно: они поедут отдыхать. Почему и каким образом?

Да потому, что в Тарантии возникнет слух, будто обнаружены несметные богатства сказочных Нифлунгов! Море разливанное золота и драгоценных камней!

Съездим. Поглядим, поищем несуществующую черную кошку в темной комнате, несолоно хлебавши вернемся обратно... Присутствие короля в столице вовсе не обязательно — с делами государства отлично справится герцог Просперо. А Конан и отдохнет, и развеется на природе. Разочаруется в древних легендах? И что такого? Король каждый день терпит куда более тяжелые разочарования!

Остается придать этой выдумке вид подлинности. И не вызвать подозрений.

За чем же дело стало?

Не знаю почему, но мысль Халька внезапно мне понравилась. Вчера, во время встречи с Конаном, король показался мне излишне хмурым, в отличие от прошлых лет — я всегда помнил киммерийца веселым и быстрым на подъем человеком, которому великий грех уныния был насквозь чужд.

Ладно, я помогу барону Юсдалю. Не ради самого Халька, чья ухмылочка вызывала у меня нехорошие подозрения, а ради Конана — варвару, видать, надоело целую зиму безвылазно сидеть в Тарантии. Пускай развлечется охотой за несуществующим (или давным-давно утопленным в Океане) кладом. Известно, что глубины времени и моря крайне редко возвращают свои сокровища людям. В любом случае Конан или его посланники ничего не найдут.

...Когда предварительный план действий был готов, мы отправили Темвика гулять по городу, а сами, обложившись огромным количеством книг, карт местности, летописей и прочих необходимых для столь серьезного дела принадлежностей, начали изготавливать «доказательства». Было ясно, что если мы, в лучших традициях шадизарского жу-

лья, состряпаем какую-нибудь простенькую «древнюю карту», никто в существование сокровищ Нифлунгов не поверит. Следовало поработать тщательно и сразу в нескольких направлениях.

Никакого острова Воронов, о котором упоминалось в «Хронике короля Алькоя» на картах, само собой, не было, а использовать в качестве местоположения «клада» вспомнившийся Хальку остров Вороньих Стай смысла не имело — и населен людьми, и чересчур маловат.

— Что бы такого оригинального придумать? — вопрошал сам себя барон Юсдаль, склонившись над обширной картой побережья и архипелагов, расположенных к полуночному закату от Пуши и Ванахейма. — Вот острова Чертоги Имира... Не пойдет, слишком далеко. Следует выбрать что-нибудь полуденнее фьорда Старкардгарт, и уж точно не полуночное Оскаленного фьорда и устья реки Нямун. Там слишком холодно, льды, дикие нордхеймцы, бр-р-р... Вот, Тотлант, взгляни — Ванские острова. Довольно большой и необжитый архипелаг. А вот остров Вадхейм — вполне подойдет...

Я взглянул. Действительно, удобно. Можно безопасно добраться из Аквилонии по суше, оставляя справа Киммерийские горы и выходя к городку Рагнарти, который в равной степени принадлежит и варварам-ванирам и аквилонским купцам, торгующим с Полуночью. Затем — на ладье. Островов много, около полутора десятков, достаточно выбрать любой (тот же Вадхейм, избранный Хальком) и измыслить правдоподобную сказку о том, что царь Тразарих сотоварищи погиб именно там.

Я нарисовал сразу четыре карты — якобы кхарийские и раннеаквилонские. Пришлось употре-

бить все умения, полученные некогда в магической обители моего родного Луксура — надписи по-кхарийски, особые символы, стилистика прежних картографов, все это должно быть учтено.

Хальк тем временем подделывал летописи, касающиеся событий первого века от основания Аквилонии. Все это заняло полный день работы — ничего не скажу, творить древнюю историю собственными руками довольно увлекательно.

— Отлично! — Хальк с торжествующим видом откинулся на спинку кресла, когда основные фальшивки были готовы, а я наложил на пергаменты заклинание — чтобы выглядели старинно и подлинно. — Карт у нас четыре, каждая взаимодополняет друг друга, и только собрав их вместе, можно будет получить полную картину. Три плана я непременно подброшу в разные библиотеки — при главном храме Митры, военной управе и в библиотеку тарантийской Обители Мудрости. И ненавязчиво сделаю так, чтобы о них узнали. Четвертый план спрячем в моем хозяйстве, для верности... Завтра же начинаем распространять слухи. Мне обязательно понадобится Темвик.

— Зачем? — удивился я. — Парень ничего не понимает в подобных вещах. Он, как и все провинциалы, прост как угол стола! Чем Темвик может помочь? Зачем?..

— А затем, что интрига только начинается. Помнишь подарочек Веллана? Чернильницу? Я, увы, успел ее заложить ювелиру Аротидису, но деньги не потратил... Проклятье! Вновь придется расставаться с семейной честью!

С этими словами Хальк потянулся к валявшемуся на столе тяжелому Ордену Большого Льва —

им придавили угол состряпанной нами липовой карты.

— Заложу орден — выкуплю чернильницу, — со вздохом, заявил господин барон. — Остальное — работа твоя и Темвика.

— А именно? — я удивленно поднял брови.

— Очень просто. Вы, как бы невзначай, встретитесь у ростовщика Шомо бар-Мираэли. Ростовщик не только жаден, но и невероятно болтлив. Гномья чернильница изготовлена давно, по узору и чеканке видно. Стоит она огромных денег. Кто тебе сказал, будто в кладе Нифлунгов не было сокровищ гномов?

— Дальше? — обреченно потребовал я.

— Темвик — варвар. И выглядит как варвар. Одевается как варвар! Видел, в каком облачении он пошел гулять по нашей великолепной столице? Ужас — мех и кожа, никаких тебе шелков-парчи-кружев! Он вполне может сойти за асира — бар-Мираэли в разновидностях варваров не разбирается. Темвик показывает шемиту чернильницу, и рассказывает байку о том, как его несуществующий асирско-ванирский дядюшка нашел ее на избранном нами острове. Он картинно пожимает плечами, возводит очи горе, и наконец проговаривается, будто этот остров — и есть тот самый, легендарный, из сказки о Нифлунгах. Ты вступаешь в разговор, восторгаешься вещицей, а в финале, с авторитетом волшебника подтверждаешь: да мол, как раз такие прекрасные изделия в кладе и были, мол сохранились описания! Короче, придумашь что-нибудь поубедительнее. Тем же вечером говорливый шемит раззвонит о чудесном приобретении на весь квартал, к утру об этом узнает вся Таран-

тия, а через сутки слухи докатятся до Турана и Вендии...

Я от подобного нахальства лишь головой покачал. Спросил:

— А ты что будешь делать?

— Сначала займусь библиотеками. Затем подниму на уши Обитель Мудрости — у меня найдется десяток-другой знакомых слушателей-вагантов, из числа горячей и образованной молодежи. Им шепни слово «тайна» и они горы перевернут. В это время одна из карт и фальшивая страница из летописи будут уже покоиться в архивах Обители, дожидаясь своего первооткрывателя.

Барон Юсдаль ядовито хихикнул и поинтересовался у висящего напротив портрета короля Сигиберта Завоевателя:

— Вот интересно, смогут ли трое заговорщиков за несколько дней заразить огромный город манией кладоискательства? Посмотрим-посмотрим... Тотлант, давай-ка еще поработаем. Нужно сочинить несколько убедительных писем, которые сможет перехватить тайная служба...

У меня челюсть отвисла.

— Спят? Ты и Латерану собираешься привлечь? Благодарю покорнейше — не желаю висеть на дыбе в костоломной мастерской вашего кошмарного барона Гленнора!

— Гленнор — прекрасный человек, — невозможно заявил Хальк. — И у него есть чувство юмора... Весьма своеобразное, правда. Давай, не ленись — взялся за пляску с демонами, продержись до конца песни!

Кажется, авантюра месьора библиотекаря начала переходить границы разумного.

Боюсь, мы за это жестоко заплатимся.

В крайнем случае — всю вину свалю на Халька. Это он придумал!

* * *

Следующим утром Хальк привел меня и включенного в заговор Темвика в один старых кварталов Тарантии. Назывался он «квартал Рогаро». Это старое аквилонское слово, обозначающее торговцев всяческими редкостями. Магическими предметами, старинными вещами или красивыми и очень древними поделками. Здесь жили люди, содержавшие на первых этажах своих домов многообразные лавки, магазинчики и даже курительные комнаты для любителей дурающих травок, привозимых из восходных стран. Тут же процветали заведения богатых ростовщиков.

Рогаро выстроен несуразно. Множество маленьких узких улиц, арок, проходных двориков, перепутанных меж собой, как лесные тропинки. Мы свернули на улицу Золотого Тигра, и барон указал нам на коричневый двухэтажный дом с вывеской, под засиженным голубями карнизом: *«Торговля достопочтенного Шомо бар-Миразели из Гарзеи, что в Шеме. Залог, ссуды, покупка драгоценностей. Милости просим!»*

Хальк уже успел провернуть дело с залогом Ордена и выкупом чернильницы, которая ныне находилась в объемистом кошельке на поясе Темвика. Оставалось добросовестно разыграть спектакль.

Темвик, после недолгих уговоров согласился поучаствовать в розыгрыше — как и все оборотни, был любителем позубоскалить над ближним и

дальним своим. Хальк объяснил ему, что и как надо говорить, дабы у ростовщика не осталось и тени сомнений в преподнесенной ему байке. Оборотень одели как и полагается — полосатые нордхеймские штаны, короткие сапоги, верхняя и нижняя рубахи с тесьмой и вышивкой, плащ заколот серебряной асирской фибулой, меховая шапка, меч в деревянных ножнах — варвар варваром. Для маскировки Темвику приклеили раздобытые Хальком незнамо где накладные бороду и усы, ибо мой оборотень столь неперменные украшения варварского лица не носил, брился каждый день. Где это видавали нордлинга без бороды? Извините, но такого не бывает.

Темвик, грозно сдвинув соломенные брови, толкнул дверь и вошел в заведение ростовщика. Не преминул зацепить ножнами клинка лакированное дерево дверного косяка. Спустя некоторое время я отправился следом. Хальк остался на улице — ждать.

В целом лавка ростовщика оказалась именно такой, какой я себе и представлял. Темные шкафы, забитые пухлыми книгами, прилавок, весы, на стенах в аккуратных деревянных рамках висят какие-то официальные пергаменты с гербами и печатями — разрешения на торговлю, надо полагать. Пахнет присутственным местом и сургучом.

И сразу на меня обрушился шквал — в лавке свирепо торговались.

В благороднейшем искусстве торгового спора нет народа, способного победить и обойти природного шемита. Ни одного. Кроме варваров с Полуночи, будь то нордлинги, киммерийцы или жители Пограничья. И с каким неземным блаженством

они это делают! Я буквально залюбовался Темвиком.

— Да ты, посмотри! Ты глянь! — орал оборотень, тыкая пальцами в выложенную на прилавке чернильницу. — Нет, ты внимательнее посмотри! Да одних изумрудов здесь на шестьсот кесариев!

— Юноша, где вы видите шестьсот? Скажите, где? Какие изумруды — вкрапления малахита!

— Малахита? Что за люди в этой Аквилонии глупые! Какой малахит? Изумруд чистейшей воды! А алмаз на крышечке — скажешь, горный хрусталь? Или вообще стекло?

— Мутный он, твой алмаз!

— Глаза протри, мутным не будет!

И так далее. Месьор бар-Мираэли оказался худощавым, средних лет, уроженцем Побережья, одетым в коричневый костюм с полосатой накидкой-таллесом поверх. Угольно-черная бородинца веером делала его похожим на гнома-переростка. Вopil он с наслаждением. Легко. Со знанием дела. Но перекрыть раскаты голоса Темвика у шемита не получалось.

Продавать ценный подарок Хальк не желал, чернильницу требовалось отдать в рост — пять кесариев за каждые пятьдесят за седмицу.

Но и оборотень и бар-Мираэли сцепились в словесной битве так, будто решалась судьба Вселенной, ни больше, ни меньше! Никто не желал уступить.

Пока они выясняли, сколько денег получит Темвик за удивительную вещицу, ко мне подбежал здешний служка, с испуганным почтением покосился на хламиду гильдейского мага, посох и волшебное кольцо на пальце, и застенчиво осведомил-

ся, что угодно многоуважаемому колдуну. Многоуважаемый колдун надменно процедил, что разговаривать будет только с хозяином. Затем подошел ближе к стойке.

Темвик, мерзавец эдакий, увлекся. Едва речь зашла о процентах с заклада, он с горящими глазами ринулся в новое сражение, и — ничего себе!.. — выторговал три кесария за седмицу, а не пять. О главном оборотень, похоже, напрочь позабыл.

Было достаточно малой паузы — Темвик набирал в грудь воздуха для нового залпа в сторону бар-Мираэли, который начал выглядеть вспотевшим и несчастным. Я склонился над стойкой, оглядел предмет спора, и как бы невзначай заметил:

— Исключительно древняя вещь. Первый век, самое позднее — третий.

— Что? — поперхнулся бар-Мираэли. — Как ты сказал, почтенный?

— Ей около тысячи лет, возможно — побольше, — повторил я. — Не думал, что подобные драгоценности еще встречаются.

— Ты... Ты уверен? — в глазах шемита появилось неопределенно-жадное выражение. — Неужели правда?

Я щелкнул пальцами, пробубнил простенькое заклинание и над стойкой образовалось облачко розовых искр. Бар-Мираэли отшатнулся.

— Правда, — снисходительно кивнул я, убирая свечение, которое на самом деле было всего лишь красивым магическим фокусом без всякого другого смысла. На шемита, однако, впечатление произвело. — Я прочел заклятие, определяющее возраст изделия... Первый век, эпоха основания Аквилонии. Делали гномы.

Повернувшись к Темвику, я с деланным интересом спросил:

— Любезнейший, а откуда у тебя такая замечательная вещь? Это настоящая редкость!

Темвик сыграл замечательно. Еще одно полезное умение варваров — безмерное хвастовство. Он выложил заученную легенду — насквозь лживую, но убедительно звучащую. Тут присутствовал и «дядюшка Сигурд», и дядюшкин корабль, на котором тот пристал к отдаленному острову, и случайная находка нескольких драгоценностей на означенном острове. Приплеталась сага о Нифлунгах, который якобы погибли в тех местах, и так далее, и тому подобное. Бар-Мираэли внимательно слушал, то и дело кидая на меня быстрые взгляды.

— Смешно другое, — я сочувственно покивал. Доверительно сообщил шемиту: — Этот варвар говорит правду, я проверил заклинанием... Приукрасил, конечно. Неужели легенда о народе Нифлунгов истинна? Молодой человек, а ваш дядюшка на острове ничего больше не искал? Вдруг вы нашли бы все сокровища древнего народа?

— Нужно больно! — с варварской презрительностью бросил Темвик. — Мы — китобой, китовый промысел. Зачем нам какие-то побрякушки? И эту надо бы продать — новые сети покупать потребно.

Я подумал, что сетями китов не ловят, но бар-Мираэли внимания на эту оговорку не обратил. Кажется, шемит всю заглатывал крючок.

— Так берешь вещь или как? — грозно нахмурился Темвик, переводя взгляд на ростовщика. — А то я к другому пойду. Много вас тут, кровососов, развелось, любой вдвое больше твоего заплатит...

— Беру-беру, — несолидно засуетился бар-Мираэли, открывая металлический сундук с деньгами. — А... А где ты остановился в Тарантии? Может быть некоторые мои друзья, очень уважаемые люди, захотят порасспросить о том острове?.. Это так интересно...

— Где надо — там и остановился, — отрубил Темвик. Сгреб выложенные на стол мешочки с золотом, хозяйственно сунул за пазуху закладной пергамент и насвистывая пошел к двери. Не попрощался. Варвар он и есть варвар.

Бар-Мираэли крикнул вслед: «Обязательно заходите еще!»

Дверь хлопнула.

— Удивительное везение, — вздохнул ростовщик, сжимая в руке сверкающую золотом и камнями чернильницу. — И почему удача вечно достается дикарям, а не приличным людям, с образованием и положением в обществе? Только подумайте — какие-то вонючие рыбаки-нордлинги нашли древний клад...

— Очень справедливо, — сочувственно поддакнул я. — А если там на самом деле спрятаны сокровища этих... как их? Нифлунгов?

— Это только лишь сказка, — развел руками шемит. Но по глазам было заметно — ему очень хочется в эту сказку поверить. — Что угодно досточтимому магу? Заклад, выкуп?

— Заклад, — я снял свое кольцо волшебника и выложил на стойку. — Поиздержался вот немного, придется на время расстаться с магическим перстнем.

Едва бар-Мираэли протянул к кольцу руку, оно мигом ужалило палец шемита синей искор-

кой. Перстень очень не любит, когда его лапают чужие. На это я и рассчитывал.

— Не возьму, — немедленно отсекся ростовщик, спрятав руку за спиной. — Я, знаешь ли, не особо разбираюсь в магии... Опасаюсь, не хочу связываться. Прошу простить.

Отлично. Я раскланялся и отправился на улицу. Хальк и Темвик ждали на ближайшем углу. Оборотень в лицах повествовал барону Юсдалю о разговоре у бар-Мираэли.

— Изумительно! — Хальк недоверчиво смотрел на пергамент закладной грамоты. — Три кесария за седмицу! Таких низких процентов просто свет не видывал, с меня этот негодяй берет по пять, а то и семь...

— Обжулили мы его знатно! — гордо сказал оборотень. — Наверное, мне и Тотланту цены бы в Шадизаре не было.

— Дело сделано, — подтвердил я. — Так сказать, перешемитили шемита. Он клюнул.

— Ну, если клюнул — будем ждать результатов, — согласился Хальк. — Темвик, давай деньги. Пойду выкупать орден. Боги, воображаю как на меня посмотрят у ювелира Аротидиса! Утром выкупил чернильницу и заложил орден. А спустя два колокола прихожу его выкупать... Как надоело быть нищим на королевской службе!

Я не упустил возможности поддеть месьюра библиотекаря. Проворковал слащаво:

— Ничего, откапашь клад Нифлунгов — разбогатеешь...

После чего я был немедленно обозван стигийской нежитью. И другими оскорбительными словами. Но я не обиделся.

* * *

Затем мы разбрелись по трем разным направлениям. Хальк вручил Темвику полтора десятка серебряных сестерциев с вычеканенными пуантенскими леопардами и отправил в центр города — развлекаться, а заодно и распространять по кабакам мутные слухи о «чудесном острове». Оборотно настрого приказали избегать встреч с нордхеймцами, дабы случайно не выяснилось, что Темвик такой же асир, как король Аквилонии — туранец. Еще было приказано не заговариваться сверх меры, ибо в этом деле следовало блюсти предельную осторожность. Фальшивую бороду не снимать. Ясно?

Темвик сказал, что ясно.

Хальк отправился в поход по библиотекам, а я побрел к площади святого Эпимитриуса. Следовало навестить Гильдию — все-таки я приехал в Аквилонию по делу, а не ради участия в глупых забавах месьора библиотекаря.

Общий сбор магов-равновесников был назначен в единственном на всю Тарантию храме Нергала Справедливейшего. Почему? Очень просто: мы не считаем Нергала божеством смерти, как большинство людей — для Алых магов Нергал является воплощением почитаемого Равновесия, он стоит вне Света и вне Тьмы; он судья, равно справедливо относящийся к любому смертному и бессмертному.

Храм довольно большой, выстроен из красивого серо-голубого мрамора, колонны, высокий купол, украшенный золотыми весами, символом беспристрастности.

Я вошел, кликнул пожилого храмового служку и попросил отвести к жрецу-настоятелю.

— Ты маг? — нахмурился старичок в жемчужно-сером балахоне. — Тогда тебе нужен совсем не жрец... Идем.

Оказывается, некоторые гости Тарантии уже собрались. Настоятель храма выделил гильдии обширное помещение в боковой пристройке, где и должен будет заседать конклав — меня провели в квадратную полутемную комнату с большим столом, вокруг которого были расставлены кресла. В глазах зареяло от алых одежд.

На сегодняшний день приехали только шестеро моих соратников по ремеслу. С тремя я был знаком — Фритигерн из Кофа, Арбогаст Бритунийский (можно сказать, мой ближайший сосед) и Валент из Мессантии: последний как раз и являлся непризнанным главой гильдии Равновесия.

— Тотлант! Боги Всеблагие, посмотрите, достойные месьоры, это Тотлант Луксурский, из Пограничья! — первым на меня обратил внимание именно Валент. — Подошел, поздоровался, скупобнял. — Знакомься...

Меня представили трем незнакомцам — оказывается, приехали сразу двое магов из Офира и один из Немедии.

Арбогаст Бритуниец, оглядев меня с ног до головы, не преминул заметить:

— Тотлант, когда ты наконец отучишься от стигийских привычек? Маги Равновесия должны одеваться в красное, а ты выглядишь так, будто служишь Черному Кругу... Эдакий Тот-Амон в молодости.

Недвусмысленное указание на мою хламиду. Я действительно предпочитаю черный цвет, но чтобы все знали, какому волшебству я служу, на гру-

ди вышиты песочные часы, еще один символ гильдии.

— Это маскировка, — отшутился я. — Начнется конклав — переоденусь в алое. Кого-нибудь еще ждем?

Оказалось, что завтра и послезавтра должны приехать, самое меньшее, десяток магов из всех стран Заката и даже из Турана. Я огорчился, подумав, насколько нас мало — и двадцати не набирается. Зато Валент меня приободрил, заявив, что мы — самая «молодая» гильдия, то есть ему, Валенту, как самому старшему, всего тридцать пять лет, а вот присутствующему здесь Данкварту из Немедии едва исполнилось восемнадцать. Это вам не подагрическое старичье из Черного Круга или Золотого Лотоса! С такими людьми мы горы свернем!

Сворачивать горы мне вовсе не хотелось — зачем?

Налили вина, расселись, начали обмениваться новостями. Обсуждали книги, трудности с учениками, бедственное положение с деньгами (тут я вполне разделял возмущение Халька) — нанимают магов все реже, а если подданным Закатных королевств и требуются услуги волшебников, то обращаются к знаменитым персонам, вроде Пелиаса или Арраса Кийяра. Только тем, кому удалось пристроиться к королевским или герцогским дворам живется полегче (некоторые посмотрели на меня с завистью — Пограничье, бесспорно, дыра и захудалое королевство, но уж лучше служить Эрхарду, чем пропадать с голоду).

И тут я допустил весьма некорректный поступок. Было ясно, что сейчас никто не употребляет

заклинаний, способных различить ложь и правду. Следовательно...

— Простым смертным везет больше, чем магикам, — я театрально вздохнул. — Вот недавно, какие-то варвары-нордлинги наткнулись на часть сокровищ Нифлунгов. Слышали эту легенду?

— Вот как? — изумился Валент. — А ты откуда знаешь?

— Утром заходил к одному тарантийскому ростовщику, видел как приезжий асир продавал вещь из клада, — вполне честно ответил я. — Откопал на острове, в Закатном океане. Хвастался, будто там и погибли Нифлунги вместе с царем Тразарихом... Наверное, просто ошибка.

— Ошибка... — Валент пожевал губами. — А ведь в сокровищах сказочных Нифлунгов могли находиться могущественные кхарийские артефакты... Нет, не может быть! Прошлое редко возвращается людям отнятое.

Представления не имею, какой зеленый демон потянул меня за язык. Кошмар: обычное мелкое надувательство! Ладно бы меня слушал кто чужой, а тут сотоварищи по гильдии. Стыдно, Тотлант!

Однако, таким образом я создал новый источник слухов. Когда несколько созданных нами с Хальком ручейков сольются в бурную реку, начнется истинное светопреставление. Или не начнетсЯ; люди не столь легковерны, как может показаться на первый взгляд.

* * *

Когда на следующий день Хальк, с рассветом отправившийся в город на разведку, примчался

обратно в замок, стало понятно, что сбываются мои худшие ожидания.

С момента начала этой аферы прошло чуть более суток, но, как и предсказывал барон Юсдаль, выдуманная двумя учеными мужами история получила весьма нездоровую популярность.

Итак.

Шомо бар-Мираэли оправдал репутацию болтливца. Разумеется, о том, что касалось дел его семейного предприятия, Шомо предпочитал не говорить, но вот столь любимые шемитами сплетни, особенно касающиеся чужих сокровищ, хозяин лавки распространил (по секрету, понятно) среди большинства знакомых.

У знакомых оказались жены, семьи и другие знакомые и (тоже по секрету) они получили свою долю легенды. Неудержимая человеческая фантазия мгновенно превратила скромную гномью чернильницу в несметные богатства, которые неразумные нордлинги за бесценок продали досточтимому бар-Мираэли. Фигурировали ларец, набитый изумрудами, корона царя Тразариха и алмаз, размером с кулак.

Тем же вечером ростовщика Шомо, по достоверным слухам обретшего немислимое состояние, попытались ограбить, но бдительная стража пресекла поползновения разбойников, задержав всех до единого. Грабители отправлены в Железную башню.

Снежный ком нарастал.

Около полудня слушатели Обители Мудрости «случайно» наткнулись в библиотеке на подлинную карту времен Кхари, с подробным планом земель Нифлунгов и чертежом приблизительного направ-

ления пути изгнанников на Закат. Сверились с каталогом книгохранилища. Верно, была такая карта. Только на нее много лет никто не обращал внимания. В Обители Мудрости началась тихая паника: и преподаватели вкупе со слушателями огромным табуном сбежались к хранилищу манускриптов, пытаясь хоть что-нибудь узнать в подробностях. Вскоре обнаружилась и соответствующая запись в летописи времен короля Олайета...

(Замечу: Хальк отлично подделал и запись в каталоге, и столь же безупречно навел вагантов на требуемый документ. Идеально читая работа)

Темвик тоже внес значительный вклад в развивающиеся события.

Целый день оборотень гулял по тарантийским кабакам (как приличным, так и не особенно...), дул пиво, и попутно травил нечаянным собутыльникам немислимые байки про «дядюшку Сигурда», раскопавшего часть древнего клада. В доказательство — расплачивался в тавернах щедро, не торгуясь, что для отъявленного варвара являлось совершенно нетипичным поведением.

Ближе к вечеру Хальк изобрел новую шутку: он нарисовал на кожаном лоскуте очередную «подлинную карту» с асирскими рунами, сунул ее в кошелек Темвика и повел оборотня в самый неприглядный кабак «Черный Бык» на окраине Тарантии, где собирались главари мелких городских шаек, и который, вместе с тем, находился под пристальным присмотром тайной службы городской управы и стражи. Там разыграли очередной спектакль.

Темвик, предварительно изложив внимательным собеседникам прежнюю сагу, изобразил, будто

напился пьян. Свалился под стол. Конечно, заинтересованные лица немедленно обыскали бессознательное тело. Нашли в кошельке десяток монет и.. И карту. Засим Темвика просто вышвырнули на улицу, как нарушителя благочиния.

С тем оба проходимца благополучно вернулись в замок короны.

Само собой, происшествие не осталось незамеченным для конфидентов стражи, замаскированных под обычных пьянчуг или мелких мошенников. Те мигом доложили о случившемся куда следует.

Далее, к моему ужасу, Хальк исполнил намеченное ранее: привлек Латерану, грозный секретный департамент барона Гленнора. Написанное от имени немедийского посланника спешное письмо было добавлено в почту, которую должны были отправить в Немедию на завтра. Мы изрядно повозились, подделывая почерк и оттиск перстня немедийца по имевшимся у Халька образцам, но вышло убедительно — чуточку умения, немного магии, и вот письмо перед вами...

Думаю, о содержании оной депеши можно не рассказывать. Юсдаль применил все свои литературные таланты, намеками и полунамеками докладывая Вертрауэну (визави Латераны при Троне Дракона) о «весьма любопытных сведениях, полученных с Закатного Океана».

Письмо перехватили и тоже доставили куда положено.

Таким образом, первая часть заговора была исполнена блистательно. Следы мы замели — сожгли старую одежду Темвика и накладную бороду, а Хальк, за деньги вырученные от заклада преслову-

той чернильницы, купил оборотню новое облачение в самой лучшей пивейной мастерской Тарантии. Ныне Темвик ничуть не напоминал дикого нордхеймца, которым был вчера, и которого можно было бы опознать — обычный молодой дворянин или купеческий сынок из провинции, в бархатном колете, аквилонском плаще и модной шапочке с султанчиком.

На мой взгляд, в деле присутствовали и слабые стороны. В любом случае, гномью чернильницу видел офирский ювелир Аротидис. Если серьезные люди, которые заинтересуются «кладом Нифлунов» выйдут на месьора Аротидиса и он опознает Халька, в качестве владельца вещи... Не знаю, что может произойти.

Теперь оставалось ждать более существенных результатов. Каковые и воспоследовали тем же днем.

* * *

Незадолго до того, как на донжоне замка куранты начали звонить пятый послеполуночный колокол, мы втроем принялись обедать. Минувшие дни Хальк не желал трапезовать в покоях короля, куда раньше бегал постоянно — изображал неграведно оскорбленного. Теперь дворцовая прислуга сервировала обед в гостиной его маленького жилища при библиотеке.

Я обнаружил, что тарантийские кухари в искусстве стряпни могут превзойти даже прославленных туранских и офирских мастеров. Сегодня я решил проверить, смогут ли повара удовлетворить самые требовательные запросы и смиренно попро-

сил принести мясо удава, приготовленное по стигийским рецептам...

Слуга посмотрел на меня странно, однако кивнул и отбыл на кухню.

Через полколокола я получил вожделенного удава (интересно, где они его взяли?..). Крупные куски мяса с острым соусом. Хальк и Темвик, предпочитавшие яства попроще, морщились, но отнеслись к моей выходке с пониманием, а сами вовсю поглощали банальную свинину и овощи.

— Если так будет продолжаться, Тотлант опустошит королевский зверинец меньше, чем за седмицу. — вещал, с набитым ртом, барон Юсдаль, наблюдая как я орудую особой двузубой вилочкой с зацепом, призванным отделять позвоночник и ребра змеи от нежного мяса. — Что ты потребуешь на ужин? Жареных пиявок? Или хобот слона в вине и яблоках? А может, какое-нибудь блюдо... э-э... дарфарской кухни? Кого зарежем? Короля, канцлера? Пробовать на вкус филе Публио не советую — отравиться, а противоядия нет...

— Язык королевского библиотекаря — нет ничего мягче. За полным отсутствием костей, — огрызнулся я. — Обычаи Стигии серьезно отличаются от аквилонских. Если бы ты знал, чем нас кормили в магической школе в Луксуре... Кстати, ты прав — вечером закажу мурену.

— Что такое мурена? — сразу поинтересовался любознательный Темвик.

— Это такая особенная рыба...

Не сказать, что обед проходил чересчур весело — мы вяло обменивались замечаниями о «невинном розыгрыше» и строили предположения о том, когда разогретый нами котел наконец лопнет.

Котел лопнул в момент, когда Хальк произносил следующую фразу:

— ...Клянусь, все на свете отдал бы даже за малую крупицу сведений о *настоящем* кладе Нифлунгов!

— Даже собственного короля?

Голос донесся со стороны двери в коридор. Почти загораживая своей молниеносной фигурой темный дверной проем на пороге громоздился Конан. Король был не один. За спиной киммерийца виднелся сухощавый меланхоличный старик, с которым я прежде не встречался.

— О... — только и выдавил Хальк.

Отлично его понимаю. Если Конан слышал наш разговор — быть барону Юсдалю битым!

Мы повскакивали с кресел, но Конан прошел в гостиную, махнул рукой (садитесь, мол...), и придвинул к столу два табурета. Хальк был бледен, но опасения не оправдались.

— Значит, вы уже слышали? — хмуро спросил Конан. — Кстати, Тотлант, Темвик, познакомьтесь. Это — барон Гленнор. А это мои старые приятели из Пограничья.

Так. Оказывается, варвар привел с собой начальника тайной службы. самого опасного человека Аквилонии. Ничего не скажу, представительный старикан. Зачем он здесь?!

— Мы знакомы понаслышке, — кивнул мне Гленнор. — Ваши похождения времен Полуполночной Грозы вошли в легенды. Рад познакомиться, почтенный Тотлант.

— А-да, конечно, — я судорожно кивнул.

— Чем обязаны визитом? — Хальк, уяснив, что убивать прямо сейчас его пикто не собирается,

взял себя в руки. Заважничал. — Ваше величество решили почитать книжечку? Тогда иди в книгохранилище. Те, что с неприличными картинками в восьмом шкафу, двенадцатый проход.

— Вот так всегда, — пожаловался Конан мне и барону Гленнору. — Расскажите, почему целых пять лет я должен терпеть неприкрытые оскорбления и молчать в ответ?.. Темвик?

— Чего? — отозвался молодой оборотень.

— Вот тебе... — Конан порылся в поясе и перебросил Темвику тяжелую крупную монету: настоящий «феникс» из золота и платины, обменивающийся на целых двадцать кесариев! — Вот тебе деньги, пойдی погуляй. У нас разговор серьезный. Тебе будет интересно.

Оборотень недоуменно покосился на меня, получил в ответ мелкий согласный кивок, молча забрал плащ и ушел.

— Хальк, скажи честно, ты веришь в сказки? — киммериец ударил напрямик.

— Отчасти, — сухо бросил Юсдаль.

— Ты в моем дворце наипервейший сплетник, знаешь все и про всех. Уверен, эта непонятная история с кладом Нифлунгов тебе известна.

— Конечно, известна, — вальяжно развалившись в кресле ответил Хальк со скучным выражением на лице. — Обыкновенная трагическая сага, составлена примерно тысячу двести лет назад неизвестным автором или авторами...

— Это я знаю, — раздельно произнес Конан. — Гленнор, покажи ему.

Господин барон вынул из рукава два свитка и аккуратно положил на стол. Свиток первый являл собой карту, подброшенную Хальком в Обитель

Мудрости. Второй, обтрепанный по краям лоскут телячьей кожи только вчера вечером был изъят неблагонадежными личностями у Темвика, в таверне «Черный бык». И, конечно, некими таинственными для меня путями, оказался у барона Гленнора.

— Это непосредственно касается слухов, которые поползли по городу, — тихо сказал начальник тайной службы. — Кроме того, мои помощники побывали у ростовщика Шомо бар-Мираэли, у которого оказалась в залоге некая вещь. Мы точно определили — она очень ценная и очень древняя. Изъять предмет у торговца мы не вправе — шемит не нарушал никаких законов. Заклад сделал некий нордлинг, доселе нами не разысканный... Единственное, что удалось от него получить — карту, с обозначениями на асирском языке.

— Если этот человек не разыскан, то как ваши удалыцы раздобыли карту? — с ядовитой любезностью осведомился Хальк.

— Неважно, — Гленнор улыбнулся не менее ехидно. — Главное другое: в течении нескольких дней происходят события, так или иначе связанные с легендой о Нифлунгах. Я заставил подчиненных перекопать все хранилища путевых карт и библиотеки Тарантии на предмет отыскания косвенных сведений об этом деле. Заодно, надеюсь, что сумею опередить возможных конкурентов... Результат обескураживает.

— Правда? — Хальк изумленно склонил голову.

— Истинная, — подтвердил Гленнор. Мне почему-то очень не нравилась его улыбка. — Мои орлы раскопали похожие планы в книгохранилище главного храма Митры. А заодно и новые указания на

клад в хрониках. Сейчас мы шарим в храмовых школах, архивах военной и торговой управ... Дело в том, что карты датированы примерно одним и тем же временем — первым веком по основанию Аквилонии. Мы предполагаем, что они составлены либо одним человеком, либо близкими знакомцами. И каждый план дополняет другой...

— Очень интересно, — Хальк нахмурился настолько деловито, что я даже всерьез позавидовал его актерскому мастерству. — Проверили подлинность?

— Проверили, — ответил барон. — Это не подделка. Все знатоки древности, состоящие на службе в Латеране подтвердили: пергаменты составлены ххарийцами.

Хальк метнул на меня победоносный взгляд. Вот что значит сочетание знания истории и небольшой доли волшебства! Только бы карты не отдали исследовать другому волшебнику — он моментом распознает мои заклинания!

— Может, наш общий друг Тотлант тоже осмотрит документы? — внезапно брякнул Конан. — Он знающий маг...

Спустя несколько мгновений я с неимоверно важным видом сообщил высоким гостям, что подлинность пергаментов сомнений не вызывает. В глазах Халька читалось откровенное: «Ату их, ату!»

Боги Незримые, как мы заврались!

— Если так, — кашлянул варвар, — давайте решать, что будем делать дальше...

Что делать? Не знаю кто как, а у меня появилось острое желание побыстрее унести ноги из Аквилонии.

Демон с ним, гильдейским конклавом! Если мифическим (во всех смыслах этого слова) сокровищем заинтересовались такие люди как барон Гленнор, ничего хорошего не жди.

Однако, это только начало. Часть наших фальшивок доселе не найдена.

И тут грянул гром.

Барон Гленнор хищно и резко подался в сторону Халька, устремил на него взор светло-серых безмятежных глаз, и спросил с угрожающей ласковостью:

— Месьюр Юсдаль, что вы оба скрываете от нас?

— То есть? — Хальк замер, будто кролик под взглядом удава.

— То и есть. Во-первых, тебя в минувшие дни видели в библиотеке Обители Мудрости. И в книгохранилище храма Митры. Говорят, ты что-то там искал?.. Почему неожиданно попросил у короля отпуска на сорок дней? Во-вторых, уважаемого Тотланта запомнил ростовщик бар-Мираэли — он присутствовал в лавке, когда в руки шемита попала драгоценная чернильница. Тотлант, не запомнить тебя невозможно — в Тарантии очень немногих стигийцев, да еще и волшебников. Говоря откровенно — ты единственный. Наконец, внезапно отыскиваются древние карты, а мне сообщили, что барон Юсдаль настоятельно рекомендовал своим приятелям из Обители Мудрости пошарить в хранилище древних манускриптов... Будут объяснения?

— Ну... — заикнулся Хальк, понимая, что дело бездарно провалено. Соглядатаи Гленнора знают свое ремесло. — Понимаете...

— Чего тут понимать? — усмехнулся Конан, перебивая библиотекаря. — Хальк находит в дворцовом книгохранилище свидетельства о кладе Нифлунгов и галопом бежит по остальным библиотекам искать подтверждений... Впутывает в историю Тотланта — помощь волшебника никогда не помешает. Хочет уехать на полторы луны, чтобы самому найти сокровища и прикарманить. Ай-ай-ай, Хальк, нельзя быть таким жадным. А еще осуждаешь Публио за казнокрадство. Мы с Гленнором пришли требовать свою долю.

Я онемел. И Конан и начальник тайной службы сделали из происшедшего категорически неверные выводы! Прямо противоположные!

— Конан довольно точно обрисовал наше видение событий, — невозмутимо подтвердил Гленнор. — Итак, мы ждем внятный рассказ.

На лицо Халька постепенно возвращалась краска. Он встал, криво усмехнулся, исподтишка показал мне кулак и молча ушел в залы библиотеки. Быстро вернулся. Бросил на стол пергаментный свиток. Ту самую, последнюю, четвертую карту. Нарисованную нами третьего дня.

— Обнаружил около седмицы назад, — процедил он сквозь зубы. — С нее все и началось. Быстро же вы меня выследили. Не ожидал.

— Тем и живем, милейший, тем и живем... — вздохнул Гленнор. — Не беспокойся, если сокровища будут обнаружены, там на всех хватит. И для казны, и для тебя. Насколько я знаю, свой орден ты закладывал за последний год восемь раз?

По недоброй искорке, сверкнувшей в глазах Халька, я понял: он готов продолжать опасную игру и врать до последнего.

Такой фатальной ошибки со стороны Гленнора ни я, ни барон Юсдаль не ожидали. Начальник тайной службы, в угоду своего ремесла, перемудрил. Не подумал, что дело обстоит гораздо проще. И теперь Гленнор оказался в ловушке своего заблуждения.

Хуже другое: истина всегда, рано или поздно, всплывает на свет.

Первый рассказ Темвика

«Похождения оборотня»

Тарантия, город.

6-7 дни третьей весенней луны 1293 г.

ледующей осенью мне должно исполнится целых двадцать четыре года. А меня до сих пор никто не принимает всерьез. Даже некоторые родичи.

Ребенок человека считается взрослым с пятнадцати, а то и тринадцати лет.

По крайней мере у нас, на Полуночи, где взрослеют раньше. Однако я не человек. Точнее наполовину человек. Потомки Карающей Длани, оборотней, живут в полтора или два раза дольше людей, потому у нас совершеннолетие празднуется лишь по истечении трех десятков солнечных кругов. Зато оборотни в людском облике выглядят моложе своего возраста. Как я — от силы на восемнадцать человеческих лет.

Наверное, поэтому король Конан меня и выгнал сегодня. Смотрюсь непредставительно. Обидно,

ну да перетерпим — вдруг у аквилонца к Хальку и Тотланту действительно важный и тайный разговор? Какой чужих ушей не терпит?

Сердце мне отчего-то вещует: Конан и пожилой барон явились в жилище господина Халька вовсе не про политику ляссы точить. По единственной фразе киммерийца я понял — говорить будут о нашей придумке с кладом народа Нифлунгов. Если так, выходит, что устроили мы втроем большую заваруху. Облапошили целую страну во главе с королем.

Мы в Пограничье любим посмеяться, но куда нам, убогим, равняться в деле зубоскальства с ученым аквилонским книжником! Кашу-то барон Юсдаль заварил нешуточную: сумел провести такого хитреца как Конан Канах, с которым в Пограничье хорошо знакомы. Такую кашу, что Веллан с Эртелем, когда вернусь и расскажу, от зависти съежатся и в росте умалются.

Когда Тотлант попросил помочь, я согласился не раздумывая. Ничего плохого ведь не задумано — это тебе не убийство, не грабеж или нечестная торговля! Долго смеялся потом, вспоминая рожу торговца-шемита, который едва не лопался от жадности, и прощелыг в «Черном Быке», обчистивших мой кошелек — думаю, украденное серебро и поддельная карта им дороже выйдут. Обмани обманщика, верно?

...Я прошел через караулы дворцовой стражи к ближайшему выходу в город. Дворец Конана очень велик, можно запросто заблудиться, а потому Тотлант с самого начала показал мне короткий путь. По лестнице для слуг с третьего этажа на первый, потом через хозяйственный двор к воротам. Это не

главные ворота замка — тут во дворец завозят продукты и сено для конюшен. Наверное поэтому и стража не особенно строгая. Меня уже начали узнавать в лицо и показывать пергамент, позволяющий проходить в замок, не требуется.

— Гляньте, варвар из Пограничья превратился в аквилонца! — один гвардеец из караула рассмеялся, когда я проходил мимо. — Эй, Темвик, надоело звериные шкуры таскать?

— Чего? — я развернулся на каблуке. Рядом стояли трое военных в красном — Алые Кирасиры. Позавчера вечером я с ними в кости от скуки играл. — Ты что имеешь в виду?

— Прошлый раз по уши в мехах, теперь в бархате! Тебя не узнаешь! Может, ты и вправду оборотень?

Пугнуть их что ли? Я отношусь к тем редким сыновьям Карающей Длани, которым превращение дается без всякого труда.

Пока гвардейцы посмеивались над моей новой одеждой, я позвал свою звериную половину, и почувствовав, как лицо начало быстро вытягиваться и покрываться волчьей шерстью, остановил превращение ровно посередине — получилась «третья ипостась» оборотня: двуногое чудовище. Формой человек, но голова и лапы звериные. Выглядит жутко.

Настала моя очередь смеяться. Алые Кирасиры осеклись на полуслове, будто стая испуганных красных воробьев шарахнулись прочь и схватились за мечи. Конечно, можно испугаться. Запросто. В таком виде я сам себя боюсь.

Моментом вернув человеческое обличье, я расхохотался в голос. Взрослые, крупные мужчины

выглядели очень бледно — глаза вытаращены, рты открыты, клинки из ножен...

— Да не бойтесь вы, — простонал я, отсмеявшись. — Ну, оборотень, что в этом особенного? В Пограничье у нас такие через одного.

— Лучше бы тебе впредь подобным образом не шутить, — покачал головой десятник. — Ведь убьют и не задумаются. Мы-то про тебя знаем, а другие?.. Иди, куда шел. Кстати, когда вернешься? С закатом караул меняется.

— К закату и вернусь. Счастливо оставаться.

Я миновал калитку в воротах, выбрался на боковую улицу, отходящую от площади Сигиберта Завоевателя, и заспешил к центру Тарантии. Первым делом следует навестить меняльную контору.

Конан щедро одарил меня «фениксом», а с такой крупной монетой соваться в обычные лавки или таверны бессмысленно. Красивая денежка: белая с золотистым отливом, из-за почти равных долей платины и золота. На одной стороне отчеканена птица, поднимающая крылья из пламени — знак святого Эпимитриуса — на другой изображен королевский вензель «КК», Конан Канах, и королевский девиз Аквилонии.

Меняла оказался приятным умным старичком, честно отсчитавшим требуемые двадцать кесариев, за исключением серебряшки за обмен. Половину я взял золотом, вторую — мелочью, серебром и медью. Вышло два увесистых кошелька. Последние отправились куда и положено, на пояс под плащ, чтоб под рукой были.

Заодно старичок подробно объяснил, где и как можно купить нужные товары — король Эрхард просил привезти из Аквилонии свод торговых за-

конов королевства (дабы себя не утруждать, а попросту переписать уложения соседей. Большинство законов мы копируем с аквилонских образцов), а заодно и подробные карты Полуночи материка. Таковые были жизненно необходимы дорожной страже Веллана и военной управе.

Карты я добыл без особого труда. Свернул на указанную менялой улицу Двух Королей, и тотчас увидел расписную вывеску: *«Копирование книг и свитков. Карты, планы, морские лоции»*. Зашел.

Хозяином, вернее хозяйкой заведения, пропавшего киноварью и чернилами из морских водорослей, оказалась дама весьма почтенного возраста, невысокая, седая и сухонькая. И очень многоученая.

Не думал, что люди столь достойных лет, да еще и женщины, могут заниматься таким сложным ремеслом...

Дама представилась как госпожа Нейна, скрипуче кликнула прислугу, усадила, предложила покупателю розового пуантенского (я не отказался) и буквально вывалила на меня огромное количество тубусов со свитками. Через некоторое время они полностью заняли обширный стол хозяйки. С горкой. Карты Нордхейма, Гипербореи, списки с планов знаменитого путешественника и географа Евсевия Цимисского, Пограничье, Бритуния... Глаза разбегались.

С трудом отобрав нужные свитки, я расплатился, погрузил медные тубусы в прихваченную из замка котомку и отправился дальше. Теперь — книги с законами. Оказывается, этим сомнительным добром торговали на этой же улице, но от покупки я отказался. Свод торговых правил являл

собой четыре неподъемных фолианта, которые и боссонский тяжеловоз надорвался бы тащить. Обойдется король Эрхард без книг. Или пускай заказывает нашим купцам, у которых есть повозки для товаров. На своем горбу эдакую тяжесть я волочь не намерен.

Дело сделано (наполовину), значит можно погулять в свое удовольствие.

Купил подарки. Эрхарду приобрел отличный писчий прибор — в коробке красного дерева, с серебряными сосудами для чернил разных цветов, губкой для печати и металлическими перьями. Дорого, но уплаченных денег стоит. Паче, что я трачу деньги Конана.

Эртелю, нашему принцу и наследнику, досталась забавная книжка авторства какого-то Назона Трарийского с очень недвусмысленными цветными миниатюрами.

Гм... Если Солнцезарный Митра учит нас любить ближних своих, то Назон умело объясняет, как именно это делать. И рисованные картинки прилагает.

Словом, подробный свод рекомендаций для начинающих. Эртелю понравится...

Для Веллана пока ничего подходящего я не нашел, да и ладно. Не последний день в Тарантии.

Куда бы теперь податься? Большинство красотей столичного города я осмотрел в прошлые дни. Тарантия очень большая, обойти весь город наверное, очень сложно — десятки кварталов по обоим берегам Хорота, дворцы, памятники разным королям и полководцам, множество храмов...

Одно хорошо: невозможно заплутать. С каждой улицы можно увидеть здоровенный донжон замка

короны — иди в ту сторону, и быстро очутишься на площади Сигиберта.

Зайти в приличный бордель и слегка расслабиться? Не выйдет, днем веселые дома не работают. Еще немного пройтись по лавкам? Надоело!

Пойду в таверну. Заодно, попробую разузнать у местных последние сплетни. Хальку это будет интересно.

Вспомнил! Барон Юсдаль водил меня в «Черного Быка»! Заведение так себе, но пиво вкусное. Дорогу я помню. А в аквилонской одежде и без накладной бородки меня никто не узнает.

Вперед!

* * *

Не понимаю, отчего Хальк говорил, будто в «Черном Быке» небезопасно. Он не хотел сюда заходить: когда мне пришлось изображать упившегося до зеленых демонов в глазах варвара, Хальк предпочел ждать на улице.

Обычайший кабак. Да на окраине, да грязненький и полутемный. Однако, по дороге в Аквилонию мы с Тотлантом частенько ночевали в таких клоповниках, что вспомнить жутко. Тараканы, ползающие по столам «Черного Быка», по сравнению с тварями из придорожных постоялых дворов кажутся прямо-таки милыми домашними зверюшками. Кроткими и тихими.

Народишко в «Быке» разный. Есть вполне приличные люди — ремесленники, из тех, что победнее, уличные лоточники, заскочившие в таверну пропустить кружечку-другую, старики из окрестных домов — они наверное ходят сюда долгие го-

ды, по навсегда устоявшейся привычке. Но замечаются и личности куда более интересные.

За обширным столом возле мутного слюдяного окна устроилась странная компания. Несколько колоритных нищих самого разного возраста и облика, напротив громоздятся двое широкоплечих парней, одетых вполне прилично. Громилы поглядывают по сторонам цепко и насупленно, явно оберегая усевшегося между ними невзрачного типчика с крысиной физиономией. Типчик беседует с нищими, причем ругается, морщится и стучит желтоватым кулачком по измызанной столешнице. Наверное, хозяин квартала. Или подручный.

За столом слева — компания совсем неприглядная. Истощенные костлявые подростки обоего пола, более голодные и опасные, чем бродячие псы. Справа и подальше в зал, к закопченной стене — серые с лица мужчины неопределенных лет, с гнилыми зубами, в истертых колетах, жмущих под мышками; хищные бабиши, источающие дух свежего пива, с громким смехом и холодными, прощупывающими глазами... Тут же нарочито независимые люди неопределенного возраста — делают вид, будто дремлют, но на самом деле неприметно постреливают темными глазками вправо-влево, из-под полуопущенных век. Продажные девки низкого пошиба — такие на улицах промышляют.

Одна из дешевых шлюх непринужденно уселась рядом, с намеком поглядывая на мою кружку с пивом.

— Красавчик, познакомимся?

Пришлось отшить немедленно:

— Да ну, еще заболело чем-нибудь. Иди, милочка, погуляй.

— Нужен ты мне больно...

— Между прочим, всего один золотой на руку — и ты получаешь четверть колокола неземного блаженства, — фыркнул сидевший напротив дядька лет пятидесяти, с вислыми, намоченными пивом усами. — Вон там, в кладовке. Только тесно и пыльно.

— Нет уж, благодарю, — я тоже рассмеялся. Осторожно попробовал закинуть удочку: — Я сокровища Нифлунгов не находил, чтоб монетами ради пыльной кладовки разбрасываться.

Дядька уставился на меня. Отер усы. Помолчал. Выродил, наконец:

— Враки это, парень.

— Что — враки?

— Клад, сокровища эти поганые. В городе только и шушукуются: золото, камушки, остров какой-то... Нордлингов сюда же пришли, вроде клад раскопавших. Асирам, кроме ихних беловолосых баб, да пива с сыром никаких кладов не нужно. И еще мечами разудало помахать при случае. Я много лет на свете прожил, скажу по опыту — заговор это.

— Заговор? — удивился я. — Какой?

— А какими заговоры бывают? Обыкновенный. Больно умело слушок распустили, даже благородные поверили. Сам рассуди: нашел ты клад. И что, побежишь разбалтывать о нем всем и каждому? Чтоб те, кто посильнее да позубастее, от королевского казначея с его мытарями, до шайки Яссы Бородача заинтересовались? Ничего подобного! Я так думаю: народ от чего-то серьезного отвлечь хотят. Заморочить.

— Кому это нужно? — я пожал плечами.

— Кому хочешь. Может, налоги поднимут. А может, пока каждый лопух за сказочными драгоценностями гоняться будет, короля втихомолку скинут... Хотя нет, не выйдет — киммериец больно плотно на трон уселся, так просто не слезет. Или, например, тот же Ясса Бородач потрудился: пока власть ловлей владельцев клада занимается, под шумок обоз казенный уведет... Нечистая это история, попомни мои слова.

Интересный ход мыслей.

Усатый почти догадался, как устроена авантюра с кладом, но предполагает происки властей или предводителей крупных банд. Выходит, что околпачены и те, и другие.

— Тебя там зовут, — подошла трактирная служанка в сером с пятнами переднике.

— Меня? — я искренне удивился. — Кто? Где?

— Человек, — туманно ответила прыщавая девица. Махнула рукой в сторону двери, ведущей в кухню. — Приказано передать, чтоб непременно пришел. Только заплати сначала.

— Успеется, — я поднялся. — Все равно сейчас вернусь.

— Заплати, — настаивала девка. Ее усердие могло бы вызвать у меня подозрения, но крепкое пиво сделало свое дело — я стал невнимательным.

Вынул пять медных ассов, бросил на стол и зашагал к указанной двери. Признаться, это странно — знакомых в городе у меня нет. Кроме Халька. Неужели библиотекарь или Тотлант меня выследили? Случилось что?

Толкнул скользкий от копоти притвор. Увидел службу лет тринадцати. Он молча поманил меня за собой, увлекая по темному коридору. Поворот,

другой, короткая скрипучая лесенка вниз. Новая дверь.

— Здесь господа ждут, — буркнул парнишка. Рука сама собой полезла в кошелек за монеткой. Получив медный полусестерций служка внезапно поймал меня за плащ. Шепнул, кивнув на дверь: — Если что — там другой выход есть. Занавеской прикрыт.

И убежал. Ничего не пойму.

По традиции Пограничья открыл дверь легким пинком. Вошел развязно. Сразу заметил, что проход позади заступил рослый человек.

В небольшой комнате меня встретили трое людей. Четверо, если считать того, который за спиной. Троица восседает на грубых деревянных табуретах возле стола. На стене справа — грязное полотно, являвшееся когда-то отрезом зеленого шелка.

— Нужно чего? — набылся я рассматривая живописную троицу. Первый и, судя по уверенному виду, главный, был толст, имел пять подбородков и ласковый взгляд неожиданно умных черных глаз. Другие помоложе и пожилистее — выглядят небогатыми горожанами. Не вооружены.

Толстый и седеющий месьор молча глянул на соседа. На столе тотчас появился пузырек синего стекла, над горлышком поднимался едва заметный белесый дымок.

— Подойди-ка, — не здороваясь и не представляясь, сказал мне толстый. — Если ничего не выйдет, ты немедленно уйдешь и навсегда забудешь о нашем существовании. Не бойся, подойди.

Чтобы оборотень из Пограничья боялся каких-то сереньких обывателей? Обижаете.

Однако, что означает это «выйдет — не выйдет»?

Только я приблизился к столу, пузырек громко ф-фукнул, исторгнув тугой клубок ярко-оранжевого дыма. Толстяк сморщился, покашлял, разгоняя едкий дым, и снова воззрился на соседа. Тот кивнул.

— Он. Он самый, без ошибки.

— Точно?

— Точнее не бывает. Магия врать не умеет.

— Постойте, какая еще магия? — попробовал возмутиться я, но жирный господин сделал неопределенный знак ладонью и...

Дивясь загадочной сцене, которую разыгрывала троица незнакомцев, я напрочь позабыл о человеке у двери. Он-то меня и приласкал налитой свинцом дубинкой по темечку. От души приласкал.

М-да, странные понятия о гостеприимстве у этих аквилонцев...

Меня словно в черный омут бросило. Больше ничего не помню.

* * *

— Хват хейтир ту? Хват хейтир ту, хундсемиис сонрин?!

Я сначала даже не понял, что ко мне обращаются на асирском наречии. Но поскольку, язык норалингов в Пограничье очень распространен и его знает почти каждый, я уяснил: спрашивают, как меня зовут и обзывают сукиным сыном. Последнее определение в некотором смысле ко мне подходит, но терпеть оскорбления от людей я не собираюсь.

Разлепив губы я выдал в ответ:

— Фар и бро хинн, ванди хундр.

В весьма приблизительном переводе это означает «отвали, злобный пес». На самом деле эта фраза гораздо неприличнее.

Митра Солнцезарный, где я и что со мной? Голова раскалывается от боли — в череп словно раскаленное шило засунули. Глаз почти не раскрыть, будто их залепили глиной. Нет, это не глина, это запекшаяся кровь. Причем, моя собственная. Жутко хочется пить, окунуться головой в снег и вообще умереть. Немедленно. А тут еще ругаются по-асирски...

Постойте, мое последнее воспоминание относится к Тарантии Аквилонской. Правильно, сначала я бродил по городу, затем пил пиво в «Черном Быке», потом... Что именно — потом? В любом случае, мне интересно, откуда в Тарантии образовались асиры? Или меня похитили? И отвезли в Нордхейм, чтобы потребовать выкуп у Эрхарда? Бред...

Пока я натужно соображал, чья-то сильная рука возила по лицу мокрой и пованивающей крысами тряпкой. Кровь оттирали. Спасибо, очень вовремя.

С трудом осмотревшись после процедуры мытья, я отметил, что нахожусь в крайне неудобном положении. Руки схвачены стальными кольцами, висящими на цепочках. Цепь прикручена к деревянной балке, протянутой под низким кирпичным потолком.

Потолок принадлежит большой подвальной комнате без окон и отдушин. Несколько факелов на стенах. Стол, украшенный двумя глиняными кув-

щинами. Возле стола — человек. Вроде бы я его видел совсем недавно, вот только не помню где именно.

Второй человек стоял рядом. Ну и харя — страшилище, каких поискать. Голова бритая, огромный нос крючком, вылупленные глазищи, борода ключьями. Рукава засучены выше локтя, открывая неимоверно волосатые лапы. Такому красавцу можно самого себя вместо барашка использовать — стриги шерсть, да валяй сукно. Оценив облик страшилища, я решил, что он туранец или выходец из Гиркании. Больно похож.

Раздался прежний голос, снова потребовав:

— Хват хейтир...

— Давай на аквилонском, будет проще, — прохрипел я.

Говорил человек у стола. Толстый и плохо побритый.

— Согласен, — ответил он. — Не знал, что полуночные варвары могут настолько хорошо разучить язык Эпимитриуса... Итак, судя по грязной ругани в мой адрес, ты действительно асир... Может, все-таки назовешь имя?

— В моих землях представляться первым считается невежливостью, — слабо огрызнулся я, доселе не понимая, что происходит. — И еще на Полуночи есть закон: если кто похитил и лишил свободы человека, платится вира в пять мер серебра.

— Получишь свое серебро. Немного позже, — хмыкнул толстый.

Присмотревшись к нему я вдруг вспомнил: как, меня позвали какие-то незнакомцы, флакончик с оранжевым дымом...

Это их предводитель!

— Так и быть, я назовусь. Доран из Боссонии, — проворковал жирный. — Больше известен, как Доран Простец. Не слышал?

— Нет.

— Оно и к лучшему меньше бояться будешь. Удивляюсь я тебе, асир... Ты имя назови, а то не хорошо получается. Ты меня знаешь — я тебя нет.

Я брякнул первое, попавшееся на язык:

— Асмунд, сын Торгрима, сына Гейрмунда.

Есть у меня приятель в дорожной страже Пограничья с таким именем. Самый что ни на есть природный нордлинг. Очень хороший человек.

Толстяк по имени Доран лениво продолжал:

— Так вот, дивлюсь я на тебя Асмунд, сын Торгрима. Думал, одежду поменяешь, да бороду сбросишь, и не узнают? Узнали. И меч твой приметный, и голос... Как только дурости хватило снова в «Черного быка» соваться, уму непостижимо! Мы тебя по всей Тарантии пасли, все постоялые дворы перевернули — ничего, пусто! Как на Серые равнины провалился! Вдруг Лойн Криворучка прибегает, говорит, явился! Собственной, так сказать, персоною. Думали Лойн по неопытности ошибся, с кем не бывает — кликнули колдуна... Да, впрочем, какой из Рульфа колдун, так, колдунишка. Но фокусы нужные знает. Монетку, что из твоего кошелька намереди схитили, в скляночку положил, декоктом залил — и вот она, истинная правда выплыла. Магия, как оно достоверно известно, сразу на искомого человека укажет. Опознали тебя, уж прости. Теперь долго разговаривать будем.

Запаястья, скованные железными кольцами начали неметь. Головная боль усилилась вдвойне. А я, наконец, понял главное: влип. Обеими ногами.

Значит, эта жирная сволочь принимает меня за выдуманного Хальком «асира». Того самого, который по пьяному безобразию «потерял» карту, вырисованную на кожаном лоскуте. Доигрались...

— Понимаешь, какая незадача вышла, — размеренно вещал месьор Доран, подперев кулаком пухлую щеку. — Когда ты прошлым разом упился, мои пройдохи, разумеется, сразу твой кошелек обшарили по обычной непринужденности нравов. Серебро придержали, а непонятный планчик мне передали, глянуть. Вдруг чего интересное. И представь, интересного там хватало. Я немного асирской речью владею, и руны знаю. Про шумок, по городу прокатившийся, наслышан... Подумал, мозгами пораскинул, да и попросил верных людей выяснить, что за асир такой особенный, откуда взялся, где бывал. А уж потом узнал как ты шемитуростовщику старинные вещицы продал. Все приметы совпали.

Я молчал. Слушал. Опровергнуть не пытался. Прикидывал, как выкручиваться. И ничего путного в больную голову пока не приходило. Ой, влип...

— Весь клад нашли? — вдруг рявкнул Доран. — Сколько? Сундук, два, десять? Остров перекопали, или по неременной асирской лени только снаружи пошарили?

— Какой кла... А-а-а...

Не успел я издать возмущенный возглас (какой такой клад, знать не знаю, слыхом не слыхивал), как безобразный туранец вроде бы несильно съездил мне кулачищем пониже грудины. Если вы такого удара никогда не получали, пробовать не советую. Впечатления незабываемые. Все внутренно-

сти перемешиваются и завязываются узлом. Потом долго развязываются обратно. Дышать в это время невозможно.

Пока я, уподобясь пойманной рыбе окуню, хватал ртом воздух, Доран нудел, словно позабыв о недавних вопросах:

— А выводы я начал делать вечером, когда явился ко мне один человечек. Маленький человечек, невзрачный, хиленький. Плевком убить можно. Сказал от кого пришел. Тут мне с сердцем худо стало, едва не помер. Есть в Аквилонии одно тихое ведомство — Латераной называется. Что это такое, тебе, варвару, лучше не знать. Человечек вежливейшим образом присоветовал вернуть забранные у пьяного асира вещицы. По-хорошему вернуть. Конечно, можно и по-плохому... Я человек простой, куда нам, сирым, с могучими тягаться — родная шкура дороже и любезнее. Отдал. И понял вдруг, что если пропойцей-варваром такие большие вельможи интересуются, то сплетни городские имеют под собой исключительно твердую почву. Тверже не бывает — золото. Да столько золота, что сама Латерана в игру вступила. Признаться, в кабак вернулся надеясь свою карту отыскать?

— Угу, — буркнул я, не вдаваясь в подробности.

— Извини, но теперь она мне недоступна. И никому недоступна. Что съел лев, мышам не достанется. Жаль, не успел я копию снять, времени не нашлось. Но кое-что запомнил. Ванские острова, правильно? Большой архипелаг к Закату от Ванайейма?.. Таким образом, Асгейр, тебя немедленно освободят и впредь пальцем не тронут. Кормить-по-

ить-ублажать будут. Я лично за хамство своих костоломов извинюсь и виру внесу. Хотя пять мер серебра, хоть пятнадцать. Слово Дорана. Но и ты мне учтивость окажешь. Понимаешь какую? Ничего проще не придумаешь: план восстановить надо. И подробности рассказать. По рукам?

Меня вдруг в смех потянуло. Неудержимый. С рыданием и подвываниями. Боги, вот тебе и шуточка! Розыгрыш! Гы-ы-ы!..

— Не понимаю причин веселья, — пожал плечами месьор Доран. — Сам должен знать, что в случае отказа, твоя жизнь окажется намного короче, чем следовало бы. А предварительно Ламасар попробует разговорить тебя другим способом. Догадываешься, каким? Очень неприятно, когда тебя режут на тонкие ремешки. Сам не пробовал, но многократно наблюдал — слезы на глаза наворачиваются. Буквально рыдаешь — так человека жалко...

Надо выиграть время! Любым способом! Так или иначе мне крышка — все равно убьют. А если скажу, что никакогоклада не существует, Доран украсит шкурой оборотня свою спальню.

Стоп. Шкурой оборотня?

— Дай подумать, — наивно возможно презрительно бросил я. — Полколокола.

— Думай, — милостиво согласился толстяк. — Только прости, снимать тебя с цепи мы пока не будем. Железо — оно думанью способствует. Пойдем, Ламасар. Пускай наш юный друг размышляет. Не будем мешать.

Доран и звероподобный туранец вышли. Дверь оставили приоткрытой — замечательно!

Придется доказать вам, господа разбойнички, что и поддельные асиры не лыком шиты.

* * *

Обычному человеку почти невозможно освободиться из тонких кандалов-браслетов, схватывающих запястья — мешает косточка большого пальца. Некоторые умеют выворачивать сустав так, что он уходит в глубину кисти, однако я подобным талантом не обладаю. Слишком больно. Я владею гораздо более серьезным достоинством: способностями Карающей Длани.

Посмотрите на лапу собаки или волка и кисть руки человека. Разница заметна? Нацепите на волка хоть десяток кандалов, он их сбросит — железные браслеты соскользнут с лапы по шерсти, им ничего не помешает. Волчья лапа несколько тоньше людской длани, а когда я превращаюсь, кости вытягиваются. Я и в человеческом обличье невысок ростом, в отличие от большинства сородичей, да и в ипостаси зверя выгляжу как не слишком крупная, мохнатая, поджарая и длиннорукая собака темно-серого цвета с черной полосой вдоль хребта. Можно запросто перепутать с охотничьей лайкой, какие водятся в Нордхейме.

Одно плохо — злодеи-похитители во главе с жирным Дораном сняли с меня только колет, оставив сапоги, штаны и нижнюю рубашу.

Это очень неудобно. Обычно, оборотень перед превращением в волка полностью раздевается, чтобы не запутаться в одежде — верхнее облачение человека, как известно, превращаться в волчью кожу никак не может. Придется повозиться...

Я упоминал, что умею менять ипостаси очень быстро. Дело в том, что среди ближней и дальней родни моего обширного семейства, среди предков,

почти не было людей. А оборотни, в чьих жилах течет больше четверти человеческой крови мучаются с превращением долго, до трех квадрансов. Если предков-людей больше половины — способности Карающей Длани теряются навсегда и детям уже не передаются. Поэтому главный закон нашего народа требует заключать браки только между сородичами: нашей расе необходимо сохранить данное богами наследие.

...Лапы выскользнули из металлических колец мгновенно и безболезненно, будто маслом намазанные. Я шлепнулся набок, с трудом поднялся на все четыре ноги, и начал раздирать клыками тесную льняную рубашу. Получилось. Освободиться от штанов оказалось еще проще — сами сползли, за полной невозможностью держаться на волчьем туловище. Встряхнулся, будто после купания. Огляделся. Принюхался. Теперь можно полагаться на недоступные человеку обострившиеся чувства.

Пахнет в подвале нехорошо. Крысами, кровью (человеческой, между прочим), подгоревшей едой, но не трактирной, а приготовленной где-то здесь. Очень хотелось бы узнать где именно «здесь». На подвалы «Черного быка» не похоже. Надо думать, меня перетасили в одно из близлежащих зданий.

Отправляюсь на разведку. Так или иначе в нынешнем виде у меня гораздо больше преимуществ. И не узнают, и не поймут, откуда в доме появилась очень похожая на молодого волка серая зубастая собака. В лучшем случае выгонят, в худшем — придется пустить в ход клыки. Насколько я знаю, даже лучшие бойцы человеческой породы слабо представляют, как справиться с нападающим животным.

Приоткрытая дверь. За ней мрачный коридор, но теперь я прекрасно вижу в темноте. Сквозняком тянет слева, значит там выход. Направление выбрано.

Понятно, что я нахожусь в подвале очень старого здания. Такие постройки пахнут особенной, кисловатой затхлостью — помесь запаха плесени, пыли, сырости и подгнивших пергаментов. По сторонам коридора еще несколько дверей, все плотно закрыты, видны ржавые замки. Лестница вверх.

Ступая тише самой боязливой мышки я поднялся, обнаружив вход в дом. Толкнул лапой дверь. Пустая комната-зала, из нее три выхода. От самого дальнего пахнет уличной пылью и ароматом распускающихся весенних цветов. От ближнего — вином и человеком. Из щели между дверью и косяком льется желтоватый свет. Голоса. Люди разговаривают.

— ...Думаешь, скажет?

— А куда ему, бедняге, деваться? — судя по медленной, с откровенной лендой, речи, отвечал толстяк Дорап. — Парень преизрядно напуган, а если Ламасар применит свое редкое искусство, асир не то, что говорить, петь начнет. Голосисто. Как бы весь квартал не перенутал.

— Методы у тебя, однако...

— А у тебя — другие? Жизнь штука тяжелая, ради правды приходится идти на сделки с совестью. Жаль, мальчишку, но... Сам понимаешь.

— Хорошо, оставим пока твоего асира, — второй голос был хриловат и самоуверенно спокоен. — Я не уверен, что нам удастся провести Латерану. Одно дело водить за нос городскую стражу, и совсем другое — барона Гленнора.

— Я вовсе не собираюсь водить досточтимого барона за нос. Просто не дотянусь до его носа, силы не те. Однако, опередить могу. Мои резвые волчата работают чуть быстрее ищеек Гленнора. Книгохранилища открываются по утрам, ночью туда никто не ходит... Никто, кроме людей, чья настоящая жизнь начинается с закатом солнца. Полагаю, к утру стоит ждать результатов.

— Не переоцени самого себя.

— Я? Зачем ты говоришь обидные слова? Замечу: пара моих хороших друзей трудится даже в замке короля! И представь, сегодня мне шепнули, будто часть карт откопал некий Хальк Юсдаль...

— Знаю. Тайный советник и хранитель библиотеки.

— За сколько его можно купить, как думаешь?

— Ни за сколько. Он сумасшедший. Из плеяды полоумных книжников, которым неинтересно ничего, кроме летописей, рукописей и свитков.

— Любой человек покупается. Надо знать цену. Если этому Хальку неинтересно золото, можно предложить другое. К примеру, полдесятка неизвестных книг авторства древних сочинителей. В домашней библиотеке старого герцога Борна пылятся сотни редчайших рукописей, знаю точно, давно глаз положил... Никто и не заметит их пропажи. А Хальку — радость. Взамен — маленькая услуга. Снять копии с карт и только. Что будет дальше, это уж мои собственные трудности. Мы гораздо более легки на подъем, чем службы короля. Пока соберутся, пока выедут... Когда они очутятся на острове, мы будем пить вино в Туране. И швырять от скуки золотые монеты в Вилайет.

— Неужели ты всерьез веришь?

— Выбора нет, друг мой. Все косвенные признаки свидетельствуют: паника поднялась не зря. Между прочим, назначенные полколокола истекли. Пойду побеседую с асиром. Ламасар?!

— Ты уверен, что соглядатаи стражи не заметили похищения? — нервно спросил второй.

— Уверен. Пойдем, Ламасар.

Надо быстро убираться. Не хочется вновь увидеться с туранским монстром. Любопытно, почему он всегда молчит? Язык отрезан или просто немой?

Я бросился к двери, от которой пахло улицей, но... Заперто! Вторая дверь. Тоже закрыта! Они сейчас меня увидят!

Увидели.

— Эт-то что еще такое? — показавшийся на пороге толстый Доран недоуменно уставился на меня. — Ламасар, откуда здесь чужая собака? Убери!

Страшенный волосатый туранец понял приказ хозяина до крайности буквально. Вынул нож и двинулся на меня. Терпеть не могу людей, которые не любят животных.

Решение созрело мгновенно.

Если я ошибусь — будет плохо. Остается рассчитывать на удачу, всегда сопутствующую оборотням.

Я прыгнул прямо под ноги Ламасару, полагая ударить всей тяжестью тела по голени. Получилось. Туранец упал, взмахивая отточенным кинжалом. Срезал мне несколько волосков с холки. Пока он поднимался, я со всех четырех ног ринулся в комнату. Мгновенно осмотрелся. Чудесно! Вот оно, окно затянутое мутной слюдой, в обрамлении ажурных кедровых реек!

Вскочил на стол, пугая собеседника Дорана — мужчину среднего возраста в облачении дворянина. Тот отлетел в сторону. Сжимаюсь в комок, прыгаю, выбиваю тяжестью тела решетку окна... Только бы оказалось невысоко! Только бы не разбиться и не повредить лапы!

Треск ломающегося дерева и шелест слюды. Я благополучно приземляюсь на мягкую, взрыхленную землю палисадника. Встаю. Осматриваюсь.

Небольшой сад вокруг дома. Темно, давно наступил вечер. Сад окружает высокая — не перепрыгнуть! — каменная стена. Надо бежать к воротам.

Конечно, это следовало предвидеть. В саду разгуливают сторожевые псы, не менее полудесятка. Почуяли неладное и сбежались к дому. Огромные, темно-рыжие неразумные твари кофийской бойцовой породы. Ничуть не привлекательнее Ламасара обликом — черные плоские морды, туповато-преданный взгляд, и никаких мыслей.

Но я оборотень, а значит владею превосходством над простыми животными. Любой обыкновенный волк или собака будут подчиняться мне, как вожаку. Свора расстушилась...

Новый проблеск сопутствующего счастья. Ворота поместья не деревянные, а решетчатые, из железных прутьев. Если повезет — протиснусь.

Как и всегда, повезло. Я вырвался на свободу.

Остается быстро найти дорогу к замку короны. Превращаться обратно в человека бессмысленно — на четырех ногах я передвигаюсь гораздо быстрее, да и где прикажете искать новую одежду?

Теперь надо опасаться мирных горожан. Людям будет неприятно видеть на улицах настоящего ди-

кого волка. Мои главные союзники — вечерняя темнота и скорость.

Побежали? Побежали!

* * *

Замок короны — вот он, прямо впереди. Огромный, будто нордгеймский мамонт. Темный. Только наверху, меж зубцами стен, цепочка факелов. И около главных ворот огни.

Дворец я нашел без особых трудностей. И приключений по дороге не претерпел. Кому интересна бродячая собака? Поздним вечером людей мало, обыватели давно отошли ко сну, да и самые оживленные улицы я предпочел обходить стороной. За дворками пробирался.

Однако, вопрос: как попасть внутрь? Я не поленился, обошел замок по периметру, надеясь отыскать открытые ворота. Бесполезно. У нас в Пограничье, между прочим, ворота резиденции короля никогда не закрываются. Незачем. Кого Эрхарду в своем королевстве бояться? Не оборотней же?..

Выходит, что по сравнению с нами — Аквилония суть варварская страна. Нет ничего хорошего в государстве, где король запирается от подданных.

Вероятно, придется ночевать на улице. Ничего, перетерплю. Шкура пушистая, холодно не будет. Пристроюсь возле хозяйственных ворот, дождусь утра, а там — как получится.

Когда отбивали первый полуночный час, я уже валялся на деревянном пороге одного из домов, стоявших напротив замковой стены. Задремывал. Слишком устал за день. Обидно, конечно, что поте-

рял купленные вещи и подарки, но в любой ситуации прежде всего следует видеть хорошее. Я жив и отчасти цел, сумел запросто сбежать от похитителей и вернуться к нашему с Тотлантом временному пристанищу. А Дорана следовало бы цапнуть за сухожилие, чтоб похромал седмицу-другую...

Визг несмазанных петель, человеческие голоса и стук копыт лошадей не дали мне заснуть. Я поднял голову, наострил уши и увидел, что к воротам подошел обоз из четырех телег. Ветерок донес запах просмоленных бочек и почему-то свежих овощей. В такое время года? Странно.

Ничего странного. Судя по возгласам охраны и возничих, в замок привезли продукты, сгруженные с зингарского корабля. На золотом Побережье урожай собирают круглый год. Почему ночью? Чтобы днем не беспокоить важных особ, которые потребуют к завтраку апельсины и зелень.

Я шмыгнул к стене, пробежал вдоль нее, нырнул под повозку. И, конечно, благополучно миновал ворота, оказавшись на знакомом хозяйственном дворе. Теперь остается незаметно пройти на третий этаж, к библиотеке.

Меня застукали на лестничной площадке второго этажа. Я немного научился разбираться в гвардейской форме, и понял: сии доблестные мужи принадлежат к не менее доблестному Боссонскому полку — одежда зеленая, с серебряными галунами.

— Меркурин, глянь, волк... — вылутился молодой, наверное моего возраста, гвардеец. — Настоящий!

Второй, тот который носил старинное аквилонское имя Меркурин, был постарше и порешитель-

нее. Боссонцы — прекрасные стрелки, гвардейцы этого полка носят с собой небольшие самострелы, и Меркурин молча бросил на ложе оружия тяжелый стальной болт. Я почти вживую увидел мысли, ровным строем марширующие за его лбом: если во дворце бродит дикий зверь, его надо тотчас истребить. Пока не нагадил в тронном зале и не искусал придворных дам.

Только этого мне не хватало! Бежим!

Я припустил со всех ног наверх. Неподалеку в мраморные ступеньки ударил закаленный наконецник, высекая искорки, сзади браво громыхали подкованные сапоги, ринувшихся в погоню боссонцев. Мрамор лестницы и паркет коридора были неимоверно скользкими, лапы разъезжались, я несколько раз шлепнулся набок, и просил судьбу только об одном: лишь бы у Халька не было заперто! Иначе убьют. А если начну превращаться — тем более убьют: оборотень, чудовище, нечисть и нежить!

Досада какая! Двери в комнаты барона Юсдаля закрыты изнутри! Проклятушие гвардейцы все ближе, я явственно слышу новый щелчок тетивы-провонок. Стрела вонзилась в паркет в ладони от моей лапы. Что делать?

Библиотека! К Хальку можно пройти и оттуда!

Неуклюжим галопом влетев в боковой коридор я ударил грудью библиотечную дверь. Пронесся мимо шкафов с пергаменами и книгами. Боссонцы оказались настырными — не отстают.

Гостиная Халька. Пусто. Только две оплывшие свечи горят.

Я проскочил в спальню и не долго думая залез под обширную кровать господина тайного со-

ветника. Пылища! Но ничего не поделаешь, шкура дороже...

С грохотом вломились гвардейцы.

— Что, демон вас задеря, здесь происходит?! — взревел разбуженный и слегка перепуганный барон Юсдаль где-то над моей головой. — Ополоумели? Пожар, потоп, переворот?

— Волк, ваша светлость!

— Чего? Какой волк?

— Серый, ваша светлость! Только что сюда забежал!

Скрипнула дверь смежной спальни, которую Хальк отвел нам с Тотлантом. Из-под кровати я увидел босые ноги волшебника.

— Ничего не понимаю, — продолжал яриться Хальк. — Откуда в королевском замке волк? Где он? И вы что же, травлю посреди ночи устроили?

— Так точно, ваша светлость! Выйдите с господином колдуном ненадолго, мы его мигом отыщем! — гвардейцы пытели как ломовые лошади. Убегались за зловредным волчарой.

Я сидел под кроватью тише мыши. Если дело обернется совсем плохо, придется немедленно превращаться!

— Постойте, — раздался мягкий голос Тотланта. — Хальк, у нас, однако, есть один знакомый волк... Темвик не вернулся вечером. Понимаешь?

Волшебник присел и наклонил голову к основанию постели библиотекаря. Заглянул в пыльную темноту. Крякнул досадливо.

— Ага. Знакомая морда! Давай-ка вылезай. Господа гвардейцы, уберите оружие.

Я, по уши в пыли и паутине, выполз. Представляю, как это выглядит. Волчище с пораненой голо-

вой, глазами человека и поджатым хвостом. Никогда в такой дурацкой ситуации не оказывался.

— Тот самый, — гаркнул боссонец Меркурин. Стушевался внезапно. — Ваша зверюшка что ли, а, месьоры?

— Наша, — Хальк, облаченный в необъятную ночную рубашку с кружевами на вороте и смешной колпак, посмотрел на меня озадаченно. — Темвик, что это значит?

— Позже разберемся, — решительно заявил Тотлант. Повернулся к страже. — Можете быть свободны, господа. И впредь будьте осторожнее. Вы же не гоняете по всему замку охотничьих собак короля? И не палите в них из самострелов?

— То собаки, а то — волк, — угрюмо бросил молодой. — Идти можно?

— Катитесь, — поморщился Хальк. — Когда в следующий раз будете охотиться за сбежавшим из зверинца слоном, перед тем как вламываться к тайному советнику короля — аккуратно постучите в дверь...

Боссонцы, ничего не понявшие в случившемся, отбыли.

— Марш в нашу комнату, приведи себя в порядок, — скомандовал мне Тотлант. — На кресле — мой кхитайский халат, оденься. Ждем в гостиной.

Когда я, облаченный в черный шелковый халат с вышитыми золотыми драконами, появился в большой комнате, оба ученых мужа восседали в креслах и по ночной прохладе кутались в шерстяные клетчатые пледы, какие делают в Киммерии. Хальк, изменив собственному слову, потягивал темно-красное вино. Тотлант выглядел очень недомальным и заспанным.

— Итак, каковы будут объяснения? — библиотекарь поднял брови и устремил взор на меня. — Почему у тебя волосы в крови?

— Где? — забеспокоился волшебник. — А ну, покажи! Это гвардейцы тебя вздули?

Тотлант положил ладонь мне на затылок, быстро-быстро забормотал заклинание, и я ощутил легкое жжение — рана затягивалась.

— Нет, не гвардейцы, — проворчал я. — Хуже. Кажется, мы доигрались в сказки с сокровищами.

Я придвинул кресло для себя, налил вино, и принялся рассказывать. Про похищение, про Дорана и Ламасара, про беседу толстого разбойника с неизвестным дворянином, которую случайно подслушал. И, наконец, про мое удачное бегство.

И Хальк, и Тотлант по ходу повествования только рты шире раскрывали. Не перебивали. Барон Юсдаль то улыбался, то качал головой; стигиец с каждой новой фразой становился все мрачнее.

— М-да, неприятная история вышла... — когда я закончил сагу о том, как Темвик гулял по Тарантии, волшебник побарабанил пальцами по столу. — И кто виноват?

— Никто, — буркнул Хальк, стараясь не встречаться с нами взглядом. — Кроме самого Темвика. Нечего было соваться в этот притон. Я ведь предупреждал!

— Ты знаешь кто такой Доран, по прозвищу Простец? — спросил я. — Очень неприятный человек. Пусть и умный.

— Не знаю, — отозвался барон Юсдаль. — Но непременно узнаю. Завтра же. Спрошу у Гленнора. Есть предложение — поспать до утра. И на свежую голову разбираться с трудностями.

— А знаете, — неожиданно фыркнул Тотлант, — Хальк едва не оказался в крайне двусмысленном положении. Представьте: Темвик забирается под кровать, превращается, а господа гвардейцы обнаруживают под ложем месьора тайного советника спрятавшегося там совершенно голого мужчину. Воображаю, какие слухи поползли бы по дворцу...

Мы дружно и жизнерадостно заржали. Потом расползлись по комнатам — отдыхать от суматошного дня.

Второй рассказ Халька

«Граф, который нашел Пифон»

*Тарантия, дворец и город
7 день Первой весенней луны 1293 г.*

Тотлант, ренегат эдакий, призывает меня покаяться. Посыпать голову пеплом из камина, надеть на шею веревочную петлю, облачиться в рубище и пасть на колени перед королем. Рассказать благороднейшему монарху о мерзопакостных происках его собственного библиотекаря. О вероломстве и измене, с коими был составлен злокозненный план по введению ихнего королевского величества в заблуждение посредством подложных исторических документов.

Покаяться! Покаяться и смиренно принять через то справедливое воздаяние!

Ни за что и никогда! За кого вы меня принимаете?

Первые призывы к означенному покаению явили себя на следующий день после нелепых при-

ключений Темвика. Тотлант недвусмысленно заявил, что история с кладом Нифлунгов зашла слишком далеко, и становится попросту небезопасной. Небезопасной для всей удалой троицы аферистов, столь неаккуратно поднявшей столицу на дыбы. Мало того, что древней легендой заинтересовались король (ради которого, собственно, все и было устроено) и его верный цербер, барон Гленнор, так в игру без выигрыша вступили еще и натуральнейшие бандиты наподобие Дорана, в чьи лапы намедни попался Темвик!

Я придерживался исходного постулата: Темвик сам виноват. Зачем его понесло в «Черного Быка»? Туда и городская стража-то заходить побаивается, тайных соглядатаев распознают очень быстро и дальнейшая судьба их незавидна. Доран утверждал, будто у него есть свои люди во дворце? Пускай. В любом случае эти личности ходят в чинах не старше третьего помощника дворцового золотаря, а таких в жилые покои придворных не допускают.

Кроме того, я теперь оказался под ненавязчивой опекой хмурых мальчиков из ведомства барона Гленнора. Возвращенные Латераной добры молодцы проследят за нашей общей безопасностью, тем более, что король «взял в дело» и Тотланта. Как советника по вопросам магии и кхарийской древности.

Да, король... Признаюсь откровенно: когда они с Гленнором появились вчера ко мне, я был уверен — наша авантюра раскрыта и теперь обычной рекомендацией «вести себя потише» я не отделаюсь. Воображение уже рисовало яркие картины опалы, ссылки, каторги, эшафота, топора палача или са-

мой страшной кары — королевского кулака. Все оказалось и проще, и сложнее одновременно.

Естественно, начальник нашей тайной службы пристально следит за городскими слухами. И докладывает королю.

Но слухи собирает не только Гленнор — тут и шпионы городской стражи, и канцелярия Просперо, и военная управа... Раз в два дня на стол Конана ложатся сразу несколько разных отчетов о слухах в Тарантии. Достаточно сравнить, и станет ясно, кто из информаторов лжет или недоговаривает. Но тут оказалось, что все донесения рьяно повествуют об одном: найдена часть клада царя Тразариха! Того самого! Огромного и сказочного!

Конан вызвал Гленнора и попросил провести скрытое дознание. Господин барон обернулся меньше, чем за сутки — нашел подброшенную мной в главный храм Митры карту и страницу «летописи», забрал почти аналогичную фальшивку из книгохранилища Обители Мудрости, начал поиски «асира»-Темвика, побывавшего у ростовщика бар-Мираэли и через своих шпионов узнал, что такой асир оказался замечен в «Черном Быке», где и был обчищен мелкими жуликами. Если верить Темвику, затем господин барон изъездил у некоего Дорана (наверное, предводителя большой городской шайки) составленный мной план Ванских островов. Посмотрел, сопоставил, подумал, и... И сделал неверные выводы. Увидел сложное в простом.

Да, меня заметили во всех библиотеках, где я оставил подложные документы. А документы оказались настолько убедительны, что в них поверили. Умозаключения хозяина Латераны были просты: Хальк занялся кладоискательством. Он что-то

там обнаружил, и пытается это скрыть. Причем Хальк настолько уверен в истинности своего открытия, что собирается на время покинуть город и отправиться за кладом. (Мое прошение, разорванное Конаном несколько дней назад и навело хитроумного Гленнора на эту мысль). Единственное, что не мог увязать между собой барон, так это связь между асиром, привезшим в Тарантию драгоценность из клада, и мною самим. Тотлант ведь был у ростовщика в момент совершения сделки! Это явно не случайно!

Мы отбрехали тем, что Тотлант попросту следил за приезжим, раззвонившим на весь город об удивительной находке. А куда асир исчез — не наши заботы.

Ищите, месьор Гленнор, это ваша прямая обязанность. Только не следует думать, будто мы его убили ради золота. Поищите в чулане и под кроватью — трупа там нет.

Словом, все вышеизложенные соображения, и были представлены королю Конану. Тот возмутился: как так? нашел сокровища и делиться не желает? когда в казне шаром покати?

А ну, пошли к Хальку! Разберемся!

Конан заглотил наживку сразу и накрепко. Оставалось противника добить: я, с разочарованным видом, преподнес жаждущему открытий монарху четвертую, самую главную карту, с которой якобы все и началось.

Они поверили. Поверили! И теперь Гленнор начал собирать прочие доказательства — шарить по библиотекам и искать свидетелей.

Меня беспокоило только одно: третий план, оставленный в военной управе, доселе не найден, хо-

тя настырные ребята Гленнора перевернули все до единого книжные хранилища.

* * *

События начали быстротечно развиваться прямо с раннего утра.

Просыпаюсь я незадолго до рассвета — привычка молодости. Когда я учился в тарантийской Обители Мудрости, бедолаг-слушателей поднимали затемно, сразу же сгоняли на церемонию Рождения Солнца, в храм Митры, а потом начинались бесконечные занятия. По прошествии многих лет я остался верен традиции — абсолютно не могу спать в светлое время суток.

Темвик и Тотлант пока что беспробудно дрыхли. Не стану их поднимать до времени — только мешать будут, а надо подумать в тишине. Очень хотелось поесть. Я обнаружил на столе вчерашнюю холодную грудинку и огрызок пшеничной лепешки вместе с чашечкой меда, початый кувшин красного вина, и решил устроить маленький пир. Ждать приготовленного на дворцовых кухнях завтрака бессмысленно — кухари расшевелются только к десятому колоколу, не раньше.

Я нарезал мясо боевым гандерским кинжалом, который использую в самых разных целях — от разрезания пергаментов, до чистки ногтей, разбавил холодной водой вино, уселся, положил в рот кусочек розового, умащенного специями мяса, и бессмысленно оглядел комнату. На противоположной стене вывешена огромная и самая полная карта Закатного побережья континента, охватывающая область от Сизой пустоши, что в стране пик-

тов, до ванахейского фьорда Старкардгарт. Тут же вырисован и Ванский архипелаг — девять больших островов и несчитанная россыпь маленьких. Король вчера возложил на мою особу обязанности по подготовке наикратчайшего пути до побережья — экспедиция начинает собираться... Отлично.

Случайно я заметил нечто странное. Возле запертой на засов двери в коридор лежит бежевый пергаментный пакет. Наверное, его просунули ночью, в щель между створками и полом.

Встал, поднял, вернулся на место. Обыкновенный пергамент, из недорогих. На восковой синей печати странный оттиск — ушастая голова мыши. Никогда не встречал подобного символа. Надписей никаких.

Я срезал печать и положил на стол — вдруг пригодится? Если что — покажу барону Гленнору или его подчиненным. Развернул сложенный вчетверо лист.

Письмо. Причем настолько любопытное, что я привожу его текст полностью.

«Досточтимый барон Юсдаль!

Зная интерес уважаемого королевского библиотекаря к старинным раритетам, имеющих касание до прежней истории, и великим памятникам человеческого слова, имею честь предложить господину барону в качестве искреннего подарка нижеупомянутые сочинения.

«Бестиарий чудесных существ, перевод с кхарийского, с добавлениями, применительно к землям Хайбории»..

«Книга заблудших душ (Аноним). Наиболее полное совокупное жизнеописание грешников, верооп-

ступников и злодеев былого времени. Перевод с древнестигийского. — Бельверус, 524 год»..

«Истинная летопись рождения королевства Аквилонского, составленная Эквицием Оргайлским с доподлинными житиями первых королей, а также де святейшего Эпимитриуса с собственноручными пометками и автографом оно».

Все три фолианта являются подлинниками, созданными в первые века по основанию Аквилонии. Означенные книги передаются барону Юсдалю в дар, без каких либо условий или дополнительных оговорок.

Сей дар барон Юсдаль может получить в любой ближайший день, если придет в салон уважаемой госпожи Лавланэ, что на Королевской улице, ко времени от полудня, до колокола первого.

Сим остаюсь вернейшим другом и почитателем таланта господина барона.

Даритель.

Тарантия, 7 день первой весенней луны.»

Как прикажете такое понимать?

Я немедленно вспомнил ночной рассказ Темвика. Бандюга Доран беседовал со своим неизвестным посетителем о том, как можно купить Халька Юсдаля. Уговорились дать мзду в виде ценных книг, а вовсе не денег. Тоже неплохо — три перечисленных в письме рукописи необычайно редки, а летопись Эквиция вообще считается пропавшей! Любопытно, где они ее сперли?

Стилистика письма непохожа на руку жулика, пусть и жулика высокого полета. И такие люди как Доран наверняка не станут назначать встречи в доме госпожи Лавланэ — почтенной вдовы, содержащей салон для престарелых дворян, соби-

рающихся вместе, чтобы посплетничать, послушать музыку и поиграть в тарок.

И почему книги собираются передать в «безвозмездный дар», да еще «без условий и оговорок»?

Признаться, меня озадачили. Если вы действительно возжелали сделать подарок королевской библиотеке, стоит ли разводить эдакую таинственность? Подсовывать письма под дверь, не подписывать депешу настоящим именем, обходясь каким-то «Дарителем» и назначать тайные свидания? Не проще ли обставить дарение со всей торжественностью и прослыть в обществе покровителем искусств?

Ну точно, это происки мошенников с которыми вчера познакомился Темвик! Никаких сомнений.

Осторожный стук в дверь. Открываю.

— Доброе утро, советник.

На пороге стоит граф Кертис. Он из Латераны — отвечает за безопасность в городе и замке короля. В отличие от быкоподобных молодых людей, входящих в охранную службу Латераны, граф изящен, худощав и одевается по самой последней моде. Теперь он является проводить меня по три раза в день.

Очень хорошо, что граф заглянул прямиком с утра — расспрошу Кертиса о некоторых насущных вопросах.

— Заходи, — я гостеприимно указал на кресло. — Вино в кувшине, бокалы на полу, возле стола.

— А почему не на столе? — подивился Кертис.

— Стол предназначен для работы с пергаментными вместилищами человеческой мысли, а не для низменных утех ненасытного чрева, — высокопарно заявил я, наблюдая за Кертисом. Сегодня

граф оделся в платье цвета морской волны с золотом. На груди поблескивают миниатюрные копии орденов — аж целых шесть. Видать, рьяный служака. В Аквилонии награды раздают скупно, в отличие от соседней Немедии — Ринга, герцогиня Эрде, супруга начальника тайной службы Трона Дракона, как-то хвасталась, будто одним только Орденом Чести ее награждали четыре раза подряд...

— Как дела? — осведомился граф. — Что это за дурацкая история с волком, бегавшим по замку прошлой ночью?

— А, ерунда, — легкомысленно отмахнулся я. — Мои гости из Пограничья шалят. Это не волк, это всего лишь оборотень. Темвик решил в зверином облике погулять по дворцу. Конечно, тупые вояки из Боссонского полка его не поняли...

— Всего лишь оборотень... — повторил Кертис с непонятной интонацией. — По-моему, это перебор. Хальк, умоляю, попроси своих друзей больше таким образом не... Не шалить. Это, знаешь ли, чревато. Больше никаких происшествий?

— Вроде бы ничего подозрительного, — я пожал плечами. — Кертис, можно вопрос?

— Сколько угодно, — любезно улыбнулся граф.

— Ты ведь следишь за обстановкой в Тарантии, верно? Скажи, не знаешь ли ты субъекта именуемого себя Дораном? Доран по прозвищу Простец.

— Ого! — Кертис даже вино расплескал от удивления. — Ты-то откуда знаешь об этом господине? Не предполагал, что сведения с самого дна Тарантии могут достичь ушей многоученого книжника и придворного!

— Так, слышал мельком...

— Хорошо, что только слышал. Сей достойный муж объединил под своей рукой больше половины городских шаек. Контрабанда, торговля лотосом, наемные убийцы, самые громкие грабежи, похищения. Весьма многогранная деятельность. Подозреваю, что приезжего асира, рассказавшего о кладе Нифлунгов, похитил именно он... Далее: Простец невероятно умен, столь же жесток, владеет своей собственной маленькой тайной службой — завидует Латеране и пытается подражать. Причем, иногда безуспешно. У меня есть впечатление, будто Доран трудится не ради денег, а, так сказать, ради искусства. Иногда пускается в невероятные авантюры, в которых ничего не заработаешь, но только получишь острые ощущения. Исключительно неприятный господин. Однако, вызывает невольное уважение.

— Странно, — хмыкнул я. — Если Латерана так хорошо осведомлена о деятельности этого самого Дорана, то почему вы его не прижмете? Пускай доживает век в уютной камере Железной Башни!

— Никаких доказательств. Вообще никаких, представляешь? Что бы ни случилось — Доран чист, как белый плащ Эпимитриуса. Свидетели исчезают, исполнители не признаются, а сам Доран во время ограбления, допустим, дворца графини Аттиос, путешествует по Боссонии и знать ничего не знает ни о каких графинях. Мы пытались его негласно устранить, но Доран обладает невероятным чутьем — сумел избежать полудесятка покушений. Да и зачем? Его место сразу займет другой — дно Тарантии талантами вовсе не оскудело. Но Доран пока превосходит всех и каждого. Я удовлетворил твое любопытство?

— Благодарю. Кстати... — я потянулся к столу и передал графу печать от подброшенного письма. — Никогда ничего подобного не встречал?

— Оттиск перстня, — с видом профессионала определил Кертис. — Мужского. Печатка в виде мышиной головы... Нет, не видел. А в чем дело?

Я поразмыслил и передал графу найденный утром пергамент. Пусть Латерана знает. Мало ли, какие сюрпризы будут ждать в салоне госпожи Лавланз?

— Сходи, посмотри, — посоветовал граф, изучив депешу. — Я распоряжусь, чтобы тебя незаметно опекали. И не забудь — к пятому колоколу тебя будет ждать король. Благодарю за вино, Хальк. Пойду, займусь делами.

Кертис покинул гостиную, оставив меня в недоумении. Мысли перепутались: Доран, подарок в виде старинных книг, клад Нифлунгов — все это наверняка взаимосвязано. Но как и почему?

Загадка...

* * *

Вскоре и любезные гостюшки соизволили продрать глаза. Оба выглядят сонными осенними мухами, особенно Темвик. Пока Тотлант и оборотень завтракали, я кликнул слугу и приказал немедленно раздобыть у дворцового каштеляна приличную мужскую одежду. Во-он для того парня. Слуга кивнул и исчез.

Конечно, у Темвика в дорожных мешках найдется запасная «варварская» одежда, но пока следует придерживаться правил маскировки. Если оборотня опознали люди пресловутого Дорана, то

надо вспомнить, что и Латерана не дремлет. Лучше бы барон Гленнор не докопался до истины (что, впрочем, не исключено — осведомители Латераны могут узнать о непонятных событиях на вилле Дорана: очень странный побег пленника, отдающий сверхъестественными способностями одного, наверняка наведет цепных псов Гленнора на размышления).

Слуга приволок объемистый мешок — удалось найти новую военную форму Черных Драконов, только без знаков различия. Темвику чуть великовата, но сидит вполне прилично. Я категорически запретил оборотню покидать сегодня дворец, принес из библиотеки пару занимательных книжек авторства прославленного сочинителя Стефана, Короля Историй, и выдал Темвику для пристального изучения. Если угодно — можно гулять по замку, тут много всего интересного, от знаменитых Висячих Садов и богатого зверинца, до зала славы Аквилонии, где выставлены боевые трофеи, начиная со времен Сигиберта Завоевателя. В город — ни ногой!

Тотлант поворчал, призвал меня к раскаянию, облачился в роскошную алую мантию сообщества магов Равновесия, и отбыл. Сегодня начинался гильдейский конклав и присутствие Тотланта было обязательным.

Я приделся (сплошная парча и немислимо дорогие аргосские кружева, добытые при помощи знакомой белошвейки из дворцовых мастерских), нацепил одновременно и баронскую пепь с фамильным гербом и почти неподъемный Орден Большого Льва, с бриллиантами, вульгарно-огромными рубинами и шлифованными агатами. Спус-

тился по парадной лестнице, раскланиваясь со знакомыми и незнакомыми придворными прихлебателями, вышел через главные ворота (гвардия вытянулась во фрунт, отсалютовав эстоками) и двинулся вперед по длинной Королевской улице.

Терпеть не могу кататься по городу в экипаже, а посему всегда предпочитаю собственные ноги.

Я человек простой. Да, я родился в захолустном Гандерланде и горжусь этим. Пускай иногда меня заглазно именуют «низкорощенным», но Юсдали получили баронский титул больше пятисот лет назад, а это уже — династия. Скромная, но древняя. А простота гандерских нравов заставляет меня расхаживать на своих двоих по Тарантии, без кареты, портшеза, свиты и охраны. А что такого? Нет ничего страшного, если такой пышный вельможа, как я (советник, хранитель и орденский кавалер, вечно сидящий без денег...) зайдет в бакалейную лавку или к торговцу древностями. Будем ближе к народу.

Охрана, однако, неподалеку. Я привык видеть во дворце служащих Латераны, и научился почти безошибочно опознавать их. Ликтор тайной службы, охранник, почти всегда выглядит медведеподобным мордоворотом с внимательными глазами и тяжеловесной плавностью движений. Но это во дворце. На улице меня ненавязчиво «пасли» минимум четверо ничем не примечательных личностей — обычные прохожие, вроде мелких торговцев или скучающих бедных дворян. Кстати, мелкие торговцы сейчас должны всюю трудиться — разгар дня! Недосмотр со стороны Гленнора.

Что ж, если меня оберегают, это замечательно. Приятно чувствовать, что о тебе заботятся. Вдоба-

вок, я уверен: у госпожи Лавланэ никто не станет набрасывать мне на голову темный мешок, тащить в пыточный подвал и выбивать сведения о кладе Нифлунгов.

Вот и нужный дом. Высокий — целых три этажа. Фасад украшен герцогским гербом — старушка Мейза Лавланэ владеет малюсеньким фьефом-владением, имеющим статус герцогства. После смерти супруга постоянно живет в Тарангии и развлекается, как может. Она богата, а значит, герцогине позволительны любые чудачества.

Привратник встретил его светлость барона Юсдаля церемониальным поклоном и тотчас сдал с рук на руки слугам. Таковые вежливо отобрали плащ, шапку, и с почтительными ужимками препроводили на второй этаж, туда где располагался салон.

О нет, только не это!

В обширной, задрапированной безвкусными шелками и покрытой лепниной зале читали вслух. В центре кружка, составленного из древних бабушек в старомодных платьях, стоял специально нанятый чтец и выразительно декламировал, читая с листа:

— «...В это мгновение, когда Флабелла, поднеся к своему очаровательному, но задумчиво выточенному носику носовой платок, все еще вдыхала восхитительный аромат, дверь будуара (искусно скрытая богатыми портьерами из шелкового перунта цвета полуночного неба) распахнулась, и два лакея, одетые в ливреи цвета персика с золотом, вошли бесшумной поступью в сопровождении пажа в шелковых чулках, который, пока они стояли поодаль, отвечивая грациознейшие поклоны, при-

близился к ногам своей прелестной госпожи и, опустившись на одно колено, подал на великолепном подносе чеканного золота надушенное письмо. Флабелла с волнением, которого не могла подавить, разорвала конверт и сломала благоухающую печать. Это письмо было от барона Альмария — молодого, стройного, с тихим голосом — от ее Альмария...»

Беда на мою седую голову! Сочинение Гая Петрониуса. Мое, то есть.

Я частенько зарабатываю несколько лишних золотых, придумывая слезливые истории и распространяя их в высшем свете. Под псевдонимом, понятно — не желаю позорить славное имя Юсдалей. Немыслимо, но эти жуткие рассказы вызывают у определенной части публики обильное слезоистечение и припадки ностальгии. Ужас. На какие сделки с совестью и разумом только не пойдешь ради лишнего заработка!

Я расположился в кресле у окна, потребовал доставить сладости и вино. Будем ждать. И слушать сочиненные мною самим сопливые бредни.

Старые дворянки, постигая историю любви Флабеллы (редкостной шлюхи, на мой трезвый взгляд) вздыхают и подносят к глазам платочки. Я готов расхохотаться.

— Месьюр Юсдаль?

Быстро же меня опознали. Рядом стоит лакей, будто сошедший с пергаментных страниц декламируемого чтецом шедевра. Напыщен и мерзко почтителен.

— Господина барона нижайше просят пройти в аграпурскую гостиную.

— Проводи, — согласился я.

Ведомый разряженным в пух и прах слугой, я углубился во чрево огромного дома госпожи Лавланэ. Мне в спину летели сладенькие речи убажавшего старух чтеца:

— «...Прекрасный барон, прижав к себе Флабеллу, коснулся устами ее девственных карминовых губ, другой же рукой нежно обнял ее за девственные плечи, будто желая оградить возлюбленную от безжалостного света, готового жестокосердно надругаться над святым таинством первой любви.»

Тьфу!

Аграпурская гостиная вполне оправдывала свое название. Выдержано в туранском стиле: ковры, подушки, застоявшийся густой смрад благовоний, два кальяна исторгающие сизый дымок.

В самой гуще подушек и дымных полос, зависших в неподвижном воздухе, устроилась фигура. Фигура прикладывается к серебряному мундштуку нежно булькающего кальяна. Судя по запаху — «гирканская травка», легкое дурящее зелье из степей за Вилайетом. Законом не запрещено.

— Заходите, барон. Не надо стесняться. Я знал, что вы придете и придете быстро.

— Мое почтение, — я слегка поклонился. — С кем имею?..

— Маркграф Ройл. Табронийская провинция, герцогство Шамарское. Мы прежде не были знакомы.

Очень интересно. Прямо-таки поразительно. На Полночь от столицы граничащего с Немедией герцогства Шамар расположен городок Таброний. А еще дальше, начинаются безбрежные леса, раскинувшиеся по отрогам Немедийского хребта. Это и есть маркграфство Ройл — почти безлюдная дико-

ватая область, владетель которой сидит передо мной.

В чем разница между простым графом и графом марки?

Графский титул — четвертый в дворянской иерархии Аквилонии. На верхней ступеньке стоит король, потом великий герцог, за ним герцог обыкновенный, а уж потом граф. Соответственно устроен и принцип вассалитета — тот кто стоит ступенью ниже, подвассален более высокому сюзерену, который в свою очередь подчиняется следующему, и так далее. Маркграфы же подчиняются только королю, как и великий герцог. Без всяких промежуточных ступенек. Маркграфства — это маленькие королевства в королевстве. Их владетели сами управляют землями, издают свои законы, пользуются правом суда и платят в казну минимальный налог.

Лорд Ройл — затворник и домосед. Он крайне редко выбирается из своего замка в горах (причем замок абсолютно неприступен, что было проверено во время большой войны с Немедией сорок семь лет назад. Немедийцы осаждали крепость почти год, потом плюнули и ушли), еще реже приезжает в столицу и вовсе не общается с ближайшими соседями-дворянами.

О Ройле, вообще, мало известно. Баснословно богат, родовит, среди его предков были даже два короля — один наш, Аэций Меченосец, другой немедийский, не помню имени... И все, собственно говоря.

— Удивлен? — Ройл усмехнулся из сизого тумана. — Верно, у меня репутация человека нелюдимого. Присаживайся.

Я осторожно сел на подушки. Присмотрелся к маркграфу. Не стар — лет около сорока. Подтянут, жилист. Загорелое лицо сельского жителя. Коротко стриженные в кружок седые волосы. Взгляд слегка отсутствующий: действует гирканская травка. Одет на туранский манер — халат, туфли и небольшой синий тюрбан с алмазной брошкой во лбу.

— Начнем с приятного, — речь владельца Ройла, впрочем, была твердой и четкой. — Вот подарки. Смотри. Это принадлежит тебе.

Он сдернул покрывало, скрывавшее три больших фолианта. Судя по отделке деревянных обложек — очень древних. Я быстро пролистал верхний том и убедился — самая настоящая летопись Эквиция из Оргайла. Не подделка. Бесценный раритет, истинное украшение любой библиотеки.

— С-спасибо... — заикнулся я. — Но за что? Почему, по какой причине?

— А просто так, — отозвался Ройл. — Можешь забрать рукописи и уйти. Но, если хочешь, можешь остаться. Я не настаиваю, но и противиться не буду.

Ройл меня купил. Сразу. Знал, как покупать. Во-первых, получить такие ценные подарки и тотчас ретироваться — неприлично. Во-вторых, маркграф меня заинтересовал. Он явно желает что-то мне сказать. Или о чем-то попросить. Надо обязательно выяснить, что ему нужно.

Почти не сомневаюсь — речь пойдет о кладе Нифлунгов. Зуб даю. Королевский.

И еще: мои опасения насчет козней Дорана Простеца можно позабыть. Заподозрить маркграфа в связи с этой жирной бестией невозможно. Проще

предположить, что Конан Канах ведет родословную от последнего кхарийского императора.

— Я останусь.

— Прекрасно. Эй, там! Подайте вина моему гостю!

Безмолвный слуга вручил мне чашу с «Либнумом» и сразу удалился. Мы с Ройлом вновь остались наедине.

— Я увлекаюсь собиранием древностей, — без обиняков заявил маркграф. — Вещи, книги, волшебные артефакты. Дома собрал впечатляющую коллекцию, как-нибудь приезжай, покажу. Скажи, ты всерьез увлекаешься историей или так, ради мимолетного удовольствия?

— Нечто среднее между этими двумя определениями.

— А я — всерьез. Когда умерла жена, древняя история превратилась в смысл жизни. Невероятно увлекательно. Не только побрякушки или рукописи — еще и саги, легенды, предания. В том числе и позднекхарийские. О народе Нифлунгов, например.

— Любопытная легенда, — нейтрально отозвался я.

— Послушай, Хальк... Сейчас я тебе расскажу, где зарыта самая главная собака. Клад царя Тразариха существует на самом деле. Я нашел этому множество документальных подтверждений. Однажды я покажу тебе эти пергаменты.

— Что клад существует, известно теперь всей Тарантии... Но почему ваша светлость избрали для этого разговора именно барона Юсдаля? Существует множество других людей, интересующихся старинными легендами.

— Ты приближен к королю. И я хочу с твоей помощью предостеречь Конана от ошибки. Очень страшной ошибки.

— Не понимаю.

— Это просто. Городские слухи — бред и чушь. Абсурд. Хотелось бы мне встретить шутника, устроившего этот розыгрыш. Похвалил бы за остроумие.

Я замер, шумно выдохнул, и четко произнес:

— Этот шутник перед тобой.

Не знаю, какая сила подвигла меня на столь внезапное откровенное признание. Я внезапно почувствовал доверие к лорду Ройлу. Было в нем нечто... Нечто удивительное. Маркграф располагал к себе редким спокойствием, образованностью талантливого самоучки и самым страшным оружием, которым обладает человек — откровенностью.

У оборотней Пограничья существует такое понятие: «запах души», обозначающее совокупность всех впечатлений о разумном существе. Если это понятие применимо к моим ощущениям, то выходит, что «запах души» маркграфа мне сразу понравился.

Я рассказал все. Почти. О подложных картах, фальшивых летописях, ошибке барона Гленнора. Обо всем. Умолчал только о малозначимых деталях.

Ройл, после долгой паузы, молвил:

— Я был уверен, что дела обстоят именно таким образом. Поздравляю, барон. Исключительно удачная авантюра. Ты заслужил новый подарок, клянусь честью. И даже угадал место — Ванские острова. Тразарих погиб именно там. Не хочешь признаться королю в совершенном?

Я молча помотал головой. Если сделал первый шаг — иди до конца.

— Дело твое. Так значит, Конан Канах собирается отправить на острова экспедицию? Искать клад?

— Собирается, — подтвердил я. — Никто ничего не найдет. Все указанные на планах подробности я брал с потолка. Карты — чистейшей воды фальшивка.

— Вот видно, что ты плохо разбираешься в легендах. Дозволь проявить оправданное любопытство. Вопрос первый: каким образом Нифлунги обрели несметные сокровища?

— Откуда я знаю? В известной версии легенды говорится только, что Тразарих владел огромными богатствами. Накопил, получил в наследство... Все, что угодно!

— Неправильный ответ. Я знаком с более широким изложением саги. Тразариху клад достался от некоего сказочного существа. Я не верю в глупые истории о сокровищах, охраняемых сворой злобных демонов — это байки для детей и впечатлительных девиц. Но во времена Кхариин на материке оставалось множество не-человеческих существ. Начиная от всем знакомых гномов, до таких малоизвестных созданий как Данхан, Кро мара, О'ши... Они владели своей, особенной магией, резко отличной от человеческой. Тразарих, или некий его предок, этот клад украли. Или, поборов владельца, на правах победителя забрали себе. У кого именно забрали, каким образом? Дело десятое, не нам теперь спорить о правых и виноватых. Слышал о том, что сокровища имеют свойство приносить несчастья?

— Бытует и другое мнение, — парировал я. — Богатство, золото, драгоценные камни даруют удачу. Многие полководцы возят с собой на войну ларцы с драгоценностями, полагают, что они принесут победу и успех.

— Да? А сколько таких полководцев терпели самые страшные в истории поражения? Но мы о другом. Вопрос второй: почему погибли Нифлунги?

— Были выброшены на необитаемый берег штормом, разбили корабли и вообще над ними тяготело божественное проклятие, как над отступниками, — заученно отбарабанил я.

— Молодец, уже теплее. Проклятие действительно тяготело, но не божественное, а насквозь обыкновенное. Те, у кого Нифлунги отобрали клад, проклинали сокровища. Сам посуди: Тразарих повелевал весьма многочисленным народом. Многотысячным. И вот, после обретения клада на Нифлунгов начали валиться несчастье за несчастьем. Вначале безнадежная война с хайборийцами. Изгнание со своих земель. Попытка уплыть на Закат — представляешь, сколько кораблей потребовалось? И в финале — неслыханной силы буря, уничтожение флота, Тразарих и несколько приближенных перепрыгивают сокровища на островах и кончают с собой. Вопрос третий: может ли очень сильный, пусть даже самый чудовищный, шторм полностью затопить флот из нескольких сотен кораблей? Так, чтобы никто не выжил?

— Наверное... Наверное нет. Кто-нибудь должен был остаться.

— Моя версия такова, дорогой барон: Тразарих намеренно разбил часть кораблей, намеренно спря-

тал клад и намеренно заколол себя кинжалом. Почему? Чтобы избавить свой народ от проклятия. Сокровища не принадлежали Нифлунгам. Золото мстило Нифлунгам за гибель истинных хозяев клада. Когда Тразарих понял, в чем заключается причина всех бедствий, он выбрал самый простой путь. Освободил Нифлунгов от проклятия. И от его непосредственного владельца-бедоносца — самого себя. Пусть проклятые сокровища не принадлежат никому! И никому не причинят вреда... Кстати, остатки Нифлунгов доселе живы и здравствуют на Закатном побережье.

— Не может такого быть! — изумленно воскликнул я.

— Может. Теперь этот народ называется «вези». Вези обитают на Полудне Ванахейма. Такие же варвары как и все нордлинги. За полное тысячелетие величие предков было утеряно. Этот факт я выяснил совершенно точно. Если хочешь, представлю доказательства.

— Ничего себе... — я совершенно некуртуазно почесал в затылке. — Потрясающие новости.

— А теперь — главное, — сказал маркграф Ройл. — Выворачивайся как хочешь, но не позволяй королю или его посланцам отправляться на поиски клада. Это опасно. Зачем тревожить древнее проклятие? Ты сказал, будто рисуя карты и подделывая летописи брал «подробности» с потолка? Тогда как ты объяснишь, что полностью угадал местонахождение клада? С точностью до острова?

— Не понял?... Ты знаешь, где именно спрятаны сокровища Нифлунгов?

Я аж рот раскрыл. Неожиданность сменялась неожиданностью.

— Знаю. Причем вполне достоверно. И не собираюсь туда соваться за все золото мира. Каким образом нашел? Десять лет кропотливых поисков по всем книгохранилищам Заката. Я даже знаю, где находятся развалины Пифона, только не скажу, сам хочу покопаться... Я настойчив и терпелив. А библиотеки, как частные, так и принадлежащие королям, волшебникам или жрецам Митры, скрывают в себе россыпи прямых и косвенных указаний любое чудо, существующее в нашем мире. Достаточно знать где и как искать. И быть уверенным в победе.

Ройл замолчал, приложился к мундштуку кальяна, выдохнул струюку дыма и снова заговорил:

— Клад жаждет, чтобы его нашли. Желает вернуться в широкий мир. Клад хочет и далее мстить людям за гибель своих безвестных хозяев. Боюсь, именно он руководил твоей рукой.

— Ты хочешь сказать, — я оторопел, — будто сокровища неким чудесным образом сами навели меня на мысль их отыскать?

— И меня тоже... навели. Когда я заинтересовался историей Нифлунгов, нужные сведения отыскались подозрительно быстро. Незримое проклятие само ищет нового носителя — желательно, человека умного и занимающего высокое положение. Клад жаждет разрушений, а разрушать крестьянскую хижину ему скучно. Тут запросы куда более значительные. Если хочешь, чтобы Аквилонию постигла судьба Нифлунгов — отправляй короля на острова Ваниров и поезжай сам. Получишь незабываемые впечатления.

— Да будь я проклят...

— Будешь. В этом трудностей не возникнет.

— Я не о том. Если Конану запало в голову отыскать клад — его ничем не остановить! Конан Канах упрям, будто целое стадо ослов!

— Измысли что-нибудь. Пусти короля по ложному следу. Ты же придумал, как найти сокровища? Теперь придумай, как их снова потерять. Ладно, не стану тебя больше задерживать. Забирай книги и возвращайся в замок. В течении ближайших пяти дней я останусь в Тарантии, если потребуется — ищи меня здесь. Иди.

— Хорошо. И... И спасибо.

— Пустое, барон. Рад был удовлетворить твоё любопытство.

* * *

Я медленно шел по оживленной Королевской в сторону площади Сигиберта и пытался трезво осмыслить речи лорда Ройла. Сжимал под мышками увесистые рукописи, завернутые в предоставленный маркграфом отрез коричневой парчи.

Старинная поговорка не лжет. Жить на свете очень интересно, тут не поспоришь. Каждый день узнаешь что-нибудь новое и удивительное.

Маркграф, оказывается, нашел Пифон. Тот самый, Стобащенный. Собирается там «покопаться»... И клад Нифлунгов тоже нашел, и самих Нифлунгов-вези... Звучит фантастично. Однако, лорд Ройл не такой человек, чтобы безапелляционно врать. Люди такого положения не станут опускаться до вульгарных розыгрышей. И рассказ Ройла выглядел более, чем убедительным.

А если «проклятие» клада — истинно? Но сразу возникает мерзенькое предположение: моя встреча

с Ройлом инспирирована конкурентами, которые жаждут первыми добраться до несуществующего клада, опередив посланников короля. Вот Ройл и посоветовал мне отговорить Конана от планируемой экспедиции — чтоб под ногами не мешался... Напугать и застрашать древними ужасами и упомянутой «сворой злобных демонов» оберегающих золотого сказочного Тразариха.

Я столкнулся с новой интригой? Нет, не может быть! Первое впечатление самое сильное, а впечатления от лорда Ройла у меня самые положительные... Наверняка он на самом деле желает предостеречь Конана от необдуманных шагов и поэтому пригласил меня сегодня в салон госпожи Лавланэ...

Думай, Хальк, думай! Обычный розыгрыш начинается жить собственной жизнью и ты постепенно теряешь нить событий! В любом случае нельзя отпускать вожжи и продолжать вести действие в нужном мне направлении. Вечером обязательно расскажу Тотланту — умный маг наверняка даст хороший совет (лучше бы только советом и ограничился, иначе опять начнет занудствовать...).

— Именем короля и закона!

Сей басовитый возглас вырвал меня из благочестивых размышлений, но я не понял, что грозная формула относится именно ко мне. В чем дело? Я мирно бреду по главной улице города в сторону королевского дворца, пьяные песни не ору, прохожих не задираю, крамольные мысли громкогласно не провозглашаю...

Четверо. Зеленовато-болотная форма городской стражи. У главного — три галуна и звездочка на рукаве: десятник.

— Барон Хальк Юсдаль? — брезгливо-безразлично осведомился десятник.

— Совершенно верно, — я гордо задрал подбородок и слегка распахнул плащ, чтобы блюстители узрели Большого Льва и мою баронскую цепь. — Что нужно?

— Проедем в кордегарию стражи.

— То есть как? — отпрынул я. — Какая кордегардия? Я — тайный советник короля! Хранитель библиотеки замка короны! Смотрите, вот дворец, пройдем до ворот — спросите, меня все там знают!

— Закон одинаков и для советников, и для мусорщиков. Отдайте меч и забирайтесь в экипаж. Не принуждайте стражу к... решительным действиям, — и уже потише: — Ваша светлость, у нас приказ. Поезжайте. Уверен, это недоразумение решится тотчас.

Что за чепуха? Я снял с пояса клинок, передал десятнику и полез в неудобную повозку черного цвета с решеточками на окнах. Успел обменяться взглядом с прогуливавшимся неподалеку конфидентом Латераны, по-прежнему меня оберегавшим. Тот равнодушно отвернулся.

Интересно! Каким это образом моей светлостью заинтересовалась городская стража, призванная поддерживать порядок на улице и гоняться за ворами?

Митра Милосердный, а вдруг это никакая не стража? Вдруг — похищение? Нагло, среди бела дня, на виду мальчиков графа Кертиса, которые бродят за мной, будто привязанные?!

К моему вящему удивлению, стража оказалась только стражей и ничем больше. Крытая повозка прогрохотала по Королевской, свернула на улицу

Гайард и вскоре остановилась возле главной кордегардии стражи центральных кварталов Тарантии. Приземистый серый домишко в два этажа, обширным двором, обнесенным стеной по верхушке которой торчали шипы и поблескивала россыпь толченого стекла. Потертое знамя королевства над входом. Вид унылый, как и у всякого присутственного места.

Открыли дверцу, проворчали, чтоб выходил. Руки не подали, мужланы. Под охраной в три пикинера проводили внутрь.

Да, это не королевский замок. Стены выкрашены отвратительной краской цвета содержимого выгребной ямы. Запах не лучше — вонь невымытых человеческих тел, вчерашней еды, потягивает из нужника, смердят сургуч и свежая краска. Сапоги стучают. В соседнем присутствии громко ругаются: «Если не ты, то кто?! Может, скажешь, я стащил? Отвечай, или познакомишься с кнутом! Ну, паскуда!..»

Я поежился. Вот она, голая правда жизни, не приукрашенная шелком и кружавчиками королевского замка и дворянских салонов.

— Сюда, — грубо сказал десятник, однако толкаться и грубить не стал. Вельможа все-таки, а не пьяный уличный клошар.

За дверью образовалась квадратная комната. Обстановка скромна. Стол, несколько жестких табуретов (как я потом выяснил, привинченных к полу), заляпанный чернилами и загроможденный свитками стол. Два шкафа для хранения пергаментов. Стол украшается его владельцем — низеньким пухлым месьёром, с лысиной, угреватым носом, маленькими серыми глазками. Одевался че-

ловечек в сине-зеленый мундир дознавательной управы.

— Добро пожаловать милейший барон! — коротышка с преувеличенной любезностью подскочил ко мне, ненавязчиво забрал дареные книги, положив их на табурет рядом, усадил, вернулся на свое место, сценил коротки пальчики в замок, изобразил улыбку и запросто сказал:

— Неприятно, что такой известный человек задерживается стражей прямо в центре Тарантии, однако есть на то исключительно важные причины...

Я деревянно молчал. Пытался сообразить, что за «веские причины» подвигли мелкую сошку вроде этого пузыря на ножках арестовать меня на виду всего города.

— Меня зовут месьюр Тардак, занимаюсь дознанием по делам похищений и грабежей. Минувшей ночью произошло пренеприятнейшее событие — некие мерзавцы забрались в поместье достойного герцога Борна, убили двоих слуг... Ужасная история. Хуже всего то, что пролилась человеческая кровь, такая досада!

— Минувшей ночью, — ледяным голосом сказал я, — я находился в замке короны, в своих покоях. Это может подтвердить множество людей.

— Конечно, никто не ставит под сомнение искренность ваших слов, — маслянисто улыбнулся месьюр Тардак. — Дозвольте осведомиться, что это за книжечки у вас с собой, а, господин советник?

— Какая разница? Это мои книги. Я получил их в подарок.

— Замечательно... Вот на этом пергаменте — списочек похищенного из дома его светлости гер-

пога Борна. Грабители, по известным только им самим соображениям, не тронули ценности и украшения, взяли только старинные книги из библиотеки. Наутро герцог составил опись.

— И дальше, что?

— Дальше дело вышло совсем неприятно. В дознавательную управу подбросили доносик... Без подписи, понятно. Доброжелатель сообщил, будто ограбление было совершено по заказу некоего Халька Юсдаля. А получить заказец он должен грядущим днем, на тайной встрече с исполнителями. Где? Верно, в доме мадам Лавланэ. Месьор Юсдаль, я позволю себе ознакомиться с книжечками которые вы принесли?

Ознакомился. Судя по разговарившим в щелках-глазках огонькам, названия совпадали. Меня начали терзать очень нехорошие подозрения.

— Как же так? — с сожалением покачал головой дознаватель. — Такой уважаемый человек, приближен к трону, ученый муж... И заниматься организацией разбойных нападений с жертвами! Скупать краденое!

— Ерунда! — возмущенно воскликнул я. — Идиотская ошибка и ложный донос! Только что я получил эти книги в подарок от маркиграфа Ройла, в котором встречался в салоне госпожи Лавланэ! Проверьте, Ройл наверняка еще не ушел! Отправьте туда людей, пусть спросят!

— Значит, признания не будет? Когда улики на лицо? Все три тома — в списке похищенного! Приметы книг совпадают!..

— Какое признание? — я разозлился до крайности. — Это — подарок лорда Ройла! А ваш донос — чистой воды ложь!

— Хорошо, будем разбираться, — покорно кивнул чиновник. — А барон Юсдаль в это время пользуется гостеприимством кордегардии. Не надо беспокоиться, если невиновность будет доказана — мы тотчас вернем господину барону свободу и извинимся. Вот, надо подписать пергамент, что мы временно изымаем книги, деньги и ценности.

У меня отобрали не только оружие, но и орден с баронской цепью, кошельки и дворянский пояс. Я был так ошеломлен, что не пытался сопротивляться. Ничего себе история! Меня, похоже, весьма серьезно подставили. В памяти опять всплыл неприглядный образ Дорана Простеца. Не он ли разыграл этот спектакль с «маркграфом Ройлом»? Но какой смысл?

Вашего покорнейшего слугу препроводили в холодную. В знак уважения к титулу и положению, засунули не в общую камеру, а в отдельную — узкий каземат с лавкой, застеленной дерюгой, откидным столиком и свечой. В углу благоухал медный чан под крышкой. Окон нет, холодно, а по стенам ползут капли линкой воды. Романтика.

Прошел колокол, другой, начали отбивать третий. Я ходил по камере вперед-назад, пытаюсь мысленно отыскать подоплеку случившегося...

Ничего логичного на ум не приходило: если Ройл захотел мне отомстить (за что? Я сегодня видел маркиграфа впервые в жизни), то сделал это очень топорно. Тоньше надо быть. Доран потрудился? Тогда каков смысл интриги? Старому мошеннику требуются мои карты, а не мое заточение и несправедливое обвинение! Или я оказался пешкой в некоей таинственной чужой игре? И игра напрямую связана с драгоценностями Нифлунгов?

Да, возможно, Тотлант прав: мы перестарались. Алчность, один из важнейших человеческих грехов, может подвигнуть человека на весьма опасные шаги...

К решетке моей камеры приблизился низенький месьор Тардак. Выглядел он довольным.

— Барон, обязан сообщить дурную новость. В указанном салоне госпожи Лавланэ нет никакого маркиграфа Ройла. Посетитель, с которым ты разговаривал, представился герцогине как эрл поместья Рудно. И давно ушел. В гостиницах и постоялых дворах Тарантии некий эрл Рудно, как выяснено, не останавливался... Ну что? Будем говорить правду?

— Не будем, — рыкнул я. — Это дурацкая ошибка!

— Ошибка так ошибка... — протянул дознаватель. — Завтра тебя перевезут в городскую управу, заговоришь. Переночевать придется здесь. Боги, как низко пало наше дворянство — грабежи, скупка краденого...

Я гордо отвернулся. Кажется, история становится неприятной до крайности.

В приемной кордегардии неожиданно загремело:

— Где?! Куда вы его засунули? Ма-алчаты! Как стоишь перед королем, харя!? Показывай!

Ого! Какой знакомый голос! Ура, из-за холмов неожиданно появилась тяжелая кавалерия! Тяжелее некуда, ибо означенная кавалерия — под знаменем короля.

Лично Конан Канах явился выручать меня из претрашного узилища. Как хорошо иметь такие высокие связи!

Озабоченная физиономия варвара образовалась возле ржавых прутьев.

— Сидишь?

— Сижу...

— И за что? — Конан хитро улыбнулся.

— Грабеж, скупка краденого. Не удивлюсь, если добавят антигосударственный заговор и глумление над догматами митрианства.

— Понятно... Эй вы, олухи! Освободить месьора королевского советника!

Слово короля — законнее любого закона. Замок поскрипел и сдался. Дверь отворилась.

Оказывается, Конан привел с собой гвардейский караул Черных Драконов и графа Кертиса, окруженного волкодавами Латераны.

Граф ехиднейше ухмылялся, прочие блюли невозмутимость.

— Поехали домой, убивец, — снисходительно сказал Конан. — Скажи спасибо ищейкам Кертиса — увидели, как тебя замели и доложили кому следует. Задаюсь вопросом: почему именно король Аквилонии обязан вытаскивать своих придворных из неприятностей? Впрочем, мне не жалко, честно слово...

— Мои книги! Оружие, деньги! — воскликнул я. — Пусть вернут!

— Это не книги, а вещественные доказательства, — слабо пискнул съехившийся дознаватель Тардак, — нельзя...

— Нельзя, значит? — киммериец навис над коротышкой, будто грозовая туча. — Все бумаги по этому делу — немедленно передать моему помощнику. Я сам разберусь, кто здесь грабитель и скупщик! Живо!

С тем мы и отбыли в замок короны. Я, не без удовольствия, сжимал в руках драгоценные фолианты.

— Сейчас соберемся в белой гостиной, — бросил Конан, — расскажешь всю правду. Что-то слишком много странностей в последние дни развелось... Хальк, а вдруг ты, на самом деле, грабитель? Вот было бы смешно!

И Конан весело расхохотался.

Мне отнюдь не было смешно. Дурацкая придумка с «кладом» внезапно ожила и начала действовать без ведома автора и изобретателя. Обрела собственную жизнь. Это скверно. Теперь я не смогу контролировать ход событий, а сами события станут управлять всеми нами.

Самой большой загадкой на сегодняшний день стал маркиграф Ройл. Что могла означать недавняя встреча с открывателем Пифона? Куда он мог исчезнуть так внезапно? И был ли это настоящий Ройл?

Не знаю... Уверен в одном: разберемся!

Второй рассказ Тотланта

«Война объявлена»

Тарантия, дворец и город
8-9 дни Первой весенней луны 1293 г.

Вынешним вечером Белая Гостиная короля выглядела весьма оригинально. Малым Королевским советом если и пахивало, то самую чуть — из высочайших особ присутствовали лишь Конан Канах, барон Гленнор вместе с неотвязным графом Кертисом, да суровый Просперо. В качестве гостей фигурировали я, Хальк Юсдаль и Темвик.

Со стола были убраны неперменные украшения: кувшины, бокалы и блюда перекочевали на широкие подоконники, а то и вовсе на ограду фонтанчика с золотыми рыбками. Необозримое пространство овальной столешницы оказалось загромождено десятками пергаментных листов с изображенными планами земель, обрамляющихся холодными волнами Закатного океана.

Вдобавок, пригласили еще двоих многоученных географов — высоченного, с копной выщипавшихся волос и носом крючком, Хранителя архива путевых карт королевства Аквилонскокогго Евсевия Цимисского и, чему (я был несколько удивлен) некую госпожу Нейну из Томоска — многоученную старушку владевшую в Тарантии самой крупной мастерской, изготавливавшей наиболее подробные планы земель нашего материка.

— А, пожаловали? — когда наша взмокшая компания показалась в дверном проеме гостиной, барон Гленнор не упустил случая едко пошутить. — Хальк, я ведь предупреждал: срезать кошельки у прохожих — великое искусство... А ты не слушался. И так бездарно попался! Надеюсь, в камере хорошо кормили? Вшей не набрал?

— Оставьте, барон. — грустный Хальк поморщился. — Наиглупейшая история.

— Воистину, наиглупейшая. Мне доложили, будто книги получены в подарок от маркграфа Ройла. Верно?

— Вернее некуда.

— А донос, по которому тебя арестовали я тщательно изучил... Одно забавно: книги из библиотеки графа похитили не вчера, даже не полгода назад, а давным-давно. Но вот инсценировку нападения на дворец обстряпали минувшей же ночью... С убийствами и шумом. Тут же всплывает старая жалоба графа о похищении, тебя ловят среди бела дня с краденым... Не знаю, что и думать. И еще: Ройла мы, конечно, нашли, маркграф временно живет в столице, у любовницы, под вымышленным именем. Ройл категорически отрицает сам факт встречи с бароном Юсдалем, есть свидетели.

Интрига либо редкостно бездарная, либо устроена с дальним прицелом.

— Короче, пускай Хальк забирает книжки в библиотеку и радуется новым приобретениям, — прервал Конан. — По этому делу мы еще побеседуем, давайте о главном. Гленнор, жду развернутый доклад.

Барон придвинул к очагу любимое кресло, укрылся пледом до подбородка и с меланхоличным выражением в глазах начал неторопливый рассказ.

— Мы имеем на руках три позднекхарийские карты, вероятно, составленные с тем расчетом, что полная картина вырисовывается только при наличии последней, четвертой части плана. В подлинности документов сомнений нет — кхарийский алфавит, особенности рисования, тайные значки; пергаменты настолько высохли, что я удивляюсь, как они доселе не рассыпались. Добавим сюда некоторые намеки из обнаруженных летописей, относящихся к интересующему нас периоду... Четвертого плана мы пока не нашли. Сюда же добавим самодельную асирскую карту, владелец которой будто сквозь землю провалился. Слухи в городе усиливаются и превращаются в абсурдные сказки, выловить из которых крупицу истины почти невозможно. История начала пахнуть магией — мне доложили, будто известный «ночной цирюльник» по прозвищу Простец, у которого мой посланный отобрал асирский лоскут и письменами, содержал в подвале своего дома некое волшебное существо, вроде оборотня или упыря, каковое существо успело сбегать и теперь шляется по городу... Однако, и того, что мы имеем на сегодняшний день, вполне хватит для выводов: на одном из Ванских островов

скрываются легендарные сокровища Народа Нифлунгов.

— Можно слово? — попросил Хальк. — Сегодня, когда я разговаривал с человеком, который назвался маркграфом Ройлом — он пытался предостеречь нас!

— Интересно? — наклонил голову Конан. — Предостеречь? От чего?

Хальк рассказал. В подробностях. Старался припомнить любое слово маркграфа. А ненароком прозвучавшее сообщение о том, будто любительски интересующийся древностями маркграф Ройл обнаружил не что-нибудь, а сам Пифон Стобашенный, вызвало у публики недвусмысленные смешки.

—...И одновременно Ройл бросает тебя в лапы дознавательной управы, — кивнул варвар. — Неувязочка.

— А если это не он? Кто-нибудь другой? Разговор могли подслушать!

— Нет, здесь дело обставлено гораздо тоньше, — поморщился барон Гленнор. — Господа и дамы, поймите, начинается большая охота. Приз — неисчислимы. За кладом ринутся сразу несколько свор. И если мы хотим поучаствовать в охоте — следует действовать быстро и зубасто. Поверьте мне на слово — мелкие авантюристы не способны конкурировать с Латераной и всей мощью Аквилонского королевства... А проклятие Нифлунгов? Уверен, за столько веков оно... как бы это сказать? Выветрилось. И все-таки у нас есть маг — Гленнор указал на меня. — Тотлант поможет, если случится нечто неожиданное. Правда, Тотлант? Считай, мы тебя нанимаем. На государственное жалование. Эрхард наверняка против не будет.

Вот уж действительно большое спасибо. А меня вы спросили?

— Теперь давайте разберемся с дорогой и сопровождающими мелочами, — решительно сказал Конан. — Евсевий, госпожа Нейна, вы должны понимать — наше собрание приватно и ни одно слово не должно ускользнуть за стены гостиной... За консультации вам хорошо заплатят, понятно.

— Подождите! — Хальк выскочил вперед и замахал руками. — Помните, что говорил маркграф Ройл? Эти гипотетические сокровища не принадлежат людям! На золоте лежит проклятие их настоящего владельца: не даром царь Тразарих надежно спрятал клад — не желал, чтобы потомки или современники нашли его! Почему мы должны быть глупее древних? Месьоры, у меня предложение: забыть ко всем демонам вселенной об этом злосчастном клade и заниматься делами насущными!

— Ты веришь в сказки? — скривил угол рта Конан. — А ведь сам первым состряпал с Тотлантом комплот, попытался улизнуть из Тарантии и начать изыскания на островах Ванов... Боюсь, Хальк, этот твой маркграф тебя попросту напугал — придет серенький волчок, тебя схватит за бочок... А потом втихомолку захапал сокровища. Тотлант, ты сумеешь снять проклятие, даже если оно там есть?

Я сокрушенно покачал головой:

— Проклятия бывают разными. Я хорошо владею человеческой магией, немного знаю звериную, но волшебство сгинувших народов мне недоступно. Наймите к примеру, Тот-Амона, он изучает до-человеческое волшебство, змееногие, альбы...

— Тоже мне, придумал, — Конан едва не сплюнул прямо на ковер..

— Гномы могут помочь, — продолжил я. — Помните сагу: клад охранял карлик неимоверной силы. Я нахмурил лоб, припоминая и процитировал:

И в потайной пещере, где был запрятан клад
Услышал грозный Альбрих, как панцири звенят,
Был карлик и отвагой и силой наделен,
Броней и прочным шлемом надежно защищен

Кистень с семью шипами был тяжек до того,
Что разъяренный Альбрих при помощи его
Одним ударом метким разбил Нфилунгу щит
И понял вдруг Тразарих, что смерть ему грозит...

— И дальше что? — заинтересовался Конан.

— А то, что царь Тразарих все-таки победил Альбриха-карлика и взял клятву сторожить сокровища от любых пришельцев и хранить верность только самому Тразриху. Тогдашние карлики — это совсем не те гномы, которых мы отлично знаем. Это существа обладающие не-человеческой магией, невероятно сильны, находчивы... И очень долгоживущи, почти бессмертны. Боюсь, клад может сторожить нечто вроде этого самого Альбриха...

— По моему, это просто слухи, — заключил Конан. — Чтобы нас отвлечь и напугать. Некто желает прикарманить золотишко Нифлунгов и оставить родное королевство с носом. Так или иначе — решение я принял. Едем. И не очень далеко, и дороги более-менее спокойны. Госпожа Нейна, Евсевий — вас, как людей в географии умудренных, пригласили не случайно. Хотелось бы услышать ваши мнения насчет кратчайшей и безопасной дороги до побережья.

Пожилая госпожа Нейна быстро свинтила крышечки с медных тубусов и загромодила стол полутора десятками карт и планов — красивых, разноцветных, с указанием границ, городов и рек вкуче с горами и возвышенностями. Мы сгрудились возле стола.

— Так, Закатное побережье Пущи... Это неинтересно. — бормотала Нейна откладывая в сторону ненужные листы. Асгард с Гипербореей — в сторону... Вот, нашла! Аквилония, Нордхейм, Полночные острова! Если соберетесь направится конным ходом на полуночный закат, потребуется добратся до Галпарана, там сесть на корабль и подняться в самые верховья до Спокойного Озера, затем по торговому тракту в обход Ямурлака и далее к стыку границ Пущи, Киммерии и Нордхейма. Оказавшись на Нордхеймских землях, отряд окажется в безопасности, особенно если король возьмет в качестве охраны не обычную гвардию, а «дикий отряд» набранный из горцев и киммерийцев. Цель — городок Рагнарди, на побережье, в самом устье реки Рагнар.

— Да будет мне дозволено возразить уважаемой коллеге, — прогудел величественный голос многомудрого Евсевия Цимисского, преподававшего в Обители Мудрости умную науку географию, и почитавшегося первейшим знатоком дорог нашего материка — Уважаемейшая госпожа Нейна, увы, не помянула многообразные опасности, связанные со столь далеким путешествием, с преградами и препонами, ожидаемыми любым беспечным путником от злонамеренных и хищных дикарей, дурной погодой и немерянными никем реками, топиями и хлябями, поскольку го-

сударство не изволило доселе озаботиться наведением...

— Короче, Евсевий! — простонал Конан, — Не могу привыкнуть к твоей манере изъясняться!

— Корабль, — пожал плечами высокорослый ученый муж. — Погрузиться на крепкое, надежное судно, спуститься по Хороту до Океана, и отправится на Полночь вдоль побережья. Три галеры охраны, с лучниками и катапультами...

— Отвергается, — тотчас отозвался Конан. — Слишком долго и далеко. Эдакий крик! Добавим сюда нордхеймских пиратов, весенние шквалы, плавающие льды... Госпожа Нейна, к завтрашнему утру прошу подготовить четкий план дороги до Рагнарди. По Закатному краю Киммерийских гор, и, одновременно, мимо Пущи Пиктов. Сейчас у меня нет никакого желания воевать с серкожими дикарями...

— Они теперь не станут высовываться из лесов, — заметил Просперо. — Время посева, не до набегов и разбоя. Проскочим безопасно. А в Рагнарди найдем судно.

— Я найму, — твердо сказал Конан, сделав ударение на слово «я». — Просперо Пуантентский останется править страной и ждать возы с золотом.

— Господа, все кроме короля, гостей из Пограничья могут удалиться, — провозгласил Гленнор. — Беседа будет о важных и тайных государственных делах...

Госпожа Нейна аккуратно собрала пергаменты и удалась вместе с Евсеем.

Я тоже заторопился.

— Тотлант, куда собрался?

— Конклав, — виновато улыбнулся я. — Между прочим, мои волшебники только и говорят кладе...

— Никуда ты не пойдешь. Отправим слугу с извинениями — заболел, мол. Понос.

— Но...

— Сиди здесь. Можешь потребоваться.

— Ничего подобного! — возмутился я. — Я приехал а Тарантию по делу! Смею заметить, я подданный чужого государства! И могу располагать собой как хочу! Пока!

Я закрыл дверь с другой стороны. Без меня разберутся.

* * *

На магический конклав я, разумеется, не пошел — сегодня был неинтересный день: волшебники громогласно делили сферы влияния. Поскольку я еще вчера во всеуслышание заявил, что кроме Пограничья и Граскаала мне ничего не нужно, большинство магов вздохнули с облегчением — пускай забирает в пользование свой медвежий угол и через то будет счастлив.

Я отправился на поиски маркиграфа Ройла, с которым намерен разговаривал Хальк. Судя по рассказу библиотекаря, провинциальный владетель оказался крайне интересным человеком, и у меня нашлось много поводов для вдумчивой беседы.

Одет я был вполне достойно — переливающаяся багрецом хламида с золотом, расшитый капюшон, посох, гильдейская цепь, королевская посольская бляха на груди... Магов на улицах Тарантии встречается мало, поэтому меня либо обходили стороной, либо оглядывали с любопытством, либо

кланялись. Мальчишки, из простецов, выпрашивали показать «фокус». Я раздал им по медной монетке и та том фокусы закончились.

Вот и большой дом на Королевской улице. Герб над входом — лилия в геральдическом щите с вдовьей перевязью.

Я загнулся на полушаге. Сделал вид, будто рассматриваю цветные витражи на окнах. Но в действительности пытался определить, кто так настойчиво прощупывает меня заклятием Ключа — словно мягкой кроличьей лапкой по вискам водили. Где-то неподалеку находился другой маг. Очень слабенький, недоучка. Пытался проникнуть за завесу моих мыслей.

Ну, я сейчас ему задам!

Собрав чужое заклятие в тугой комок, я добавил в него своей силы и запустил обратно, одновременно оборачиваясь. Некий человечиска, стоявший в полуквартале от меня истошно взвизгнул, схватился за лицо руками и прыснул в переулок, будто перепуганный заяц. Зрение у согладаята восстановится не раньше, чем через сутки.

Делаем неприглядные выводы: за мной тоже начали следить. Я быстренько создал несколько заклиний ключа и разослал их в ближайших прохожих. Эти трое месьюров — из ведомства Барона Гленнора, негласная охрана. Обычный мукомол, спешащий по делам. Прогуливающиеся барышни с туранскими зонтиками, обвешенными бахромой — обычные праздные горожанки. А вот тот, смахивающий на праздношатающегося простеца, явно интересуется моей персоной... Только кто он и откуда? Магией не владеет, агрессивных намерений не выражает. Разберемся.

Я смело вошел в дом герцогини Лавланэ, и надменно процедил привратнику:

— К его светлости Маркграфу Ройлу от государственного тайного советника барона Юсдаля. Проводи!

Привратник остался недвижим, будто скала.

— Имя Милорда Ройла мне неизвестно.

Я вздохнул, выудил золотой кесарий, который весьма незаметно перекинул в обшлаг рукава лакея. Тот остался подобен мраморному изваянию.

— Лорд Ройл, вспоминаешь? — увещевал я. — Только вчера заходил...

— Не знаком, — отрубил слуга.

— А может, эрл поместья Рудно — я сделал вторую попытку, припомнив как назвался Ройл в салоне старой герцогини.

— Его милость съехали прошлым вечером, — чванно ответил лакей.

Я расстался еще с несколькими монетами. Попросил:

— Я хочу осмотреться в туранской гостиной, которую занимал эрл.

Привратник подумал, но золото перевесило чашу весов в мою пользу.

«Аграпурская комната» салона пустовала. Кальяны потушены, посуда убрана. Я тщательно исследовал подушки на диванах, ворс ковра, и все же добился успеха — обнаружилось несколько седых волосков, явно не принадлежавших Хальку или женщине. Сложил волоски в стеклянную трубочку, снова поблагодарил привратника монеткой, и вернулся на улицу. Короче, я решил начать собственное расследование. Лорд Ройл (или тот, кто скрывался за его именем), начал свою игру — это

ясно, как день. Только какой выигрыш он хочет получить?..

Найти человека в огромном городе очень просто. Даже если он скрывается и живет под вымышленным именем. Я сбегал в храм Нергала (где шумел и бурлил конклав — магики решали, кто будет хранить казну гильдии и на какие нужды будут распределяться деньги), выслушал несколько сентенций относительно моей персоны (почему, мол, не участвуешь в общем обсуждении? Или тебя это не касается?) выпросил у мага Валента ненадолго поработать в его магической лаборатории и меньше, чем за квадранс состряпал волшебный декокт, способный привести меня в нужную точку. Когда я буду приближаться к дому, где обитает его светлость Ройл, бутылочка будет нагреваться.

Прошелся мимо самых богатых гостиниц Тарантии — ничего! Когда ноги устали, нанял портшез, одарил владельца целым «фениксом» и поставил условие: объезжать в течение дня самые богатые кварталы Тарантии, а с ними и постоянные дворы.

К шестому послеполуденному колоколу моя задумка себя не оправдала. Правда посади, за портшезом катила кавалькада из четырех всадников — трое из Латераны, четвертый — неизвестный.

Пузырек начал разогреваться в пригородных кварталах, там, где устроились сады, виллы и поместья не приветствующих городскую суету дворян.

— Стой! — заорал я, вылезая из портшеза. — Вот тебе еще золота, будешь ждать.

Возница согласно кивнул и мигом задремал.

Направо? Налево? Флакончик с декоктом упрямо вел меня к скрытому зеленым пухом распускающихся деревьев двухэтажному дому с колоннадой.

Дальнейшее меня поразило не меньше, чем вся история с кладом Нифлунгов.

Врата распахнулись, слуга согнулся вдвое в почтительнейшем поклоне и забормотал:

— Господин волшебник! Уж и не ждали! Идите прямо ко входу в дом, там примут...

Прелестно. Оказывается, в доме, который я вижу первый раз в жизни меня ждут с нетерпением. Вероятно, некая ошибка. Возможно, неприятная...

Я сделал самый независимый вид, приказал волшебному перстню, чтобы он изменил цвет моей хламиды с алого на замогильно-черный, а вышивку превратил в змеиный символ Сета: это для большей представительности — если в доме враги, то они тысячу раз подумают, прежде чем связываться с колдуном Черного Круга Стигии.

На пороге меня встречал отвратительнейший широкоплечий тип с метлой-бородой, вытупленными глазами и корявыми сильными пальцами.

Ох, из огня да в полымя! Темвик, описывая свои приключения у Дорана, точь-в-точь описывал ближайшего подручного толстого бандита! А скляночка в кармане бьется все сильнее! Неужели маркиграф Ройл с ними заодно?

— Добрый вечер, Ламасар! — с царственной небрежностью бросил я. — Веди к хозяину.

В глазах волосатого монстра мелькнуло нечто вроде мысленного усилия.

Дом как дом. Приличный, но без излишеств. Присутствие чужой магии не чувствуется. — рядом

только люди. И какие-то слабенькие артефакты, вроде оберегов.

Меня препроводили в большую овальную гостиную, залитую сотнями свечных огоньков. Шторы плотно закрыты. Накрыт богатый стол на двоих.

— Прошу извинить за опоздание, — надменно-хриплым голосом сказал я, и без приглашения опустился на мягкий стул. Придется разыгрывать спектакль до конца. — Излагайте дело. У меня масса других забот.

Ламасар встал за спиной чуть слева. Скрестил руки на груди. Я надвинул капюшон поглубже на лицо.

Сидевший напротив толстяк, в котором я ошибочно определил Дорана Простеца, сразу залезил:

— Досточтимый, мы крайне редко обращаемся за помощью к такой уважаемой организации как Черный Круг, но обстоятельства вынудили... Мы заплатим сколько потребуется... Мы знаем, что Черный Круг в Аквилонии запрещен, но будучи наслышанными о ваших необычайных способностях...

— Короче! — рявкнул я и пристукнул кулаком по столу, так, что из волшебного перстня посыпались голубенькие искры, а наверху посоха полыхнуло темным багровым огнем. Для пущего устрашения я заставил радужку глаз светиться алыми лучами: фокус простейший, но впечатление производит даже на самых флегматичных субъектов. Сидит эдакая загадочная орясина в черном, да еще и глазками сверкает...

— Хватит рассыпаться ненужными словами. Или говорите дело, или я уйду.

Я начал укореняться в подозрении, что произошла серьезная ошибка: Доран ждал одного мага, а случайно явился совсем другой. Надо быстро разведать в чем дело и немедленно сматываться. Столкновение с конкурентом из Черного Круга не грозит мне ничем хорошим.

Толстяк Доран, вкуче с телохранителем Ламасаром провели меня в подвал и предъявили камеру, в которой прежде сидел (висел...) Темвик. Рассказали как было. Точнее, рассказывал Доран, Ламасар хранил молчание.

Сбежать отсюда было невозможно. И одежда оставлена, только порвана. А потом по дому гулял волк, насилу отделались...

— Оборотень, — я не погрешил от истины. Снял с колец браслетов-кандалов несколько серых шерстинок. — Вы изловили настоящего оборотня. И поплатились... Никого не покусал?

— Я же говорил... — сокрушенно вздохнул Доран. — А почтенный колдун не скажет, демонову перевертышу могли помочь? Кто-нибудь из домашних? Я, понимаешь, опасаюсь измены...

— Нет. Такое существо способно вывернуться из любой ловушки, — напоследок я решил их припугнуть: — Это был не обычный оборотень, не из народа Карающей Длани, какие живут в Пограничье. Это демон в человеческом обличье... Видите белые волоски на обручах? Ясный признак.

Доран сделал пальцами охранный знак и отступил. Ламасар остался бесстрастен и недвижим.

Я отряхнул ладони и повернулся к хозяину:

— Ума не приложу, как вы сумели поймать оборотня... Если это все — с вас «феникс» за консультацию, и на том мы расстанемся.

— Нет-нет, есть еще одна маленькая сложность, — смущенно разулыбался Доран. — Надо поговорить с одним человечком. Упрямец неимоверный, никак не могу получить долги от паршивца. Не побрезгуете, благороднейший маг?

Склянка была такой горячей, что мне подумалось, одежда начинает дымиться.

— Только быстро.

В соседнем каземате находился искомый маркграф Ройл, а моя волшебная жидкость выбила крышечку, и декокт горячей струйкой потек по бедру.

Хорошо же они разукрасили месью маркграфа, ничего не скажешь! Половина лица превратилась в один огромный багрово-фиолетовый синяк, на теле — глубокие шрамы шомполов, часть зубов выбита. Опутан цепями, как куколка.

— Цепь снять, два ведра холодной воды, усадить на табурет, — брезгливо скомандовал я. — Иначе не смогу работать. Приведите его в чувство!

А в голове колотилась суматошная мысль: если заявится настоящий колдун, выйти из этого дома самому и спасти Ройла будет трудновато. Или почти невозможно. Но ведь не Тот-Амона собрался привлечь Доран? С кем попроще — справимся. Наверное.

В голове завертелись формулы боевых заклинаний.

— Что надо узнать?

— Где прячет документы... Доран на мгновение запнулся, но пересилив себя, продолжил: — Документы о кладе Нифлунгов. Потом пусть катится на все четыре стороны и забудет о моем существовании.

«Вранье, — подумал я, постоянно используя заклинание, определяющее правду. — Если вы добьетесь своего, маркграф немедля умрет, а тело сожгут в печи за домом».

Цепи, вкупе с ручными и ножными кандалами, сняли не без труда. Опутали Ройла с полным тщанием — наверное, перестраховались после побега оборотня. Усадили, окатили водой.

Настало время употреблять мое искусство. Я давно научился общаться с человеком без помощи речи. Оборотни в Пограничье научили, да и волшебная Книга Бытия помогла.

«Слышишь меня? Только не подавай виду, что слышишь! — передал я свою мысль в мозг Ройла. — Если согласен с тем, что буду говорить, — ругайся на чем свет стоит, если нет — просто молчи. Меня послал Хальк, барон Юсдаль. Тот, которому ты вчера подарил книги в аграпурской гостиной. Я тебя вытащу. Будем прорываться...»

— Привели поганого колдунишку? — захрипел Ройл, и сразу обрушил грохочущим камнепадом обвал самых диких ругательств. Значит, он меня понял.

«Меч в руках удержишь?»

Молчание. Затем грязное матросское словечко.

«Магией займусь я сам. Главное вырваться к центру города и оказаться возле замка короля».

Доран и его сподвижники удостоились длиннейшей тирады, касавшихся их самих, предков, подруг и пристрастий в извращенной любви. Толстый предводитель шайки слушал особо умиленно.

— Пытаюсь проникнуть в его мозг, — пояснил я Дорану. — Сильный человек. Придется долго работать.

— Денег я не пожалею! — с пафосом воскликнул Доран.

И тотчас к толстяку подбежал один из телохранителей. Нагнулся и забормотал. Я мигом сделал «Острое ухо», и шепот стал явью:

— Господин, там приехал маг Гарпаг из Черного круга, говорит — звали...

Доран изменился в лице. Нехорошо посмотрел на меня.

«Начинаем» — я дал мысленный сигнал маркграфу Ройлу и обрушил магический удар на противника, казавшегося мне самым опасным — Ламасар мгновенно запутался в жгущей сети огненных полосок и выронил кривую туранскую саблю. Доран и второй телохранитель оказались на время ослеплены. Подчиняясь неведомому чувству я сорвал с пояса Дорана тяжелый кошелек. Пригодится. Компенсация за труды, так сказать.

Мы с Ройлом бросились наверх — я очищал дорогу россыпью свистящих огненных шариков, поражавших слуг Дорана не хуже наконечников лучных стрел (если скажете, будто Тотлант плохо владеет боевой магией — в жабу превращу!). Ройл умело отбивал слабые попытки напасть на него при помощи обоюдоострого клинка, выхваченного у обожженного Ламасара. Постепенно разгорался пожар.

На новоприбывшего мага я даже не взглянул — тот был чересчур удивлен происходящим кавардаком и позабыл о колдовстве.

Повозка чужого волшебника стоит возле главных ворот!

Я втокнул Ройла внутрь, вышвырнул возницу, влетел на козлы и ожарил лошадей кнутом — ма-

ленькое заклинание, и каждая лошадь будет слушать меня, как родного хозяина!

Быстрее, во дворец!.. Погони, надеюсь, не будет — все служки Дорана занялись тушением пожара. А за крепкими стенами резиденции короля нас не достанет сам Сет Змееног и орда самых диких демонов!

— Именем короля, отпирай! — взвыл я перед закрытыми створками. Меланхоличные Алые Кира-сиры встrepенулись.

Потом, уже во дворе, мы насчитали в стенках кареты девять отметин от арбалетных стрел.

* * *

— А ведь это война, — сказал барон Гленнор. — Настоящая война. Против незримой армии государства — Латераны и присных, вскоре выступит другое, не менее грозное, незаметное войско.

— С такими «войсками», — Конан презрительно усмехнулся, — существует множество способов борьбы. Военное положение в столице. Любое неблагочине — строжайше пресекается. Облавы каждый день. Удвоение стражи...

— Две трети, которой мздоимствует, — как бы невзначай дополнил Гленнор. — За городом начинают действовать большие и маленькие шайки, терзающие купцов. Если Тотлант не ошибся Доран с компанией набирает магов. Они запросто подготовят маленький бунт в столице и пока мы займемся умиротворением разбушевавшихся простецов, под шумок сбежит на полуночный закат — искать наш клад. И все это в такое неудобное время!

— Нам помогут займы, — проворчал Просперо. — Прикажу начать переговоры с офирцами и Зингарой — королева Чабела не откажет. А если поднимем налоги — получим недовольство в народе и резкий взлет цен.

— Я распорядился немедленно арестовать Дорана Простеца, — заметит Гленнор. — Есть и свидетель, и пострадавший, но... Доран опять ускользнул. Его ищут. Поздравляю, маркиграф — вы остались живы только благодаря внезапному и неумышленному вмешательству Тотланта. И вы — только часть большой игры. Однако, значительная часть.

— Благодарю, — слабо ухмыльнулся Ройл, половина лица которого была скрыта шелковой белой повязкой. — Хотя немногим оказался полезен. В кои-то веки моя размеренная жизнь обогатилась приключениями.

— Будь столь добр, Расскажи Конану и всем присутствующим, о чем вы намеренно шептались с Хальком... А самое главное — откуда у тебя краденые книги, которые ты настолько неосторожно подарил библиотекарю. Не верю я в случайности.

— Я собираю редкости, — угрюмо повторил Ройл. — Несколько дней назад мне предложили за бесценок приобрести несколько фолиантов... Человек намекнул, что с их помощью я сумею разговорить барона Юсдаля, который тоже очень интересуется кладом Нифлунгов.

— Что за человек, старый знакомый? — настоятельно Гленнор.

— Нет, обычный скупщик, из простецов. Изредка подбрасывает мне редкости... Проявил изрядную осведомленность.

— Имя, где живет, из какого сословия?

— Не знаю. Когда я приезжаю в Тарантию он сам меня находит. Выглядит канцелярской крысой... Разговаривает, будто мелкий служащий из ведомства канцлера. «Соблагоизвольте», да «будьте милостивы»... Тьфу!

— И все же, ваша светлость, мы ждем обстоятельный рассказ. Итак?

— Я хотел предостеречь, — пожал плечами Ройл.

Затем, не менее полуколокола маркиграф повествовал нам он Нифлунгах, Тразарихе, неведомом проклятии... Деликатно умолчал о роли Халька в этой дурацкой истории.

— Значит, легенда не соврала, — заключил прагматичный Конан. — Хальк, как там правильно, в саге?

Хальк наизусть процитировал первое, явившееся на ум:

Там был и жезл железный: кто им владеть умел,
Тот власть над целым миром в своих руках имел.
Там золотом набили все башни и подвалы,
Сокровища несметнее на свете не бывало...

— Значит, — добавил я, — среди сокровищ находились и магические артефакты. Их я первыми выброшу в Океан. Чуждому волшебству нет места в нашем мире.

В разговор вступил барон Гленнор.

— Мы установили, пусть и косвенно, что огромные сокровища Нифлунгов должны существовать. Повторяю: должны. Найдены три позднекартийские карты с указанием местонахождения и

рукописная карта исчезнувшего асира... Светлейший маркграф Ройл утверждает: сокровище проклято и пытался нас остановить посредством месьора библиотекаря. В Тарантии зашевелились — причем исключительно активно! — самые серьезные преступные сообщества, тоже уверовавшие в легенду Нифлунгов. Кстати, Ройл, Тотлант, я проверил кто такой Гарпаг, которого нанял толстый Доран — колдун Стигийского конклава, много лет скрывается неподалеку от города — вероятно, глаза и уши Черного круга и приснопамятного Тот-Амона, не к ночи будь помянут. Прислеживает за делами в Аквилонии и гадит по мелочи. За Гарпагом мы установили строжайшую слежку. Пригодится...

— Серьезные связи у вашего Дорана, — не преминул заметить я. — Если уж он может нанимать ради своих целей колдунов из Черного Круга...

— У нас связи посерьезнее... — усмехнулся Конан. — Некоторые волшебники Алой Гильдии помогают нам безвозмездно.

Хальк громко фыркнул.

— Выслушаю общее мнение, — барон Гленнор, заложив руки за спину, прошелся по комнате, — Кто за экспедицию, кто против и почему? Начнем с короля.

— Едем, — твердо сказал Конан. — А с проклятием там или чем еще — разберемся. Не впервой.

— Я в этом не участвую, — угрюмо отозвался маркграф Ройл. — Причины я изложил. Древняя магия — это вам не игрушки. А денег мне хватит до конца жизни.

— Надо быстро пополнить казну, — сказал Просперо. — Средств на организацию похода уйдет

немного, и даже если ничего не найдем — только лишь разочаруемся... И подышим свежим весенним воздухом.

— Я поеду, — коротко сказал Хальк. И выжидательно посмотрел на меня. Оставалось согласиться — в такой экспедиции наличие мага обязательно, а старый придворный волшебник Конана, Озимандия Темрийский, не вынесет тягот дороги. Темвик немедленно расплылся в улыбке — его ждало настоящее приключение!

— Замечательно, — Конан с удовольствием потер ладони. Наша победа — в скорости! В ближайшие дни охрану библиотеки и замка усилить. Обязательно охранять Евсевия Цимисского и эту старушку, Нейну, которая будет готовить для отряда дорожные карты.

— В городе объявим, что король столицу не покидал, — подбросил идею Гленнор. — Завтра ты обязательно примешь гвардейский парад на площади Эпимитриуса, а затем, во время казни помилуешь графиню Ростану...

— Это еще почему? — отпрынул Конан. — Отравительница, колдунья, собственный муж через нее злой смертью помер!

— Политика, — индифферентно отозвался барон. — родственники откупились половиной земель графини в пользу короны — хорошее графство, доходное... А так — тридцать лет заточения. К семидесяти выйдет.

— Удивляюсь я собственному человеколюбию, — сокрушенно вздохнул Конан. — Просперо, на время моего отъезда — будешь королем.

— А я — канцлером, — хихикнул Гленнор. — Обещаю воровать немного...

Вот такое у нас прекрасное королевство. Где находят мифические клады и милуют графинь-отравительниц.

* * *

Ночь прошла изумительно спокойно. Только мешали размеренные шаги гвардейской стражи, прогуливавшейся по примыкавшим к библиотеке коридорам. Слегка покаленного костоломами Дорана маркиграфа Ройла поместили неподалеку — в гостевой покой, пристроили к нему дворцового лекаря Сагаро и пожилую сиделку. Хальк полночи провел за новообретенными книгами, а мы с Темвиком решили улечься пораньше — молодому оборотню очень хотелось понаблюдать за гвардейским парадом и показательными казнями. Если у нас в Пограничье преступника лишают жизни незамысловато — банальная виселица, то у аквилонцев давно родилась пышная традиция, эдакая торжественная церемония, на которую сбегается поглазеть половина города.

...Единственное, что надоедало — охрана. Ликторы не давали ступить шага вправо-влево, прыжок на месте считали провокационным, грубо отпихивали торговок булочками и лепешками, отпихивали обижающихся горожан, стремившихся к площади Железной Башни сразу после торжественной смены караула у дворца и развода многоцветных, как дарфарские попугаи, военных. Благо нас с Темвиком снабдили особыми медными жетонами, позволяющими проходить в любую часть города и к обширной экзекуционной площади мы попали раньше основной толпы.

И я все равно чувствовал присутствие чужого мага — он следил за мной, упрямо отводя мои заклинания противодействия. Кто он? Что ему нужно? Впрочем, если не нападает — потерпеть можно. Но все равно неприятно.

Другая трудность. Я и Хальк изготовили четыре «подлинных» карты (доскуток Темвика — не в счет) и столько же подложных страниц летописей. Сколько бы не орал граф Ройл, что нашими перьями и кистями водило само провидение и лично клад, жаждущий найти сам себя, в эту чепуху верить слабо.

Три наших с Хальком шедевра обнаружены бароном Гленнором и теперь хранятся у Халька в запертом железном ящичке-тайнике. Где четвертая карта, спрятанная в военной управе? Ее никто не смог обнаружить, а без этой части плана головоломка не складывается. Следовательно Гленнора опередили. И теперь начнут резвую охоту за остальными. Колдуны, ночные воры, шантаж, подкуп — есть масса способов приобрести если не оригиналы, то хотя бы копии. Этого я и побаиваюсь. И никакая охрана Латераны не спасет. Человек слаб — нужно только знать точку, в которую бить.

Вот и громкоголосая площадь Железной Башни. Однако по сравнению со знаменитым Казематом Бельверуса тарантийская Железная башня выглядит куда более ужасающе. Тюрьма построена лет четыреста назад. Основой послужила громадная толстая башня из серого камня. Затем возводились дополнительные здания, хозяйственные постройки, дом-казарма для стражи... К началу правления Конана строения, именуемые по старинке Железной

башней, занимали территорию почти двух городских кварталов. В самой цитадели, возвышавшейся над городом, нынче содержали лишь самых привилегированных преступников — проштрафившихся дворян, заговорщиков из богатых семей... Я слышал, будто на самом верхнем этаже Башни находится камера самого кровавого и беспощадного убийцы за всю историю Аквилонии — некоего Борра из Шамара, вырезавшего по безумию несколько семей с малолетними детьми.

А перед Башней — площадь. Напротив эшафота (сегодня он украшен белой траурной парчой в честь того, что казнят дворян) — королевская дожа. С сам Конан Канах с присными расселся. Мы протолкались поближе, Хальк заметил, и приветственно замахал руками — поднимайтесь, мол, можно! Угрюмая стража пропустила.

— Сначала — барон Доро, — не уставая комментировал Хальк, указывая на появившегося на эшафоте красивого беловолосого парня в чистой рубашке и фиолетовых штанах. — С виду такой милый молодой человек, а целых четыре года разбойничал на Дороге Королей, тиранил проезжающих как мог, грабил, резал, насильничал... А, вот и герольды! Обратите внимание — казнь обставлена со всем этикетом: рубят церемониальным позолоченным мечом, плаха покрыта алым шелком...

— Ш-ш-вах! — Тихий свист огромного клинка и вот бесталанная головушка барона-разбойника покатилась в корзину. Темвик присвистнул. Тонкая работа.

Толпа одобрительно загудела.

Затем означенную процедуру прошли трое менее примечательных личностей — палач действо-

вал топором. После на эшафот вывели даму в трауре — белая шелковая стола с тюрбаном, под которым спрятали длинные волосы.

— Графиня Ростана! — возвестили герольды, — именем короля и королевского суда обвинена в злодейском истреблении...

И так далее. Когда приговор зачитали, безмолвную графиню опустили на колени к плахе и я машинально перевел взгляд на Конана.

Король брезгливо вытянул из обшлага рукава белую тряпочку и когда меч оказался вознесен, взмахнул платком.

Вопли церемониймейстера вызвали у меня в ухе зуд:

— Милость короля! Остановить казнь! Милость короля!

Несколько специально нанятых в толпе крикунов немедля воззвали, спугивая голубей

— Да здравствует король!

Площадь вяло поддержала. Такие зрелища никогда не приедаются.

И вдруг я ощутил в воздухе легкий запах тревоги. Со стороны города примчались несколько Черных Драконов, ринулись на королевское ложе, Конан вскочил, как ошпаренный, Просперо схватился за меч, а Хальк был готов упасть в обморок:

Быстро сделав «чуткое ухо» и различил: «Пожар в замке... третий этаж! Возле библиотеки!»

Времени на раздумья не было. Я схватил Темвика за шиворот и поволок вниз, к краю площади. Пришлось осваивать ремесло конокрада — мы захватили чужую двуосную повозку, я придал заклинанием ретивости рысакам и... Хорошо, улицы бы-

ли свободнее, нежели обычно — плебс не успел разойтись с площади.

Точно! Из широких окон покоев Халька и нескольких отдушин библиотеки выбивается густой, как сероватый туман, дым с редкими черными прядями. Суматошно бегают караулы, уже начали подвозить бочонки с водой, а военные передают с рук на руки полные ведра.

— Тотлант? — Позвал меня знакомый голос. — Что происходит?

— Валент? — ахнул я, не ожидая встретить здесь главу нашей гильдии. — Ты очень к месту, помоги! Эй, гвардия! Именем короля, эти двое — со мной!

Оказывается, Валент Мессантийский прибежал посмотреть на пожар. Боги, боги, только вашей милости и содействия и ждем! Если погибнет библиотека, Хальк завтра же повесится на донжоне замка. При большом стечении восторженной публики.

— Темвик, на разведку, быстро! Поведешь нас! — оборотень мгновенно понял, что то него требуется, мигом содрал одежду и перевернулся в волка. Животные чувствуют опасность от огня гораздо острее человека и способны провести наиболее безопасным путем.

Второй этаж задымлен, но не сильно. Однако Темвик решительно повернул в сторону от главной лестницы и побежал вверх. Вот и библиотечные залы. Мы с Валентом бросились закрывать отдушины, чтобы не было сквозняка. К комнатам Халька лучше было не приближаться — там полыхало вовсю, грозили обрушиться деревянные потолочные балки.

— Книги! — вопил я. Первые стеллажи начинали тлеть и разгораться. Ветерок разносил горящие листки по залам — Валент, сделай что-нибудь!

— Будет холодно, — процедил Аргосский маг, вызвал мощное заклинание и прямо под крышей дворца повалил густейший снег. На глазах появлялись сосульки. Самые сильные очаги возгорания я гасил водяными шарами, вызываемыми пряником из протекавшего под окнами Хорота.

Темвик цапнул меня зубами за балахон и потащил в сторону, в самую дымищу бокового коридора. Я пытался отбиться, но оборотень был необычайно настойчив. С трудом продирая глаза я увидел дверь. Запертую. Вот демонические силы, именно там мы расположили на отдых злосчастного маркграфа Ройла! Наверняка он уже задохнулся! И паркет горит!

— Темвик, уходи, я сам справлюсь! — взвыл я, пытаюсь выбить тяжелые створки. Дышать было почти невозможно. — А-а, пропади оно пропадом!

Я создал оранжевый огненный шар и запустил им в замок. Подлетели щепки и осколки бронзы. С той стороны — огонь и непроглядная полоса дыма. Позади ревели струи горячего пара и доносились проклятия — Валент, по мере сил боролся с огнем. Надеюсь, ему хватит магической силы, чтобы дожидаться подмоги.

Мы с Темвиком успели как раз вовремя — Ройл уже был без сознания, отравился угаром. Глаза закачены, губы синие... Я не очень высокий и сильный мужчина, и поднять высокорослого маркграфа было тяжело. Тем более, мы обязательно погибнем при возвращении — обшитый деревянными панелями коридор пылает, как один ги-

гантский факел. Только бы библиотека не слишком пострадала!

Снова выручил Темвик: взобрался на подоконник, лапой отодвинул задвижку ставни и умоляюще-приглашающе посмотрел на меня. Надо прыгать. Тем более, что уже занялись портьеры и всю тлеет ковер. Вспыхнул зеркальный столик...

Я очень боюсь высоты. Не могу себя перебороть. Но выбора нет. Или живьем сгореть в этой ревущей преисподней или....

Темвик, махнув серым хвостом прыгнул первым. Внизу, на неизмеримой глубине — холодные, спокойные воды Хорота. Рядом — множество корабликов и лодочек, вытасят. И пусть поможет мне Сет Змееног!

Три этажа огромного замка — это почти одна пятая лиги. Предки строили с тщанием, чтоб просторнее и повеличественнее. Я (мы) с грохотом рухнули в воду, я ушел глубоко под поверхность, тщетно пытаясь вспомнить заклинание, позволяющее дышать под водой, оттолкнулся ногами от каменного дна и всплыл, хватая ртом воздух. Успел заметить, как Темвик подтаскивает за ворот к лодке потерявшего сознание маркграфа Ройла...

Я задрал голову. Верхний этаж дворца был окутан сизым вонючим дымом. Возле выбитых окон сутились гвардейцы и слуги.

Надеюсь, драгоценное книгохранилище Халька пострадало не очень сильно.

* * *

— Это, действительно, война, — отсек барон Гленнор, когда мы все, включая Конана, Халька,

меня, Темвика, мага Валента, графа Кертиса, и полудесятка суровых месьюров из Латераны собрались в королевском кабинете. В замке отчетливо пованивало горелым.

Возле окна Хальк ожесточенно ругался с канцлером Публио — требовал пятьдесят переписчиков и несколько тысяч листов пергамента, чтобы восстановить утраченное при пожаре. И деньги, конечно!

Хальку повезло меньше всего. Я и Валент Аргосский в один голос твердили — это был не простой поджог. Была задействована магия. Почему? Железный ящик с картами и летописями, хранившийся у Халька расплавлен, документы восстановлению не подлежат. Ликторы Латераны, охранявшие покои тайного советника, умерли. Как? Да так, что просто взяли и перестали дышать! Шестеро молодых сильных парней не могут умереть за просто, не из-за чего. Вывод один: спланированное наглое нападение с участием знающего мага. С карт либо сняли копии, либо вынесли, устроив затем магический пожар, способный уничтожить и библиотеку и весь замок. Да в какой еще королевской резиденции мира могут безнаказанно орудовать враги, владеющие черным колдовством?!

Конан бушевал. Ярился, как пойманный лев. Грозился выпереть в позорную отставку всех и каждого. Начиная с Просперо и Гленнора, и заканчивая последним поваренком с кухни.

Дожили, королевский дворец поджигают средь бела дня! Доколе?..

...Хорошо на месте вовремя оказались два волшебника и оборотень, усмирившие чужие заклинания.

С тем Конан навесил мне и Валенту небольшие, но красивый ордена «Диск Митры» с сапфирами и аметистами, а Темвику достался «Малый Лев» за спасение месьора Ройла. Награда не бог весть какая, но приятно.

Остальным же досталось прямо противоположное. Старший по караулам был разжалован и переведен десятником в гарнизон аж в Темру, на киммерийскую границу. Боссонский полк, охранявший в это время дворец лишили гвардейского штандарта. Легат Латераны с помощниками вышвырнут с должности. Граф Кертис за небрежение отставлен от надзора за Тарантией — теперь в его ведомстве находился только замок короны. Были убраны еще полтора десятка офицеров, отвечавших за спокойствие дворца и заменены более молодыми и сообразительными.

Конан рвал и метал, а в финале не глядя подписал прошение Юсаля на предмет восстановления библиотеки и приказал Публио найти (где хочешь, понял?! Из задницы вынешь!) требуемые суммы и людей. Лично восстановлением книгохранилища займется Эйвинд, молодой и благоразумный помощник Халька. А поскольку жилые покои барона Юсаля сейчас более напоминают жерло недавно извергавшегося вулкана, господин библиотекарь и его гости переселятся в личные покои короля. Караулы утроить! Волшебника Озимандию доставить в замок для тщательного дознания! Живее, олухи!

— И мы потеряли все карты Ванских островов, — грустно заключил король. — Хальк, по памяти вспомнишь?

— Я вспомню, — проронил барон Гленнор. — Я предвидел нечто подобное и снял копии. На вся-

кий случай. И повторюсь — кто-то решил с нами повоевать. Слишком уж заманчивый куш... Но подобной наглости я не ожидал, признаться — устроить грабеж с поджогом в замке короля! Старую я что ли, в отставку пора? Расходимся месьоры. Дел неспорно.

Пока я, Хальк и Темвик, в самом удрученном расположении духа, брели к нашим новым покоям в закатной части замка, рядом с комнатами короля, Хальк сокрушался:

— Книжки сгорели, дневники... Мебель, коллекция оружия. Все погибло.

— Ничего, — успокоил я библиотекаря. — А вдруг клад и в самом деле найдется?

— Наш розыгрыш обернулся катастрофой...

— То ли еще будет, — не без оптимизма заключил Темвик. И оказался непогрешимо прав.

Второй рассказ Темвика

«Варвары со всех сторон!»

*Дороги Полуночной Аквилонии
10-15 дни Первой весенней луны 1293г.*

Всякий нормальный путник, направляющийся с Полуночи на Полдень, а равно и наоборот, немало подивился бы живописной казалькаде, двигающейся со стороны Тарантии через Галпаран и далее вдоль берега реки Громовай на Полночь. Цель — стык никем не установленных границ между Киммерией, Пиктами и Нордлингами у истока Черной реки, а далее — дорога через ничейные земли в Нордхейм.

Прибытие в городок Рагнард предполагалось через седмицу. Вернее, уже через четыре дня, ибо отряд на крупной рыси преодолел больше половины расстояния. Отдыхали мало, только до рассвета. Потом — полный день пути, с единственным привалом на обед.

Слева пикты, справа киммерийцы, впереди — нордхеймцы. Цивилизованные края Аквилонии остаются позади, на полуденном восходе. Теперь мы едем по приграничным землям провинции Темра, а завтра собираемся круто взять на Закат, вдоль Закатного Киммерийского кряжа.

В деле поиска клада самое важное — осторожность и маскировка. Посему в столице было громгласно объявлено, что светлейший король останется в городе, готовиться к празднованию пятилетия восшествия на трон. Полунамеком дали понять — никакие Нифлунги Конана не интересуют. Плевал он на эти сокровища с самой Железной башни. Причем неоднократно.

Но вот, глубокой ночью из Речных ворот Тарантии выехал удивительнейший отряд. Три десятка киммерийцев в национальных одеяниях — фейл-брекенах; столько же нордхеймцев — высоченных светловолосых варваров. Четыре телеги обоза. Объяснения просты: часть своей «дикой сотни» (особого охранного отряда, пару лет назад набранного Конаном из соотечественников и полуночных варваров) король соизволил отпустить на проверку полуночных границ государства — пикты, мол, пошаливают. Каким образом в варварский отряд затесались библиотекарь короля, стигийский маг и молодой оборотень из Пограничья, никому осталось неизвестным.

Исчезновение Конана из столицы было обставлено со строжайшей тайной — в среде посвященных были только барон Гленнор, Просперо, Хальк и командир «Дикой сотни» Бриан Майлдаф. В остальном сохранялось монархическое благочиние — штандарт государя колыхался над донжоном кре-

пости, зачитывались указы за подписью Конана, а суровые мальчишки из Латераны подогревали слухи о новых чудачествах короля, известного своими шумными развлечениями

Шесть с лишним десятков отъявленных варваров — впечатляющая сила. Первое, чего касается ручка новорожденного младенца — меч. С трех лет в седле. А вся последующая жизнь — война. Смерть для варвара без клинка в ладони — несмыслимый позор.

Но отправление к Ванским островам отряда варваров преследовало и дополнительную, более прагматичную цель. Они отлично знают местность, способны договориться с местными племенами и оказать яростное сопротивление любому недоброжелателю.

Командовал отрядом некий Коннахар Гленнах — киммериец по рождению и образу мыслей. Под этим именем скрывался лично Конан — так звали его дедушку со стороны матери. В помощниках ходили Бран из Круахана (тоже киммериец) и Торольв Клык — прозвище появилось оттого, что Торольв носил на груди треугольный зуб касатки, кита-убийцы, отполированный до синевы.

При Торольве неотлаучно находилась высоко-рослая, соломенноволосяя девица, состоявшая в отряде на полных правах — великолепная лучница, да и на мечях подраться тоже отнюдь не дура. Глаза синие, с фиолетовыми блестками, фигура — залюбуешься, одевается как мужчина и вечно ворчит, что ее колено уже покрылось мозолями от соприкосновения с буйствующей плотью товарищей по оружию. Звали решительную воительницу Тюра. Тюра Торольвсдоттир, ибо приходилась она де-

сятнику Торольву родной дочерью. Эдакая валькирия из нордхеймских саг. И дело свое знает — лучшей разведчицы в отряде нет.

А я, маленький скромный оборотень Темвик, хожу под ее началом. Конан решил в полной мере использовать мои способности. Я-то не против — мне больше нравится бегать в волчьем обличье, да и воины отряда относятся к моему умению с молчаливым уважением — ничего себе, настоящий оборотень! Все расспрашивали, как это у меня получается, и нельзя ли научиться.

Хуже всего приходилось Хальку. Поболтать, кроме Тотланта не с кем, седло — жесткое, на ночевках холодно. Пиво прокисшее, а взятое из Тарантии вино кончилось. Теперь нас ждали необжитые земли, где равно могли встретиться и шайки пиктов, и киммерийцы и вообще один Нергал знает что. На четвертый день далеко справа промелькнуло облако загадочного Ямурлака.

План был таков: добраться до Рагнарди, считавшегося самым полуночным форпостом Аквилонской торговли, нанять две нордхеймские ладьи и пуститься в путь-дороженьку, руководствуясь картами, заботливо скопированными бароном Гленнором. Отыщем клад — загрузимся, а на полуденном оконечье островов нас будут ожидать боевые корабли Аквилонии — сокодиной почтой был передан приказ капитанам триер, зимовавших в Кордаве немедленно идти на Полночь. Дальше — проще. Подняться вверх по Хороту и сгрузить богатства Нифлунгов в казну. И, конечно, не обделить наградой участников опасного похода. Потом, разумеется, громко отметить удачное окончание дела.

Хальк ни во что это не верил, но отказаться от поездки не решился. Его придумка обрела плоть и кровь. Библиотекарь решил сам досмотреть сочиненный им спектакль до конца.

...Красивая весенняя ночь. Я, расстелив возле костра потертую медвежью шкуру лежу, заложив руки за голову и созерцаю звездное небо. Краем уха слушаю байки напих асиров, которые по традиции, устроились поодаль от лагеря киммерийцев.

Вот история про Атли, он был берсерком, умел воплощаться в медведя. Это который Атли? Из Лосинового залива? Нет, другой, этот из Варангер-фьорда. А я про третьего Атли такое слыхал, не поверите...

— Темвик? — меня слегка подтолкнули в спину. Оборачиваюсь.

Тюра. Глазищи влажно сверкают. Красива, как сама Иштар. Богиня. Богиня с мечом на поясном ремне слева. И глазами бьет, как молниями. Прекрасная женщина.

— Чего стряслось? — я перевернулся на бок, обращаясь к Тюре.

Эх, Тюра, знала бы ты хоть о частице своей холодной полуночной красоты! Я невольно залюбовался ее точеным узким лицом с острым подбородком. И глазами волчицы. Как она похожа на оборотня, немыслимо!

— Нехорошо мне, — поморщившись, прошептала девушка. — Непокойно в округе.

— Пикты? — я насторожился.

— Нет, пикты обычно шумят, хотят взять на испуг. И не киммерийцы. Эти бы заметили своих. Чужаки. Слежка. Да я и днем заметила — кон-

ские следы у обочины дороги. Пробежишься? А я пока твои шмотки посторожу.

— Конану сказала?

— И Конану, и дядюшке, и Брану. Давай, не ленись. Меньше всего хочется ждать ночного нападения. А дозоры ничего не замечают.

— Чутье у тебя, — уважительно отозвался я, расстегивая крючки на куртке. — если что — свои же не подстрелят?

— Не дергайся. — лицо Тюры было хмуро-озабоченным. — Знаешь, такое чувство, будто нас не преследуют, а сопровождают... Но кто? Зачем? Сбегай, разнюхай.

Я быстро превратился. Очень. Как никогда раньше. Наверное, чувство опасности подействовало.

Хорошо быть природным оборотнем! Тюра глянула с интересом. Он без испуга — попробуй, напугай дочь асиров! Да и в человеческом обличье я не ахти — не Гуннар, какой — бугай со смазливой мордой. Я — оборотень! Каков уж есть...

Тюра глянула на волчка, согласно кивнула и выпроводила за пределы лагеря. Посмотрела вслед доброжелательно. А я сразу почуял запах Гуннара — дружка Тюры. Пришел. И пускай!

И я побежал разнюхивать. Конан не зря был уверен, что в игру вступят сразу несколько игроков.

* * *

Мне гораздо проще бегать по ночному лесу, чем по городу. Знакомые запахи, приметы, звуки. Над головой — мягкий шелест — филин, планируя

на широких крыльях охотится на мышек. Возле ручья ворочаются бобры. Кроличья нора — по запаху чувствуются пяток новорожденных крольчат. А здесь кабаны пробегали.

Лес шумит. Я отбежал от лагеря далековато, почти на лигу, но обострившееся зрение отлично различает оранжевые сполохи костров на вершинах деревьев. Человек не заметит, а зверь учует сразу.

Дорога. Это — наши следы. Пошарю по окрестным зарослям. Да, права была Тюра — чужие всадники. Пока только четверо. Рядом — следы босых ног. Киммерийцы босыми ходят редко, предпочитают чуни из твердой воловьей кожи с обмотками, чтоб по камням скакать, горным козлищам уподобляясь. Вывод один: здесь был пикт.

Придется пройтись по следу. Еще лига на закат, по руслу речушки-ручейка, в обход болотины. Больно уверенно шли наши преследователи, все время посуху, ни разу в топь не забрались. Пикт — наверняка проводник.

Есть! Нашел!

Четверо стреноженных лошадей. На переметной суме одного — клеточки с почтовыми ястребками. Костер сложен очень умело, в огромной яме от корней вывороченного ветром дерева, чтобы отблески были незаметны. Четыре человека разговаривают по-аквилонски, пятый — ну точно, пикт! В уборе из перьев и с темной кожей! — сидит на поваленной сосне и зыркает глазами по сторонам; сторожит.

Я залег с кустах густейшего ольшанника и принялся за наблюдения. Четверка аквилонцев неразговорчива — обмениваются малозначащими фраза-

ми, сетуют на неудобства дороги, проклятых варваров (наверное, нас имеют в виду) и явно ожидают пересечения аквилонской границы.

Контрабандисты? Любопытно, какую контрабанду можно везти из Аквилонии в Нордхейм?

Э, нет, тут дело посерьезнее. Я полностью обратился в слух:

— Их вырежут в долине между реками Черной и Унера. Пикты ударят с полудня, прижмут к горам и раздавят... Кряж в той стороне неприступен, через горы не уйдут, подмоги ждать не от кого.

— Как только отряд варвара пересечет верхнее течение Черной — отпуская соколов. Долину они должны пройти за два дня, наутро второго — пускай ждут сюрпризов. Налет должен быть исключительно внезапным, никто не должен уцелеть. Потом расплатимся с вождем Таржахором и займемся своим делом... Тихо, что это?

Под моей лапой шелкнула веточка. Аквилонцы схватились за арбалеты, а пикт-дозорный метнулся к ольшанику. Надо уносить ноги.

Волка в лесу не догонит и вся пиктская армия. Места здесь не охотничьи, посему угодить в ловушку шансов нет. Я попетлял по прогалинам, меж зарослей сосняка, и пользуясь нюхом безошибочно нашел стоянку наших.

Тюра, как и обещала, сидела возле моих вещей, полируя древко своего лука.

Я привстал в ожидании. Лапу поджал.

— Отвернуться? — бесстрастно спросила дочка ярла Торольва.

Я только клыки оскалил. Быстро превратился, под заинтересованным взглядом Тюры. Она только

головой качнула, языком прищелкнула. Тщательно скрывала зависть в глазах.

— Здорово. Всегда мечтала уметь изменять обличье. Ты одевайся, не тряси мудями. И получше хозяйства выдывали.

Ничего не поделаешь, варварская непринужденность. Ничего, нам привычно. Стесняться почти нечего. Только глаза у Тюры насмешливые-насмешливые.

Я покраснел и начал торопливо затягивать тесемки на штанах. Набросил безрукавку, прыгнул в сапоги, и сказал:

— Идем к Конану и Брану. Есть новости. На нас открыта охота. Боюсь, серьезная.

Конан, его десятники и Хальк с Тотлантом устроились со всеми удобствами, то есть в большом холщовом и дымном шатре. Нас с Тюрой пустили в круг, одарили братиной с можжевельной и сонмом грубых варварских запахов.

— Так я и предполагал, — проворчал Конан, выслушав мой рассказ. — Соперники начали действовать довольно грубо. И место для нападения выбрали удобное. Бран, ты что-нибудь слышал о вожде Таржахоре? Из известных?

— Кочующее племя, — сразу ответил огромный седоволосый киммериец, — иногда забираются в Киммерию, пограбить. Если другие племена оседлы и следят за контрабандными путями через Пущу в Аквилонию, то этот, скорее, изгой. Соглашается на любые авантюры. Интересно, кто его нанял?..

— Людей у Таржахора много — ядро племени — женщины с детишками и стариками — около тысячи, добавил младший брат Брана, Оргайл. —

Воинов поменьше. Но все равно сомнут. И позиция у нас аховая — справа и слева реки, за спиной непроходимые скалы, впереди — орда пиктов. Да еще и с шаманами.

— Как вспомню Зогар Сага, дрожь пробирает, — поморщился Конан. — Тотлант, справишься?

— Можно попытаться, — слабо вякнул стигиец. — пикты используют очень своеобразную магию, природную... Она похожа на волшебство оборотней.

— Отобьемся, — гулко проворчал колоритный ярл Торольв. Седые космы, борода заплетена в косичку, в плечах — косая сажень. — Эй, Тюра, скажи-ка, сумеешь незаметно пробраться отсюда на полуночный берег Унеры?

Тюра ответила гордым молчанием. Тогда старый Торольв-асир вынул из мешочка гладко оструганную дощечку, вырезал на ней несколько рун и отдал дочери.

— Дуй к Атанариху-вези, Атанарих будет знать, что делать. Одна нога здесь — другая там, третья снова здесь.

Тюра и бровью не повела. Подхватила чей-то мешок с припасами (не свой, кстати) и нырнула в темноту за шатром. Слышно было, как она ругается на коня, не дававшего спокойно распутать передние ноги. Стукнули копыта зло взвизгнувшего жеребца.

— Беспокоиться не о чем, — сказал Торольв, отвечая на немые взгляды Конана и остальных. — Если навалятся всей гурьбой раньше назначенного срока, бросаем повозки и на галопе уходим через русло Унеры. Там нас ни пикт, ни сам великан Имир не достанет.

— Караулы удвоить, — распорядился Конан. — Темвик, пока ночь — перекинься в волка, да побегай по окрестностям. Может, еще что интересное разнюхаешь. Отоспишься позже днем, в телеге.

Ну вот, опять. Вы будете пьянствовать, рассказывать интересные истории а я... А мне остается стирать лапы по сырому лесу.

Сбегаю-ка к той четверке злыдней, которых ведет пикт... Подслушивать — это так интересно!

* * *

Умный Хальк с утра поименовал наше положение «стратегически невыгодным». Итак, крупный отряд варваров на аквилонской службе продвигается по самой границе пуши и Трона Льва, направляясь к коренным Нордхеймским землям. Точнее — к ничьим. От Черной реки до берега территория спорная и для оседлой жизни мало приспособленная. Пикты — земледельцы и охотники, нордлинги — морские пираты и рыболовы.

Поселений в междуречье Черной и Унеры нет. Сплошные вересковые пустоши с редкими сосновыми рошицами. Справа по пути — стена Киммерийского кряжа. Позади — пикты, готовящие засаду. Впереди — земли народа Вези, тех самых, если верить маркграфу Ройлу, потомков Нифлунгов, сроднившихся с нордлингами. Еще дальше — Закатный океан.

Скрыться на равнине негде. С любой возвышенности мы смотримся как на ладони.

Бесспорно, шесть лучших десятков варварской гвардии Тарантии окажут серьезное сопротивление, но шестьдесят против тысячи?.. Даже я пони-

мал, дело проигрышное. А если бросить обоз, где мы везли подарки вождям поселения Рагнарди, то мы окажемся на побережье голыми и босыми.

Какая-то сволочь пытается помешать нам оказаться на побережье. И она наняла «бродячих пиктов», которым все равно, кого грабить — им без разницы. Теперь главное — хитрость и внимательность.

С утра Конан разослал вперед и по флангами четыре дозора, из самых опытных вояк. Если верить подслушанному мною разговору, нападение состоится следующим утром, неподалеку от русла Унеры. Переправились через мелководный, но бурный исток Черной реки. Тяжелее всего пришлось с повозками — пришлось разбирать, и переносить подарки и части телег не руках. Затем — снова в путь.

Очень беспокоился Тотлант — ощущал, как пиктские колдуны следят за передвижением отряда и делают мелкие гадости. То внезапный камнепад, то среди ровного поля образовывалось непроходимое болото, скрытое идилическими кустиками вереска. Появлялись и странные менгиры — установленные на камнях оскаленные кабаньи головы, изукрашенные длинными листьями красного папоротника. Незримое присутствие врага ощущалось постоянно. На одной свинячьей голове красовалась грубо сделанная медная королевская корона — намек более чем ясный.

Много спорили. Кто успел так быстро нанять пиктов-кочевников? Почему они так хорошо осведомлены о передвижении отряда? Ясно одно: без измены дело не обошлось. Или же, проклятие Нифлунгов начинает пробовать нас на прочность.

— Меня никто не остановит, — процедила сквозь зубы Конан. — Бран, Торольв — стоянку для ночевки выбрать засветло. По картам определите самый лучший и короткий путь отхода к реке Унере. Я предпочту быть трусом, но живым трусом. Чтобы драться потом.

— Главное, чтобы на том берегу Унеры нас не ждали неприятные сюрпризы, — уныло сказал Хальк. — Не нравится мне это междуречье, хоть убей не нравится.

— Вот и сидел бы дома.

Донесения сторожевых разъездов беспокойных донесений к вечеру не принесли.

* * *

Попробую немножко рассказать о нашем отряде кладоискателей.

Об истинной цели путешествия знают лишь немногие — сам Конан-Коннахар (нравится королю дедово имя, звучит красиво, раскатисто), Хальк, Тотлант, я и Бран вместе с ярлом Торольвом. Бран и Торольв — самые старшие, по человеческим меркам, почти старики — им по пятьдесят лет.

Остальные — разбитная молодежь. Младшие сыновья нордлингов, киммерийцев или темрийцев, по каким-то своим причинам ушедшие из клана или семьи. И нашедшие пристанище под крылышком аквилонского короля, уверенного, что варвары — самые надежные люди в мире. Слова «измена», «нечестность», «предательство» им попросту неизвестны. Любой, уличенный в бесчестье — умирает. Нет, его не убивают. Умирает сам, кончая с собой от стыда. Или уходит от людей, стано-

вится изгоем. Потому что нарушение впитанных с молоком матери истин не позволяет жить дальше. Разве можно существовать с несмываемым пятном на чести? А честь для варвара — дороже жизни!

Они мне нравятся, что киммерийцы, что асиры. Веселые, не дураки пошутить (не настолько по-крупному, как Хальк, конечно...), стыда не ведают ибо живут честно и стыдиться им нечего. Молоды, сильны, никакой работы не чураются — даром, что королевские воины.

Попробуй, попроси гвардейца Черных Драконов дров для костра нарубить! Воспримет как личное оскорбление и на поединок вызовет!

К Хальку и Тотланту относятся с почтительным уважением. Один книжник — ученый человек, тайны мира постигающий. А стигиец с богами знается, колдун и шаман, гадать умеет, да, как говорят, в бою за себя постоит, не хуже десятка латников.

Большинство «дикого отряда» составляли здоровенные парни лет по двадцать пять. Киммерийцы с нордлингами не ссорились, и даже завели дружбу; к единственной женщине — Тюре относились как к родной сестре и неумело приударяли, пытаясь вызывать хоть чуток расположения. Тюра же была невероятно красива и холодна как ледник знаменитого Бен-Морга. Только к Гуннару — рыжему и улыбчивому асиру лет двадцати проявляла благосклонность. Гуннар ей кувшинки дарил и занимательные саги рассказывал.

На стоянках они жили в одной палатке, а дядя Торольв только посмеивался. — выросла девка!..

Да и Гуннар — хорошего рода. И воин отличный. Доброе потомство даст.

Если сложится — к Дню середины лета свадьбу сыграем.

И ко мне — как к настоящему оборотню — Тюра расположена была. Но больше из-за дела, чем по сердечной привязанности.

Конан рассудил верно: если на Полночь отправится эдакая расфуфыренная дворянская экспедиция — бед не миновать. А тут — варвары. Да какие! Первостатейные. Нордлиги с горцами, рожи — одна страшнее другой, но идут варвары под королевским штандартом — мол, служим не кому-нибудь там, а королю самой достославной Аквилонии. Бойтесь!

Подорожные, приказы к начальникам стражи фортов, выправлены идеально. Не подкопаешься. Со всеми печатями и громкими именами на подписях. На самой главной — личный росчерк короля Конана Канах. А это имя на Полуночи многое значит. Конана уважают.

Да, но уважают-то его лишь полуденное склонов Киммерии и Эйглофиата. Для дикого пикта имя Конана ничего не значит, а король он там или нет — это его личная головная боль.

Вероятно, так и рассуждали неведомые злыдни, устроившие при помощи пиктов засаду на отряд.

* * *

Оборона — наука сложная. Своих мало — врагов много. Воспользоваться особенностями местности практически невозможно: холмистая равнина, не спрячешься.

Если мои донесения верны — нападут ранним утром, чтоб застать тепленькими. Придется с боем

отходить в сторону брода через Унеру, и, конечно, бросать вещи. Все ценное — золото, камешки, нефрит — в мешочки и на пояса. Хоть часть унести с собой.

И куда это, любопытно, ярял Торольв отправил свою боевую дочурку? Тюра не появлялась уже целые сутки.

Может, за помощью отослал? Сам Торольв и Конан, в отличие от панически настроенных Халька с Тотлантом, самодовольно ухмыляются и ничего не рассказывают.

Последний вечер. Меня опять сгоняли на разведку по окрестностям — убедиться.

Убедился, да так, что едва не схватил в бок пиктскую стрелу. Два десятка отрядов серокожих дикарей, по тридцать-сорок воинов в каждом, упорно шли по нашим следам со стороны Пуши. Маскировались, не подходили ближе, чем за лигу. Среди пиктов замечались несколько личностей в охотничьих аквилонских одеждах. Ренегаты, как выражается барон Юсдаль.

Место для ночевки выбирал сам Конан. С Восхода и Полуночи нас прикрывал огромный скальный выход, дорога на Закат была открыта, с Полуночи мы на скорую руку поставили частокол, за которым устроили арбалетчиков. Больше всего король опасался, что пикты, по своей дурной традиции, попрут напролом, окружат и не считаясь с жертвами начнут резню.

Когда начало вечереть, поступил приказ — кольчуг не снимать, оружие держать наготове.

— Темвик, ты где шляешься?

Я предстал перед королем. И у меня, и у Конана вид был уставший.

— Вот что, перевертыш, — варвар потрепал меня по волосам. — Знаю, все мы вымотались, да и ожидание это нехорошее... Тотлант ставит магические ловушки вокруг лагеря — чужой подойдет, сразу заполыхает. Пробежись по округе, а?

— Опять! — простонал я. — Все, с этого момента становлюсь королевским оборотнем. На жаловании!

— Я скажу Публио, — улыбнулся король. — Десять кесариев в седмицу, и награды. Когда заслужишь...

Конан хитро посмотрел на золотистый значок «Малого льва» коим меня одарили в Тарантии. Теперь я его никогда не снимал, даже когда превращался — орден маленький, висит на цепочке, с шеи не падает. Эртель с Велланом от зависти удавятся, когда увидят!

Разведывать оказалось нечего — пикты подходили, соединяясь в несколько крупных отрядов. Таится почти бессмысленно — ночь безлунная, а в нужный момент дикари передвигаются исключительно тихо. Слышно, как переговариваются. Гортанная, чужая речь.

Остановились в четверти лиги от нас. Пришлось вернуться.

— Ну? — вихрем налетел на меня Хальк, едва заведя. Всем своим взъерошенным видом библиотечарь говорил: вот до чего доводят невинные шутки с древними картами и сказочными сокровищами. Перережут, как цыплят. Но кто? Кто так сильно поверил в сказку о сокровищах древнего народа, что собирается истребить самого аквилонского короля, обуявшегося манией кладоискательства?

— Жаль, митрианских монахов с собой не взяли, — огрызнулся я. — Чтоб подготовить грешную душу к переходу в состояние бестелесное. Много их. Не уйдем.

— Еще как уйдем, — послышался сзади голос Конана. — Едва попробуют атаковать, прорываем кольцо и на галопе — к реке! А тысяча там пиктов, или десять тысяч... Вот помню лет семь назад на Черной реке

Королевские байки о его подвигах в отряде Троцера, сдерживавшего в те беспокойные времена наступление пиктов на пределы Аквилонии, знали все и каждый, причем в десятке разных версий.

Костры не зажигали, ждали.

Над горизонтом появился багровый краешек луны, и тотчас канул за горы. Чернота звездного неба затянулось туманной пылью высоких перистых облаков.

Вересковая равнина ждала рассвета.

Бух! Бух!.. Слепящие фонтаны света начали подниматься над холмами едва зарозовел Восход — начали действовать ловушки Тотланта.

Три разрыва, пять, двенадцать, почти пятьдесят. По вересковому полю поползли багровые огоньки — занялась сухая трава, а направленный Тотлантом ветер понес пламя на пиктское войско.

Но и дикари не зевали.

Над нашими головами, в необозримой вышине, вспухло облако алых блесков, начавших плавно опускаться вниз...

— Щиты! Щитами головы прикрывайте! — заорали самые опытные. — Пиктский огонь!

Ничего не скажешь, неприятно. На тебя падают жгучие искорки, мигом разогревающие металл

доспеха и беспокоящие незащищенных лошадей. Тотлант пытался колдовать, но его заклинания не могли противодействовать магии пиктов — слишком разные магические школы; Тотлант действует по науке, а пикты используют саму природу...

А потом началось... Десятки серокожих полезли на частокол, сбиваемые лучниками и арбалетчиками, прорвались к центру лагеря, где уже завязалась яростная рубка. Тотлант швырялся живым огнем, спину волшебника прикрывали Хальк с обнаженным мечом и тот самый рыжий Гуннар, приятель Тюры.

Я отбил направленное в горло пиктское копьё, рубанул размалеванному в белые и зеленые полосы дикарю по плечу и ринулся к своей лошади. Тем более, что над битвой уже ревел голос Конана:

— На конь! На конь всем! Клином, в прорыв!

Рассказ наблюдателя

«Атанарих-вези»

Граница Ванахейма,

15 день Первой весенней луны 1293г.

В ту пору воинственные племена народа вези обосновались в Полуденном Ванахейме. К Полуночи от них бродили ваниры-корабельщики, к полуночному закату — асиры-нордлинги; на Восходе, за горами, сидели киммерийцы, почти не выходявшие из огромной долины, образованной кольцом Киммерийских гор и Эйглофиятом. На Полдень, за Черной рекой и Унерой началась великая Аквилония, приграничные с пиктами области, густо начиненные гарнизонами. На Закате же, за Рагнарди, было море. Бесконечное и вечное. Опасное и ласковое.

Вот уже двести лет минуло с тех пор, как ушли из этих земель аквилонцы приведенные Сигибертом Завоевателем, но все еще стоят построенные умелыми руками легионеров Трона Льва крепо-

сти-бурги, пересекают страну знаменитые аквилонские дороги, мощенные камнем. И ведут они теперь не только в Тарантию, но и в Старкардгат-фьорд, и в Гиперборею.

Иной раз огрызаются на вези пикты и асиры. В ответ лязгают вези острыми зубами, и вновь воцаряется мир, и можно хозяйничать на плодородной земле, некогда отобранной аквилонцами у нордлингов, да так и брошенной на произвол судьбы.

По душе народу вези была жизнь в этих местах. Казалось, стоило сесть им в этом Полуденном Ванахейме, как тотчас же прикипели к ней душой и родиной ее назвали.

Конечно, война — войной. Есть люди, которые зачахнут, если отобрать у них возможность убивать и подвергаться смертельной опасности. Но главным все-таки была земля.

Поделили ее между собой, нарезали по числу ртов. Потом еще и рабов взяли и тоже посадили на эту землю, пусть пахут. Стали выращивать пшеницу, ячмень и просо, а для скотины нашлись в изобилии трава и овес. И вот уже иные вези обзавелись брюшком от сытной жизни, и довольство появилось на их некогда хищных лицах.

А тут, откуда ни возьмись, новая напасть — примчалась прошлым днем дочка союзного ярла, Торольва, ушедшего тремя годами раньше в услужение королю Аквилонскому.

И новости привезла преинтересные. Рассказала в подробностях, прямо-таки захлебываясь от спешки...

Поначалу, как донесли о том Атанариху, владыке народа вези (аквилонцы называли его «судьей», ибо власть имел суд вершить), поднял бровь

Атанарих и ничем более не показал, что расслышал.

Таков был собою Атанарих-рикс: ростом высок, в плечах широк, лицо имел круглое, краснел легко, больше от гнева. Смеялся он, как всякий сильный человек, громко, от души. И багровел, если долго хохотал. В изобилии увешивал себя гривнами, браслетами, застежками ванирского золота, обшивал бляшками подол рубахи — любил, чтобы блестело. Верил, что в золоте сила копится.

Ну и что теперь Атанариху делать? Бросать усадьбу? Оставлять дела важнейшие (одно из них — остатки ванирского племени с золотоносной Унеры выпереть к родичам их, на скудную Полночь)? Все побоку — и нестись спасать от злых пиктов не кого-то там, а всамделишного аквилонского короля, по каким-то своим таинственным делам собравшегося навестить город торговый Рагнарди?

Но просит о помощи человек не чужой — Торольв-асир.

С Торольвом Атанариха кровное и боевое братство единило, еще с молодости, когда вместе Гиперборею воевали.

Разве откажешь?

— Собирай дружину, — сказал Атанарих сыну и наследнику своему, Гебериху. — Другу помочь надо. Быстро.

— На ночь-то глядя? — нахмурился Геберих. Перехватил взгляд грозного отца. Смутился. Вопросил деловито: — Куда идем?

— На Унерский брод. Как думаешь, к рассвету поспеем?

— Поспеем. Против кого копья поднимаем?

— На пиктов. Торольв-ярл окружен, спасать надо. Друг все-таки. И еще... Аквилонский король с ним. Тот самый. Который из Киммерии родом. Конан, или Кайрнех, не помню точно. Вытащим из беды — аквилонец отблагодарит. Нам могучие союзники на Полудне не помешают. Поднимай, Геберих, дружину.

И загрохотала конница в ночи. Неполная тысяча кольчужников с пиками и мечами. Рядом с Атанарихом — золотоволосая девица, в кольчуге до бедра и шлеме-шишаке. Дочка Торольва. Распахнуты ворота бурга, факела языками пламени рвут. Уходит атанарихова дружина — лучшие из лучших! — к реке Унере. Пиктов бить.

Ураганом, на полном галопе, идет конница на Полуденный Восход. Камни из-под подков летят, синие искры выбивая. Мчится Атанарих старого приятеля из непредвиденной передраги вытаскивать.

А кто виноват в передраге той? Лучше не спрашивать. Знал бы Атанарих об одном аквилонском умнике, на воротах повесил бы. И, причем, не за шею.

* * *

Вот он, рассвет. Полыхает розовым и желтым. Вот и река, с неприятным именем Унера, что по-асирски значит «Холодная». А на том берегу — бьются. Да так, бьются, что залюбовался Атанарих-вези.

Пиктов — не меньше тысячи, только атакуют бестолково, пешим строем, гурьбой. Огоньки вспыхивают: видать маг работает. Плотный клин всад-

ников — с виду киммерийцев и нордлингов — яростно рвется через серое море дикарей к броду. Еще немного и конных запросто сомнут числом.

— Идем двумя отрядами, — распорядился Атанарих, на старшего сына тяжело поглядывая. — Первый, отсекает пиктов от всадников, второй ударяет дикарям в спину. Пленных не берем, рабы не нужны, да и какой из пикта раб!.. Дармоед и вор...

— У них и конница есть, — Геберих указал направо.

Точно, две или три сотни конных обитателей пущи. Скорой рысью идут на помощь своим.

— Займись, — отрубил Атанарих. — Вырезать под корень.

Геберих отмахнул своим.

Три сотни всадников вези направились к полуденной части брода. Миновали реку и темной тучей понеслись на опешивших пиктов, не ждавших, что к осаждаемым аквилонцам придет подкрепление. Да какое! Лучших конных бойцов только поискать! Вези — это вам не немедийцы какие-нибудь!

Атанарих не мудрствовал. Галопом пересек мелкую реку и направил кулак своего отряда на пехоту пиктов.

И началась дикая резня. Головной отряд вези рассек беспорядочный строй дикарей как горячий нож — масло, соединился с конниками Конана, но...

Но Пиктов было слишком много. Вооруженная заостренными кольями пехота очень опасна для конницы — калечат лошадей. Рубились яростно, не щадя. И все равно — пикты валили и валили,

не щадя жизнью. Пикт в бою страшен, даже если ранен или потерял руку — будет рвать зубами.

Отряд Конана терял людей. Оборонялись жестоко, но всадники падали, люди затаптывались копытами лошадей...

— Торольв! — возглаголюх грозно Атанарих, отыскав в гуще боя своего старого друга, — Уходим за реку! Прорвемся! Геберих задержит конных пиктов на переправе!

— Уходим... — выдохнул Торольв, — Конан, дай за нами! Собери всех в кулак, вези помогут!

— Шел бы ты со своими советами! — варвар был страшен. Давненько не попадал в эдакую жуткую переделку. Нагрудник пробит, поцарапана стрелой бровь, рука ранена... — Парни, вперед! К реке! Все лишнее — бросить, полный галоп! Быстрее! Руби, руби!..

...Темвик, решивший переждать бой в облике волка (испугался, что поделаться...) первым заметил резкое изменение на поле битвы. Сидел серенький волчок да наблюдал. С интересом.

Полуденнее, почти на берегу, всадники Гебериха рубились с конными пиктами. Сотни Атанариха постепенно отходили к броду, теснимые визжащей толпой серых дикарей. Восходящее солнце поднимало над битвенным полем легкий туман. Небо меняло цвет с оранжево-желтого на бело-голубое.

И вдруг земля дрогнула. Тяжко.

Темвик, устроившийся возле скал, в небольшом ущелье, откуда открывался прекрасный обзор, вздрогнул, поднял острые уши и удивленно заворчал.

Из дальней ложбины, со стороны Черной реки, шел огромный отряд тяжеловооруженных рыца-

рей-кнехтов. Сверкающие кирасы, вымпелы на копьях, шлемы с плюмажами, яркие попоны на боевых конях, оружие мерцает под молодым солнцем.

Но над скакавшими впереди предводителями-командирами нет никаких знамен, способных отличить род дворянина. Только ярко-синее полотнище без изображений!

Что происходит? Это враг или союзник?

Союзник!

Да какой!

Стальной наконечник рыцарской конницы («А их довольно много, сотен шесть-семь...» — рассудил Темвик) ударил по пиктам, начав рассеивать плотную орду и отвлекая дикарей от сотен Атанариха. Тяжелые кнехты Аквилонии гонялись за пиктами, перепуганными внезапным нашествием грозного врага, будто коршуны, за цыплятами. В это время отряд Конана и большая часть кольчужников Атанариха уже переходила реку.

Побоище, истинное побоище! Обезумевшие пикты разбегались кто куда, даже не пытаясь поставить правильную оборону — конница немногое может сделать против строя пеших копейщиков! Воины Гебериха с гиканием устроили охоту, насаживая на копья сразу по два-три пикта. Рыцари оказались более сдержаны — деловито добивали остатки сопротивлявшихся дикарей.

И новая странность: когда победа была полностью одержана, а противники-дикари разбежались или оказались перебиты, рыцари под лазоревым знаменем сбились в клин и быстро ушли в лошину из которой появились.

Будто и не было их. Исчезли. Напрочь.

Только следы подков на мокром поле остались, как призраки...

Темвик ничего не понял. И никто не понял. Войско Атанариха наблюдало за исчезновением тяжелой конницы с полуночного берега Унеры. Рыцари быстро уходили в сторону аквилонской границы. Подхватывали на седла раненых.

На поле остались только мертвые и побитые железом — пикты, вези и аквилонцы Конана.

— Ничего себе... — почесал в затылке аквилонский король. — Как в сказке. Торольв, что это было?

— Не знаю, — помотал головой старый ярл. — Сам дивлюсь. Так, надо бы отправить на другой берег два-три десятка наших, подобрать раненых. И обоз привезти. Вроде повозки не пострадали. Тюра, займись!

— Займусь, — запросто кивнула воительница. — Эй, Гуннар, собери своих парней, поехали посмотрим, что мы там наворотили.

Рыжий, улыбчивый Гуннар понесся выполнять приказ. Всадник в лучах утреннего светила — как золотоволосый бог. И смеется чему-то своему.

Ярл Торольв повернулся к Атанариху. Поклонился глубоко.

— Старый брат, благодарю за помощь.

— Ты сделал бы для меня то же самое. А теперь скажи, что это за варвар-киммериец в изодранном фейл-брекене? Вон тот, длинный, с золотой цепью на груди?

— Конан, из рода Канах. Король Аквилонии. Собственнолично.

Атанарих смерил оценивающим взглядом открытого своей и чужой кровью варвара, кивнул и протянул руку:

— Хорошо бьешься, Конан Канах. Уважаю таких. Как насчет проехаться до моего бурга да отметить славную победу?

Конан улыбнулся, и кивнул.

— Дело хорошее, Атанарих-рикс. Давно хотел познакомиться с народом вези.

— Вот и порешили, — заключил Атанарих, посмеявшись в бороду. — Да только один вопрос меня беспокоит: что за латники нам на помощь пришли? Твои?

— Нет, — решительно отрезал Конан, озадаченно нахмурившись. — Вот уж действительно загадка. Кто, откуда? Может, Просперо озаботился?.. Вряд ли.

Нет, великий герцог Просперо Пуантенский не озаботился. Своих забот больше головы. Аквилонию, великую страну, за собой надо вести от руки короля. А король сам о себе позаботится. Не ребенок.

Помогли чужие. Но кто?

* * *

Бург у Атанариха оказался знатный — не меньше сотни жилищ. Строения деревянные, крепкие, тыном обнесены: во время ванирского набега в крепости отсидеться можно и скот от угона уберечь. В бурге дружина обитает: те кто семейные — по своим домам, неженатая молодежь — в «мужском доме», наподобие казармы. Благочиние блюдется — вот, пожалуйста, прямоком перед домом Атанариха истукан лупоглазый торчит, морда кровью и медом вымазана: кушал Доннар.

Вези, они хоть и подревнее других нордлингов происхождением будут, еще кхарийцам служили, все же переняли у пришельцев-хайборийцев их веру. Вот и опекают племя Имир, да Доннар с Бальдуrom. И еще всякие другие боги, помельче да послабее. Много на Полуночи разных богов.

Весь бург дружину встретить вышел: победу одержали нежданную, скорую, малой кровью, а что пленных и добычи не взяли — не беда, в другой раз. А сам Атанарих друзей привел, да каких! Торольва-ярла, а с ним великого рикса Аквилонии, Конана из рода Канах! Когда в бургe атанариховом такие знатные гости бывали? Да никогда! Радость!

Конана сотоварищи в дружинном доме разместили — почет! Возле самого Атанариха жить будет, пить-есть со стола великого рикса. С Атанарихом одну золотую чашу делить!

А в отряде Конана потери были. Тяжкие, невосполнимые, лучшая, самая ретивая молодежь полегла. Не превратились волчата в волков...

Семнадцать убитыми, полтора десятка раненых.

Мертвых убрали к огненному погребению, своими же вышитыми плащами прикрыли красиво, шлемами-шишаками головы облекли, клинки в мертвые ладони вложили.

И тем же вечером сожгли погибших по старому нордхеймскому обычаю — на сосновых бревнах, за бургом. Там потом вези курган поднимут. В память наследникам.

Зачем после погребения горевать? Кому от слез лучше будет? Посему вечером — пир у Атанариха. Себя показать, да с гостюшками поразнакомить-

ся. Больше всего вези Тотланта уважали — шаман, колдун, это почти как военный вождь. Только не воинами командует, а миром незримым, тем, где духи правят. Тотланта одновременно и побаивались, и интерес к стигийцу неподдельно-детский проявляли. Лучшего пива подносили. Хмур был Тотлант-стигиец. Улыбался натужно. Знал, в какую переделку попал не по своей вине.

Только одному Хальку было совсем плохо. Он уже понял, какое густое варево заварил — вот тебе, господин библиотекарь, милая невинная шуточка: треть королевского отряда перебили, а не приди на помощь вези Атанариха и те странные латники, как появившиеся, так и сгинувшие в неведомые дали, быть бы Хальку сейчас пищей для ворон. И всем прочим — тоже. Но ведь вывернулись! Опять судьба оказалась на стороне Конана!

Итак, что мы имеем с гуся? Опасные земли пиктов прошли без особых (гм...) тягот. Оказались в гостях у тех самых Нифлунгов, коим сказочное сокровище по закону и принадлежит. А то, что никакие они теперь не Нифлунги, а природные вези — дело десятое. Далее: на отряд ведется охота, причем охота самая решительная. Конкуренты, небось... Много нехорошего за последние дни случилось: пожар в замке, едва Халька смысла жизни — великой библиотеки! — не лишивший, откровения маркграфа Ройла (последний вообще предпочел остаться в Тарантии, даже слышать ни о каких кладах не пожелал), маг из Черного Круга какой-то образовался... А уж сегодняшние рыцари-спасители вообще ни в какие логические размышления не влезают, по причине полнейшей их таинственности и загадочности.

Так и живем.

Только за пиршество сели, братины разнесли да кабанину чесноком щедро наштигованную нарежали, дружинные вдруг пикта приволокли.

На полуночный берег Унеры пробрался, гад. Соглядатайствовал, не иначе.

Допросил пикта Атанарих. При всех, при гостях и дружинных. И выяснилось презабавнейшее: там, за берегом несколько аквилонских отрядов рыщут. Тех, которые пиктов вождя Таржахора на легкую добычу навели — давно след простыл, не опомнились от такого быстрого поражения. А сам Таржахор проклял и аквилонцев, и злые придумки их, да побыстрее откочевал с остатками племени на Полдень, ближе к Пуще. Только дозоры оставил, мало ли каких бедствий теперь ждать надо — неспокойствие на Полуночи завелось.

— Вышвырнуть за ворота, да пинков надавать, чтоб к бургу впредь не совался, — добродушно распорядился Атанарих. — Страже в четыре глаза смотреть! Уж и не знаю, каких теперь гостей ждать. Один ярл, другой король, да не какой-нибудь, а аквилонский... Пшел вон, серокожая зараза!

Пикт обрадованный бросился руки Атанариху целовать. Владыка!.. Милостивец!..

Атанарих руки одернул. Нечего меня, военного вождя, слюнями мазать.

* * *

После пира все заинтересованные стороны в отведенном Конану покое собрались. Сам Конан, его разлюбезный советничек — Хальк Юсдаль, пройдошливый книжный червь, Тотлант, Темвик и

десятники. Тюру тоже позвали, но она с Гуннаром на озера ушла гулять, надо полагать на поиски папоротниковых цветов.

Обсуждали, что делать дальше. Живых и здоровых в отряде осталось двадцать восемь человек. Раненых придется оставлять у Атанариха, самим же — быстро ехать к Рагнарди, нанимать корабль. И странности эти, то с пиктами, то с конницей аквилонской, королю покой не давали. Тотлант, что ни день, жалуется на незримое присутствие чужого колдуна — следит, вроде. Очень уж большая игра затеялась.

Верную мысль подал именно Тотлант:

— Давайте все расскажем Атанариху. Человек он хороший, а если клад отыщем — и ему доля достанется, по праву наследования.

Хальк скептически ухмыльнулся, но этого никто не заметил.

— Дело говоришь, — согласился Торольв. — Нас мало, а под такое дело Атанарих сотню мечей нам одолжит. Воины-то какие — зависть берет! И не очень улыбается мне бродить по Нордхейму малым числом... Те, кто с пиктами сговорился, на этом не остановятся. Мало ли в Ванахейме горячих головушек, которые за серебро родную мать в колодеце утопят и еще приплаты потребуют?

Позвали Атанариха. Пришел, гордый, краснолицый и пьяный. Вникал долго.

Вник.

— Дело, — сказал Атанарих, посмурнев. Пальцами крепкими по столешнице забарабанил. — Мы род свой забыли, легенды сказами глупыми начали посчитать. Геберих?

— Что, отец?

— Пойдешь золото предков искать? Вместе с Конаном Киммерийцем и присными его?

— Не знаю... Но я не боюсь попытаться!

Так и было решено. Попытаться никто не боялся. Кроме Халька, Тотланта и немножко Темвика. Темвик не боялся — он просто не хотел покидать бург. Тем более, что он искренне, по-детски влюбился в Тюру.

Тюра же ходила с красавцем Гуннаром, смотрела в его сурово-прекрасные серые глаза, и не подозревала, что по ней вздыхает худощавый полукровка-оборотень.

А Гуннар погиб через день. Глупо. Глупее не придумать — судьба в чистом виде.

За сутки до выхода отряда из бурга Атанариха, ржий, красивый, сильный Гуннар напоролся грудью на острый рог случайно взбрыкнувшей обычной домашней коровы. По пьяни умиротворял рассерженное животное — с пивом погорячился, удаль показать хотел. Показал. Богам показал, не людям.

Спасти Гуннара не удалось даже искушенному в лекарской магии Тотланту. Рог пробил сердце и главную жилу.

Корову убивать не стали — она не виновата. Ушла черно-белая буренка на пастбище. И острый рог в бурой крови. Нет вины за неразумным зверем. Виною тому — никому не нужная глупая удаль, коей нордлинги так хвалиться любят.

Когда Гуннар умирал, кровавой розовой пеной исходя, заботливая рука Тюры вложила в холодеющую ладонь неслучившегося жениха косяную рукоять закругленного нордхеймского клинка. Гун-

нар будет пировать в чертогах героев. Вместе с предками.

За стеной сидел Темвик и пытался не плакать.

Когда черная лицом Тюра вышла в сени, Темвик встал, подошел, взял за руку и сказал:

— Пойдем, одну вещь покажу. Не пожалеешь.

И она пошла. Не потому, что хотелось, а потому, что Гуннар ушел. Навсегда. А теперь Тюре все равно.

* * *

Что для женщины-варварки ценнее всего в мужчине? Сила, чтоб заштитить мог и врага прогнать. Удачливость, ибо без удачи и дом хороший не выстроишь и жить в том доме худо будет. Расчетливость — чтоб семья не голодала (а у варваров детишек помногу рождалось, часто больше десятка). И природная красота, само собой — недаром в сагах даже зловредных богов и героев-неудачников «красавцами» именуют. Тразарих-Нифлунг, рассказывают, так красив был, что даже с богиней путался. И не с одной, кстати.

Есть возле бурга Атанариха озеро. Длинное, будто рыба. Сначала бор сосновый, потом долгая песчаная полоса. И камыши у воды.

Конан Канах стоял на песчаной сопке и смотрел в ночную звездную полутьму. Видел силуэт Тюры сидевшей на галечном всхолмике. И видел, как вокруг девушки вертится-выворачивается молодой волчок, с полосой черной шерсти на спине.

Развеселить пытается... Вертится, себя за хвост пытается ухватить, на свирепую-горестную Тюру насакивает, будто щенок.

— Влюбился, что ли? — буркнул Конан так, чтобы расслышали стоявшие рядом Хальк и Тотлант. — Темвику нельзя — он оборотень.

— Верно, — с грустью согласился стигиец. — Подруг среди людей у оборотней может быть сколько угодно, а вот жениться? Темвика выгонят из рода. Если не переболеет.

— Наверное, ему просто жалко Тюру, — добавил Хальк. — И он хочет по своему ее утешить. Оборотни вообще очень чувствительны к чужому горю. А Гуннар... Такая нелепая смерть! И такая... такая...

— Позорная? — резко обернулся Конан. — Не нам судить о решениях богов. Смерть есть смерть, от кого бы ты ее не принял, от короля или... коро-вы. Поглядите, они дальше пошли!

Тюра встала, положила руку на холку волчка и медленно побрела вдоль берега.

— Раны на женском сердце затягиваются быстро, — нехстати вставил Хальк, наблюдая за необычной парочкой. — Да и Темвик парень вполне ничего...

— Идем в бург, — сплюнул Конан. Завтра выезжать рано. И с Геберихом следовало бы поговорить... Послезавтра надо быть в Рагнарди.

Финал части первой

«Рагнарди»

*Поселение Рагнарди, побережье Океана,
18 день Первой весенней луны 1293г.*

Рагнарди — почти настоящий город, хотя местные, в след традициям именуют его «бургом». А имя он получил по реке, в устье которой и было поставлено укрепленное городище — Рагнаре, текущей с полуночного восхода, от Гиперборейского кряжа. Живут в Рагнарди самые разные люди. В большинстве — нордлинги, вези, гиперборейцы, аквилонцы, содержавшие здесь торговые дома и купеческие фактории — скупали у нордлингов китовый жир, шкуры, меха пушных животных и моржовые клыки. Взамен поставляли ткани, изделия аквилонских ремесленников и самое важное — красные сладкие вина, отлично согревающее на полуночных морозах...

Рагнарди не принадлежит никому — свободный город. Все дела решает совет старейшин родов и

глав купеческих предприятий. Тут находят укрытия от ледяного дуновения зимы дружины «сэконунгов» — морских воителей, промышляющих только грабежом по берегам материка. У сэконунгов с городом договор: мы не грабим, ведем себя по-варварски тихо, в случае нападения — защитим, а уж вы обеспечьте нам питание на зиму, ремонт лодей-драконов и мирную зимовку. Самые ушлые аквилонские купцы, даже нанимали морские дружины нордлингов ради охраны своих кораблей с товарами. Лучших воителей не найти — нордлинги побивали даже флоты Зингары и Аргоса, а вдобавок, люди они по своему честные, от данного однажды слова не отказываются.

Конан оглядывал город с вершины холма, через который вела старая мощеная дорога. Очень мрачный Хальк, отягощенный сумами с пергаментами и еще более хмурый Тотлант стояли рядом с королем. Бран, Геберих и Торольв держались поодаль. Ждали приказа.

Сотни дымков. Есть и «дымы тревоги» — вон по четырем углам тына поднимаются струйки красного дыма, значит дозорные приметили явившийся к городу отряд.

А отряд большой. Почти три десятка аквилонцев, в варварском обличье, да шесть дюжин Гебериха, отосланные Атанарихом в помощь королю Конану. Атанарих — себе на уме: будут сокровища, обогатимся, не будет — Геберих в первый самостоятельный поход сходит, людей своих проверит на прочность. Да и если Торольв-ярл, старый кровник, попросил? Как тут откажешь?!

— Знамя! — коротко приказал Конан Канах. — Пусть видят, что за гости прибыли.

Хальк, которому досталось быть хранителем королевского штандарта, вынул из особой сумочки ало-золотое полотнище и кивком позвал Темвика. Тут же оказалась и Тюра — прогулки под луной не прошли даром. Взгромоздили на древко старинный символ Аквилонии: золотой лев на задних лапах и пятизубой короне (по числу великих герцогств), знамя полыхнуло на ветру живым огнем.

Рядом поднялся штандарт Атанариха: в белом поле — черный орел в круге Мирового Змея. И маленькое войско начало медленно спускаться в долину. Темной мирной змеей.

Дело известное: если пришельцы идут под знаменами, недружелюбных намерений не проявляют — городу надо отправить послов. Кто такие, откуда, зачем? Рядом с посланниками — бородатые и кольчужные вожди морских дружин с охраной из ретивой и войнолюбивой молодежи. А вдруг — враги? Вдруг нападут?

Встретили у самых ворот Рагнарди. Аквилонцы-купцы с недоумением таращились на королевский штандарт. Откуда здесь, в нашей дыре, личную персоною светлейший король образовался? Вези и асиры бороды гордо топорщили, но неуважения не проявляли — гости прибыли!

И настал час Халька. Он всегда у Конана вместо герольда выступал. Выехал к посланникам совета Рагнарди, плащ на груди расправил, чтоб драгоценный орден видно было, изъял из чеканных бронзовых тубусов торжественные пергаменты, и возгласил, да так, что вороны по сторонам шарахнулись:

— Государь и король всей Аквилонии, великий герцог Пуантенский, Танасульский и Боссонский,

владелец Таурана, Гандерланда и Атрены, также и господин всех земель Заката и Полуночи, Конан I Канах! И с ними доблестнейший Геберих, сын великого рикса Атанариха народа вези — с охранной дружиной! Пожелания мира и счастья Рагнарди-бургу! С подарками и прошением о помощи!

Самому главному, тому что более сед и роскошнее одет, подвели коня в богатейшей сбруе. Ох, какой подарок! Прочих затем оделят — хорошо, обоз сохранили от пиктских заграбульных лап!

— Королю Аквилонии — наше почтение и приветствие, — поклонился седовласый, передав узду дареной лошади помощнику. — И славному Гебериху, сыну Атанариха. Не буду вопрошать сразу, зачем вы пришли в Рагнарди. О делах — только при застолье. Пришли с миром — и мир в нашем доме вы получите.

И крикнул громко:

— Пропустить в город высоких гостей! Почет и уважение от каждого! Глядите у меня!

На высоком холме стоит Рагнарди. За спиной — равнина, впереди — Океан. В гавани до трех десятков лодей стоят, что аквилонских, что норд-хеймских, с парусами полосатыми.

Конана со свитой в доме богатейшего купца разместили — ужасался купец. Король привел не рыцарей, не гвардию, а варваров. Дом новый, только построили, а тут — нашествие! Да какое!

Слуги во дворце от потрясения оправились, по-лы начали мыть, обглоданные кости из углов начали выгребать — варвары себя аккуратностью не утруждали, ели, как привыкли, а что аквилонские купцы собак у себя не держат, которые бы эти кости грызли, так то не их, варваров, головная боль.

Конан этим же вечером ушел в гавань — корабль себе подходящий искать. И чтоб быстрый, и чтоб груза много взял. С капитанами много разговаривал. Ярл Торольв рядом стоял, нужные слова подсказывая.

Хальк с Тотлантом устроились в дальнем углу, пили медовуху и решали, как выпутаться из созданной ими самими авантюры. Хальк начал понимать, что не всякая шутка оборачивается всеобщим смехом. Тотлант снова пытался убедить Халька рассказать все королю — бесполезно. Библиотекарь уперся рогом в стену, да и не давали покоя Хальку рассказы маркиграфа Ройла. Не врал, маркиграф, ой не врал! Клад существует!

Тотлант предчувствовал недоброе, но до поры молчал. Не в его обычаях было трепать всем и каждому о своих мыслях.

Молодой Геберих пошел в аквилонскую таверну. Пива премного испил. За здоровье отца могучего, Атанариха-вези, бочонок черного оля опустошил. Подрался, победил в кулачном бою. Потом с нордлингами-дружинниками на дворе потешный бой устроил на ножах — не до смерти, а до первой крови. Все довольны остались. Засим Геберих нашел пышногрудую и ласковую красавицу из служанок таверны. Оба ушли наверх и не проявлялись до рассвета. Дружина добродушно посмеивалась. Вождю ласка всегда нужна. Чтоб впредь бился лучше.

Тюра и Темвик вместе ходили по океанскому берегу, любясь на синие пятна плавающих льдин, уходивших по течению на Полдень и разглядывали темные полосочки видневшихся вдалеке Ванских островов. Темвик жутко стеснялся — и боял-

ся разбередить горе своей новой подруги, и никак не мог сказать Тюре, что Гуннар-то ушел, а в мире живет много других людей. И оборотней в том числе. Тюре нравились необычные способности нового приятеля, но... Тюра — это только Тюра. Хороший друг, но без любви, которая вся исчерпалась с нелепой смертью ее давнего друга. Темвик же просто хотел помочь...

* * *

А сокровища Нифлунгов ждали своего обладателя... Очень сильно ждали, до изнеможения.

И сам король Конан ждал увидеть клад древнего народа. По договоренности с конунгом Хрерком, который согласился идти на Ванские острова с пятью своими лодьями, Конан Канах должен был выйти в море через три дня. С ратниками из Тарантии и дружиной Гебериха.

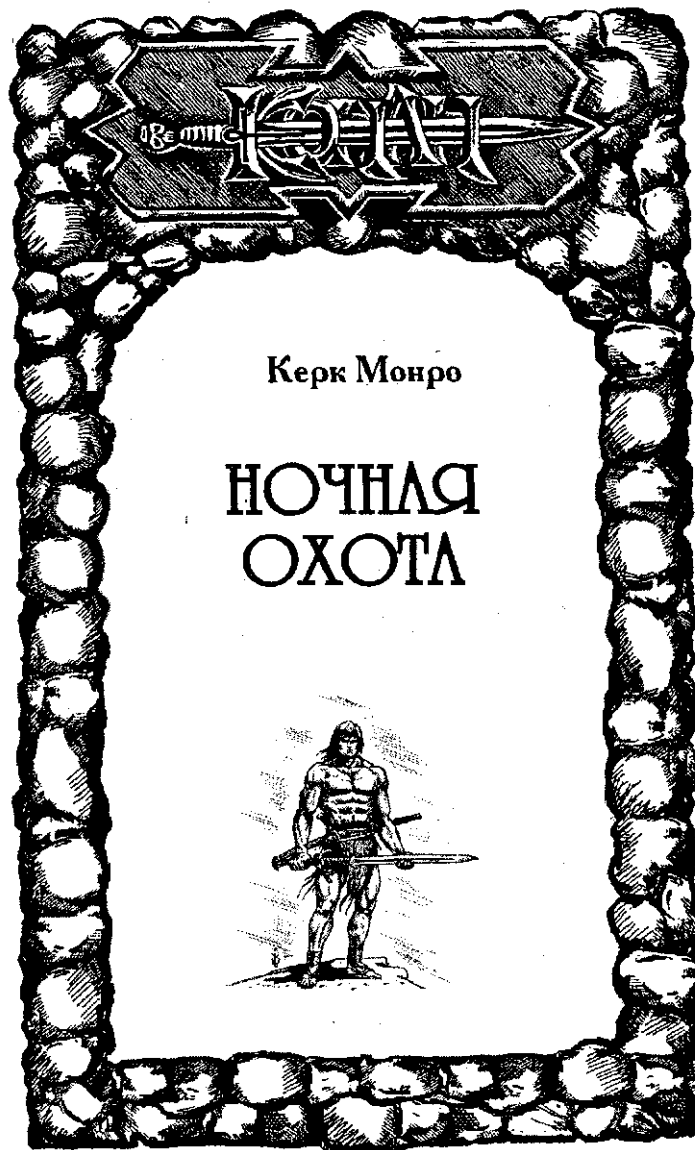
Мир ждал необычного.

* * *

Через мелкую реку, именовавшуюся Унерой, глубокой ночью перешли несколько рыцарских десятков. Прошли мимо насторожившегося бурга Атанариха-рикса. Мелькнуло ярко-синее знамя без всяких символов.

Только на роскошном перстне командира хитро улыбалась мышиная ушастая голова.

Этих людей клад Нифлунгов не ждал. Они были для него смертельно опасны...

Глава первая,

*в которой Конан Канах отдыхает,
размышляет о дальнейшем пути,
празднует летнее Солнцестояние и случайно
знакомится с очень хорошими людьми*

*День середины лета 1285 года
по основанию Аквилонии.
Бритуния, герцогство Райдор.*

Да, праздник — это замечательно! Особенно, если данный праздник отмечают в каждом государстве Заката, начиная от далеких пределов побережного Нордхейма и заканчивая прилепившейся к рассекающему материк Кезанкийскому хребту Бритунией — страной, как уверяют опытные путешественники, жутко нецивилизованной, дикой и даже немножко варварской.

Помнят о торжестве все и каждый: блистательные аквилонские дворяне, бородачи-пираты Асгарда, офирские купцы и золотодобытчики, земледельцы дремучего Пограничья, благородные кнехты и попрошайки, наемники и служанки в тавернах, жрецы Митры и волшебники, короли и про-

стецы. Почему? Потому, что спокон веку праздник Летнего Солнцестояния, когда светило поднимается в высшую точку зенита, а световой день продолжается едва ли не полные сутки, был почитаем еще во времена, когда и человека-то на свете не существовало, а миром правили твари неведомые, таинственные и ныне сгинувшие: альбы, дверги, О'Ши или, к примеру, совсем уж сказочные Кромара (о последних известно только то, что Кромара существовали, и ничего более!).

Середина Лета — праздник торжества жизни. День Митры, как еще именуется Солнцестояние, посвящен не только Солнечному божеству, почитаемому неисчислимой ордой последователей самого распространенного на Закате культа, но и вечному бытию, зародившемуся по воле богов, непрестанной преемственности жизни и просто обыкновенному человеческому счастью. Частенько бывало, что на Середину лета останавливались войны, мирились самые заклятые враги, женщины начинали здоровых и крепких детей, которых отмечало благословение Солнца, клинки возвращались в ножны, а пиво сваренное в ночь на праздник Митры не прокисло целый год.

Если в торжественной Аквилонии, живущей под слабовольной дланью короля Нумедидеса из династии Эпимитриев, на Солнцестояние устраиваются парады гвардии, гуляния народа за счет казны и представления лицедеев, а сам праздник отмечен налетом державной торжественности, то в простецкой Бритунии дело происходит куда проще. В столице, многолюдной Пайрогии, громяхают флейты и барабаны, вывешиваются знамена, престарелый государь Эльдаран принимает подарки

от дворянства и сам одаривает подданных мелким серебром из тощей казны, а вот в забытой провинции веселье обставлено несколько по другому.

...Конан из клана Канах, милостью всех богов и демонов вольный человек, до прошлой весны полагавшийся государственной управой Зингарской монархии «королевским корсаром с патентом его величества» отмечал Солнцестояние за тысячи лиг от Золотого Побережья, в немыслимой глухомани, гордо именовавшейся герцогством Райдор.

Однако, Конану в Райдоре нравилось. Было в здешней простоте нечто, напоминавшее тридцатипятилетнему, много повидавшему бродяге, его раннюю юность, шум ветра в пушистых кронах киммерийских сосен, запах козлиного молока и теплые, сильные руки отца.

Если вы полагаете, что в «варварской» Киммерии не отмечают Середину лета, то весьма глубоко заблуждаетесь. Во-первых, Киммерия не более варварская страна, чем Нордхейм или та же самая Бритуния. Никто не спорит, народ в Киммерии обитает странноватый, необщительный, а мужчины одеваются непривычно на «цивилизованный» взгляд — взять хотя бы фейл-брекены, излюбленное облачение киммерийских горцев в виде намотанного на чресла длиннущего клетчатого пледа. Впрочем, у каждого народа свои причуды. Во-вторых, если в Киммерии нет короля и существует всего одна дорога — торговый путь на Аквилонию — это еще не признак дикости и варварства. В-третьих, среди потомков многочисленных горских кланов вы встретите не только ярых почитателей Крома, но и митрианцев, и иштарийцев и даже людей, кладущих требы Белу-Обманщику:

Киммерия отнюдь не является страной, напроочь отрезанной от большого мира, а проповедники известных культов частенько наведываются за горы, дабы обрести новых последователей из числа простодушных варваров.

За двадцать с лишним лет путешествий по Хайбории, Конан Канах научился чтить всех богов, исключая даже Сета Змеенога. Сета можно не любить, но уважать его — обязательно! Бог — это мощь, с которой смертному не совладать. Нет, разумеется, совладать (при очень большом желании) можно и со Змееногом, однако не мечом, не копьем и не кинжалом, а силой собственного разума: известно, что люди частенько бывают хитрее и пронырливее своих незримых покровителей, растерявших за долгие тысячелетия жизни За Гранью Мира часть изначальных способностей.

Бел-Обманщик, единственный, кроме Иштар, бог, живущий среди людей в телесном воплощении, однажды говорил Конану, будто у прочих его сородичей из божественной братии «мозги жиром заплыли» и во многом оказался прав.

Не надо удивляться: Конан, лет двадцать тому, действительно раззнакомился с Белом (точнее, с его аватарой-воплощением), каковой Бел отнесся к совсем юному тогда варвару с редкой снисходительностью и дружелюбием, будто почувствовал в молодом киммерийце верного почитателя и последователя. Конан вообще со многими интересными людьми и не-людьми знаком. Начиная от помянутого Бела и заканчивая принцессой Зингары Чабелой (королевская дочка, вообразите, даже умудрилась в варвара влюбиться!) или, например, знаменитой государыней Хаурана Тарамис, у которой

Конан служил в дворцовой гвардии. Как сплетничали при дворе, киммериец не только ограждал госпожу от многообразных опасностей, но и был своего рода «ночным королем». Наверняка это бесстыдные враки, а истину знают только сами Конан и королева Тарамис.

Но вот сейчас, сегодня, в вечер перед праздником Солнца, Конан Канах сидел совершенно один в большой зале таверны «У трех мечей», пил замечательное темное пиво, скучал и ничуть не радовался грядущему торжеству. Предполагалось, что на Солнцестояние надо кутить всю ночь, радоваться жизни с друзьями и подругами, и вообще быть счастливым.

Поскольку ни друзей, ни подруг у Конана в Райдорском герцогстве не имелось, варвар глушил себе бархатный ячменный напиток, и вяло размышлял, как бы развлечься. Ничего путного на ум пока не приходило.

* * *

Райдор — не столько город, сколько огромная деревня, расположившаяся у подножия крутого холма, венчаемого герцогским замком. Сразу за деревянным тыном течет-бурлит река,носящая простенькое имя «Быстротечная» и поднимает кроны густой хвойный лес, тянущийся далеко на Полдень и Полночь.

Поселение, оберегаемое скромной крепостью необычной пятиугольной формы, населено от силы двумя тысячами людей, занимающихся ремеслами, торговлей и охотой — зверья в округе водится великое и непуганое множество, продажа мехов при-

носит казне герцогов исправный доход, а райдорские охотники славятся на всю Бритунию меткостью и выносливостью: попробуй-ка несколько дней гоняться по чащобам за редкостным серым медведем, чья шкура ценится почти как горностаевая, а затем умудрись прикончить огромную зверюгу с одного арбалетного выстрела, попав точнехонько в глазницу!

Заодно можно припомнить, что герцоги Райдора держат несколько серебряных рудников на склонах Кезанкии и Граскааля, успешно торгуют отличным лесом, вывозят на Полдень редкие минералы, добываемые в горах, и вообще ведут жизнь непринужденную, а по дворянским меркам — весьма простецкую.

Говорят, будто не существует глухомани страшней Пограничного королевства, расположенного вроде бы как рядом с великолепной Немедией, но, одновременно, ужасно далеко. Неправда, есть такая глухомань! Называется она герцогством Райдор.

Чтобы добраться до сих чащобных пределов, путнику, направляющемуся с Полуденного Побережья в Бритунию, следует миновать Аргос, обойти Карпашские горы через Офир и Коринфию, проехать мимо восходных графств Немедии, затем выехать в коренную Бритунию, а далее через Пайрогию и Чарнину выйти на немощенный тракт. Двести лиг на Полночь от столицы, и вот, вашим ясным очам являет себя герцогов замок и россыпь деревянных бревенчатых домов, обнесенных высоким тыном.

Словом, Райдор находится на стыке Рубежей Пограничья, Гипербореи (впрочем, чтобы добраться

ся до Халог, вам следует пересечь абсолютно непроходимый в этих местах Граскаальский кряж) и Бритунии. Герцогство как бы заперто в углу двух сходящихся горных хребтов, а от главных областей королевства отделено густейшим лесом и пространствами торфяных болот, начинающихся в полусотне лигах полуденнее. Дыра дырой. Но люди в Райдоре живут хорошие, основательные и честные, как всегда и бывает в патриархальной провинции. Между прочим, в маленькой столице герцогства нет тюрьмы, а это о многом говорит.

Конан очутился в Райдоре не столько по собственной доброй воле, сколько по договоренности с начальником охраны купеческого каравана, шедшего сюда из Немедии — везли драгоценные ткани и золотые изделия к герцогскому двору. Известно, что за меру золота, редкого в Бритунии, райдорцы отдадут семь мер серебра — выгодный обмен.

Киммериец, с тяжким вздохом, принял предложение купцов: явное понижение в звании! Опуститься с высокой ступеньки королевского корсара Зингары, капитана военного карака, до презренного охранника при караване — мыслимое ли дело?! Однако, варвару пришлось уносить ноги с Полуденного побережья весьма спешно: ситуация не оставила выбора.

Скверно, когда на тебя охотятся как бывшие дружки-приятели по пиратскому ремеслу (а некоторые из них имеют очень длинные руки!) так и зингарская управа тайной стражи (у этих месьюров руки ничуть не короче). В общем, принцесса Чабела была права, советуя киммерийцу вести себя потише и не портить отношения с королем. Сейчас грозный папочка зингарской прелестницы, старый,

но цепкий Фердруго, настолько разгневался выходками своего буйного корсара, что и заступничество наследницы трона не помогло.

Конан смылся из Кордавы именно тогда, когда верные слуги монарха уже собирались взять киммерийца под стражу и водворить куда следует — за оскорбление величества, неприкрытый грабеж и вообще за то, что Конан Канах является самим собой: несговорчивость и прямолинейность киммерийца даже пред ликом монархов, давно стали легендой Побережья.

Таким образом названный Конан Канах решил переждать бурю в укромном уголке подальше от Зингары, а путь-дорога как-то сама собой вывела варвара в Нумалию, где и подвернулся упомянутый караван. Решив, что уж где-где, а в Райдоре можно запросто скрыться от любого неприятеля, Конан получил авансом двадцать золотых ауреев и с тем благополучно прибыл в самую глухую провинцию Закатного материка.

Немедленно встал вопрос: что делать дальше? Варвар никогда не терпел бездействия и безденежья — двух самых страшных проклятий его жизни. Что такое двадцать золотых немедийских ауреев? По большому счету — сущие гроши! Конечно, в отдельном кошельке остались несколько офирских монет, прихваченных во время спешного бегства (сам Конан называл это «отступлением») из Кордавы, но и они однажды закончатся. Снова идти в охрану? Скукотища! Плкнуть на расстояние и рвануть в Аквилонию, где король Нумедидес и пуантенский герцог Троцери собирали наемников со всего света ради противостояния пиктам на Черной реке? Неплохая идея, да вот ехать через

всю Бритунию, Пограничье, Немедийские горы и Гандерланд в Босонию долго: добраться получится не раньше, чем к середине осени. А по дороге надо кормиться самому, кормить коня и где-то иногда ночевать. По всем расчетам денег не хватит, если, само собой, не выйдет заработать в пути.

Да, именно заработать. Конан давно понял, что он уже не мальчик из славного города Шадизара и промышлять вульгарным воровством в его возрасте просто неприлично — самого себя не уважать! Взрослый, сильный мужчина может и обязан честно заработать на себя и на путешествие собственным клинком или своей головой, благо Конан отлично умел обращаться с этими двумя, вроде бы несовместимыми, инструментами. Только как найти подходящую работу в Райдоре? Провинция настолько глухая и сонная, что даже у райдорских мух, как кажется, отросли бороды!

Придется возвращаться в Пайрогию или в Нумалию Немедийскую и искать подходящий караван направляющийся к Аквилонским рубежам: купцы возьмут на себя заботы об охраннике и попутчике.

Только бы не попался на дороге скупец или жулик — частенько бывало, что торговцы забывали о своих обязательствах и заверениях. Не каждый купец — обманщик, но с торговой братией киммериец предпочитал держать ухо востро. Всякое может случиться.

Это может прозвучать несколько странно, но Конан всегда полагал себя честным человеком. Если киммериец нанимался на работу — будь то вполне достойное занятие телохранителя при знат-

ном господине (а лучше — при госпоже...) или презренная обязанность «грабителя на жаловании», он всегда выполнял свои обязанности с завидным рвением и тщательностью. Если хозяин точно выполнял условия сделки и не пытался сам обмануть варвара, Конан отвечал взаимным доверием и холодной преданностью: ты платишь мне хорошие деньги, а я взамен хорошо работаю. Не разочаруешься. Попробуешь надуть — что ж, тогда разговор будет другим.

Еще во времена бурного юношества, проведенных в славном Шадизаре — городе, отмеченном особым благословением Бела-Обманщика — Конан сам для себя определил непреложный закон: никогда не обманывать людей просто ради удовольствия или мимолетной выгоды.

Другие правила звучали таким образом: когда к тебе относятся хорошо, отвечай человеку тем же, и ты сохранишь со всеми добрые отношения. Если хочешь выйти из дела — скажи сразу, а не темни и не пытайся тайком сбежать, прихватив и свою, и чужую долю. Не обижай людей, не сделавших тебе ничего дурного. Однако, если на твоей дороге стоит законченный мерзавец — почитай за честь использовать свои сомнительные дарования хитроумного мошенника, к собственной выгоде и полному разорению противника. Не нападай первым без нужды. Защищай друзей, пусть даже временных.

Словом, этот неписанный кодекс являлся весьма оригинальным сплавом заученных с детства нехитрых уложений киммерийского горного клана и полученного в Шадизаре и других интересных городах материка обширного опыта. Пока кодекс впол-

не себя оправдывал: старательно придерживаясь установленных правил, Конан жил в полном согласии с совестью и в частичном — с законами.

...Демоны зеленые, сегодня же праздник! Не какое-нибудь дурацкое «большое коронное торжество», а самый настоящий, природный праздник! Можно хоть ненадолго отвлечься от забот и трудностей? Конечно можно. Только каким образом?

Конан уныло отодвинул кружку с недопитым пивом. Оглядел прочих посетителей «Трех мечей». В основном люди пожилые, уважаемые, добротны одетые — многие ради грядущего дня Солнцестояния облачились в самые лучшие наряды. Грустный кабатчик за стойкой. Любопытно, куда подевалась вся райдорская молодежь? Сейчас, ближе к вечеру, когда начинают собираться сумерки, самое время промочить горло не только седым бородачам.

— Хозяин! — киммериец щелкнул пальцами, подзывая владельца таверны. — Налей черного эля. Держи серебро!

Кабатчик ловко поймал монетку, нацедил из бочки черного, остро пахнущего ячменем напитка и принес кружку. Озадаченно посмотрел на Конана.

— Парень, ты чего тут сидишь? — осведомился хозяин.

Конан аж поперхнулся от неожиданности.

— Чего сижу? Пиво пью... Надеюсь, в Райдоре это не запрещено? Станный вопрос.

— Я не о том, — отмахнулся кабатчик, вытирая мокрые руки фартуком. — Вроде молодой еще, а штаны в доме просиживаешь, когда остальные давно на реку ушли.

То, что его называли «молодым», киммерийца ничуть не удивило. Для своего возраста варвар неплохо сохранился — выглядел от силы лет на двадцать восемь, а про морщины или первые седые пряди в волосах думать пока рановато.

— Какие такие «остальные»? — осторожно спросил Конан.

— Вот видно, что ты чужеземец, — наставительно сказал хозяин. — В Райдоре на праздничную ночь все, кто помоложе, идут на Быстротечную, к лесу. Народу-у! Костры, покупаться можно, светлейший герцог каждого элем угощает. Песни поют. Чего тебе в духоте сидеть? Выйдешь из главных ворот, сворачивай направо, к речке. Через пол-лиги будет излучина с большой поляной. Не заблудишься. Там празднество и устраивают, милостью Солнцезарного и нашего доброго герцога. Иди, погулай. Мешок свой можешь под стойкой положить, не пропадет, мы люди честные. И клинок оставь — с оружием приходить нельзя!

— Светлая мысль, — заключил Конан, почесав в затылке. — Спасибо, что объяснил. И как же, на целую ночь гуляния?

— И на завтрашний день, — согласно кивнул хозяин. — Ведь самый светлый праздник в году, не Самхайни какой-нибудь... Давай, тонай, тебе понравится. И девицы там будут. Таких красавиц, как в Райдоре, нигде не увидишь!

С тем кабатчик хитровато подмигнул и Конан его отлично понял. В эту ночь древними законами дозволялось многое, что в другое время было запретным. Прекрасный оборот дел — способ развеять скуку явился сам собой, без всякого приглашения!

* * *

— Все-таки, как тебя зовут? Любопытно, что ни говори...

— Какая разница, киммериец? В эту ночь можно обходиться без имен... Свое, между прочим, ты не назвал.

— Правда? Извини, если обидел. Конан, из Канаров. Так нарекла меня мать, и я не собираюсь с ней спорить. Хорошие знакомые зовут просто Конаном.

— А прозвище есть?

— Ты, милая, только что его произнесла — «Киммериец». Вообще много разных прозвищ было. Когда-то давно, к примеру, меня кликали «Малышом».

— Смешно... Верно поговаривают, будто прозвища даются от противоположного.

— Еще называли Корсаром, Варваром, а то и вовсе Разрушителем.

— Это почему, интересно?

— А, ерунда! Вышла лет несколько назад дурацкая история в Хауране, пришлось поломать флигель королевского дворца.

— Зачем?!

— Про воплощенных демонов слыхала? В замке принцессы Ясмелы неожиданно-негаданно появилось такое чудо — зеленое, чешуйчатое и зубастое. Под обломками я его и похоронил.

— Ты охотник за чудовищами?

— Нет. Однако, за последние годы много всякой мерзости на дороге встречал. Приходилось разбираться... Имя, однако, назовешь?

— Много ли тебе пользы в моем имени? Ладно, не дуйся. Асгерд, дочь Олейва Широкого, херсира из Нордхейма.

— Так я и думал. Ты очень похожа на женщину с Полуночи.

— Разочарован?

— Почему же? Если некоторые киммерийцы не любят нордлингов, то это вовсе не означает, что я плохо отношусь к выходцам с Полуночного побережья. Привык видеть в людях прежде всего людей, и не обращать внимания на происхождение. Поверь, и среди киммерийцев, и среди асиров, попадаются отпетые мерзавцы.

— Надеюсь, ты к ним не относишься?

— Асгерд, честное слово, я никогда вредил людям по своей доброй воле. Либо защищался, либо упреждал нападение.

— Оправдываешься? Тот кто чист перед собой и богами, никогда не оправдывается.

— Ничего подобного. Просто рассказываю о себе. Тебе не интересно?

— Интересно. Ты вообще интересный человек.

— Каков есть...

Сей непринужденный разговор происходил перед нарождающимся рассветом, когда самая короткая ночь года даровала людям знаменитый Час Быка, наиболее таинственную часть суток — на восходе небо оранжевое, а на закате черное. В Час Быка происходит смешение миров тьмы и света, приходит время волшебников, придерживающихся Равновесия, обитаемая Сфера погружается в загадочную, но не зловещую тишину и открываются врата меж мирами, соединенными в общую Вселенную без слияния и разделения.

Конан и его неожиданная подружка, носившая нордхеймское имя Асгерд, устроились под темными облаками сосновых ветвей, в гуще зарослей мягкого папоротника.

Непритязательное ложе создали широкие листья волшебного растения, пахло хвоей, лесными цветами и медом, высоко-высоко пылали холодным огнем созвездия Меченосца и Серпа, в отдалении слышался чей-то смех и плеск воды на реке — райдорцы вовсю купались в обширной заводи с песчаным берегом. Скоро надо было идти к Быстротечной, встречать солнце, являющееся миру в своей полной славе и великой мощи...

Киммериец, лежавший на спине, положив под голову кулак левой руки, а правой обняв соломенноволосую Асгерд, был почти счастлив. Праздник удался.

Райдорцы приняли чужака в свою обширную компанию безоговорочно и с неподдельной радостью. Кроме того, разве можно называть «чужаком» гостя славного Райдора?

Чужеземец решил отметить Солнцестояние вместе с хозяевами? Чудесно! Иди в круг, заезжий, тебе любой будет рад!

Владелец «Трех мечей» не обманул. Пять или шесть сотен самых молодых и ретивых обитателей Райдора собрались к закату у широкого изгиба реки в полуколоколе пешего хода от поселка. Место удивительно красивое — широкий серп Быстротечной, несшей воды с ледников Граскаала, обрамляется светлым, золотистым сосняком, множество огромных костров на опушке леса, поляна плавно опускается к речной заводи с прозрачной, прохладной водой.

Возле главного костра — настоящего жерла вулкана! — бочонки с элем и угощение от герцога, доставленное из замка. Наследник светлейшего Варта Райдора, шестнадцатилетний принц Хольм, тоже здесь, веселится вместе с будущими подданными.

В отдаленном герцогстве почти не существует разницы меж благородными и простецами, ибо и те, и другие — всего лишь райдорцы, жители маленькой страны, где большинство людей связаны ближними и дальними родственными узами, а герцог являет собой не повелителя, не великого и грозного государя, но рачительного хозяина фамильных земель. Один владеет хутором, другой маленьким танством, третий — герцогством. Велика ли разница? Только в размерах владения, да в титуле.

Сам Варт Райдор не явился — нечего смущать молодежь своим присутствием. Герцог отправил на реку сына, а сам устроил в замке пир для более старших родственников, митрианских жрецов и съехавшихся в гости вассалов — эрлов и танов, повелевавших различными областями Райдора. Известно, что герцогство, пускай и крайне отдаленное от столицы королевства, занимает не меньше одной пятой территории Бритунии. А это огромные пространства, включающие в себя как человеческие поселения и небольшие дворянские замки, так и безбрежные леса, бездонные болота и непроходимые горные кряжи.

Конан развлекался, как мог. Везде было интересно. Здесь танцы в кругу, с прыжками через костер, там младшие наследники и наследницы райдорских дворян устроили песенное состязание

и можно послушать старинные героические баллады или чувственные девичьи лэ; немного в стороне местные силачи начали хвалиться молодецкой удалью — можно состязаться в кидании бревна или валунов. Киммериец, вспомнив забавы своей загорной родины, отличился — его бревно улетело аж на двадцать семь шагов, и Конан получил в подарок венки, преподнесенный невероятно смущающейся перед заезжим богатырем райдорской девушкой. Парни торжественно вручили Конану охотничий кинжал прекраснойковки, с резным узором по рукояти и деревянным ножнам. Понимающий толк в кузнечном деле варвар остался доволен подарком и тотчас позвал остальных к бочкам — отметить свою победу.

Потом — купаться. Как и принято в праздничную ночь, совсем без одежд. Потом — снова веселиться. А когда окончательно стемнеет, можно идти искать цветы папоротника: кто найдет, обретет счастье в любви.

Когда Конан снова вышел к танцующим, его внезапно подхватили под руку и повлекли ближе к костру. Варвар в оранжевой полутьме разглядел, что стал избранником весьма решительной златоволосой особы с большущими серыми глазами и роскошными косами до бедра. Особа, облаченная в белоснежное льняное платье незамужней девицы, как чувствовала, кого избрать для одного из самых трудных танцев — джайги. Все разбиваются на пары, флейтисты, барабанщики и игроки на волынках исполняют очень быструю ритмичную мелодию.

Ноги сами начинают отбивать немислимую дробь, надо сойтись с партнершей, слегка коснуть-

ся ее плеча своим, разворот, отойти назад, снова сблизиться...

Девушка, походившая как на бритунийку, так и на дочь снежной Полуночи, оказалась невероятно выносливой — Конан, и то слегка запыхался, а девушке было хоть бы что. Когда мелодия закончилась внезапным, резким аккордом, варвар решил, что не худо бы прогуляться к бочкам и слегка освежиться элем или брусничной настойкой, но...

— Гляди, приезжий, огоньки в лесу помаргивают, — девушка запросто взяла киммерийца за руку, кивком указав на молчаливую чащобу, черной стеной поднимавшуюся за пределами круга света от костров. — Папоротник цветет. Пойдем, глянем, может счастье свое отыщем?

Так... Ясно и без дополнительных намеков.

Уговоров не потребовалось — Конан решил взять от праздничной ночи все, чем одарит его грядущее Солнцестояние. В конце концов, он не напрашивался.

Точно, лес мерцает сотнями зеленоватых огоньков, вспыхивающих среди травяной гущи. Светлячки. Киммериец твердо знал, что цветы у папоротника действительно иногда встречаются, однако отыскать настоящий папоротниковый цветок — удача редкостная и почти невозможная. Любой волшебник отдаст за одно-единственное высушенное соцветие целое состояние...

Тьфу, разве можно сейчас думать о презренном злате?!

— Почему именно я? — невинно поинтересовался Конан у златоволосой, когда девушка уверенно вела варвара по ей одной известным тропинкам.

— Просто понравился, — незнакомка пожала плечами. — Не думай, я не сопливая девчонка, двадцать вторую зиму отметила недавно. А с мальчишками мне неинтересно. И ничего не умеют, и кичатся тем, что вроде бы уже мужчины... Ты откуда будешь, гость?

— Приехал из Немедийского королевства, с купеческим обозом, — честно ответил Конан. Подумал, и добавил: — А родом я из Киммерии. Знаешь такую страну?

— Знаю, как не знать. Однако, на киммерийца не больно-то похож. Штаны носишь, а не фэйлбрекен.

— Отвык... Я давно из дома уехал.

Маленькая лошадка под соснами оказалась невероятно уютной, словно не дикий лес, а дом родной.

Не успел Конан удивиться, откуда в Райдоре девушки могут знать о Киммерии и любимой одежде горцев, как незнакомка вдруг остановилась, повернулась, и, лишних слов не говоря, обняла варвара за шею, впившись мягкими, но настойчивыми губами в губы Конана. Киммериец ответил столь же уверенно.

...А затем были звезды в черном небе, две или три яростных и нежных схватки на папоротниковом ложе, блаженная усталость и тихий разговор. Конан только дивился, насколько сильная и умелая подруга ему досталась — как и предупреждал трактирщик, таких потрясающих красавиц нигде, кроме как в Райдоре, не встретишь.

— Асгерд, ты сказала, будто тебе двадцать две зимы, — варвар отлично знал устоявшуюся полуночную традицию измерять возраст не годами, а

пережитыми зимами. Кроме того, на Полночи взрослеют гораздо раньше, срок замужества для девочки наступает лет в тринадцать, для мальчишек женитьба — на годик-полтора позже. — Прости за любопытство, но почему ты не замужем? Эдак в девицах навсегда останешься.

— Почему? — Асгерд на мгновение задумалась. — Времени нет.

— Времени? — поразился Конан. — Ты ремеслом занимаешься?

— И это тоже. Я охотница. Знаешь, вообще-то мое замужество тебя не касается. Замнем?

— Замнем, — немедленно согласился варвар, не желая обидеть Асгерд расспросами. — Мне, кстати, тридцать шесть минувшей весной исполнилось.

— Неужели? — настала очередь Асгерд подивиться. Даже на локте приподнялась, всматриваясь в лицо нового знакомого. — Впрочем, отчасти это видно. Но все равно, ведешь себя как семнадцатилетний. Только опыта неизмеримо больше. Ой, Конан, гляди!

— Что такое? — вскинулся варвар, почувствовав тревогу в голосе подруги. — Ничего себе! С ума сойти! Боги незримые, Кром Суровый, Мира Солнечный! Да это же...

— Не шуми, спугнешь чудо, — ладонь Асгерд легла на губы Конана. Варвар послушно заткнулся.

Буквально в трех шагах от Конана и девушки из Нордхейма, в узкой чашечке, образованной сросшимися треугольными листьями папоротника, зажегся яркий зеленый огонек. Не светляк, не упавшая гнилушка. Цветок. Сияющий ярким прохладным пламенем цветок, похожий на колокольчик.

— Кто сорвет — тому счастье и удача, — шепнул Конан, отстраняя пальцы Асгерд. — Мне этого добра в жизни хватает, так что... Пойди, возьми его. Вдобавок, ты первая увидела.

— Спасибо, не откажусь, — Асгерд не стала пререкаться. Кивнула, очень осторожно поднялась, приблизилась к чудесному цветку, коснулась лепестков. Маленьким вихрем закрутилась светящаяся пыльца.

Девушка внезапно повернулась к варвару:

— Слушай, киммериец, а может...

— Никаких «может»! — прошипел Конан, резко махнув рукой. — Мое настоящее счастье меня пока не нашло. Если получится, когда-нибудь расскажу об одном любопытном предсказании... Срывай, не возись! Рассветет — и все пропало!

И Асгерд легко отделила цветок папоротника от стебля.

Яркий колокольчик сверкнул, затем сияние начало угасать, а спустя несколько мгновений лепестки рассыпались в пыль. Невесомые пушинки не соскользнули с пальцев Асгерд, но будто бы впитались в кожу, растворившись на ладони.

— М-да, здорово, — серьезно сказала облаченная только в свои золотые косы наследница нордхеймского херсира, осматривая руку. — Действительно, чудеса. Как погляжу, ты приносишь удачу, киммериец.

— Не каждому, — осторожно заметил Конан. — Давай одеваться? Надо солнце встретить. Не след забывать обычаи.

— Мы отлично встретим солнце и здесь, — улыбнулась Асгерд. — В эту лощину падают самые первые лучи, как только светило покажет край

из-за гор Кезанкии. Я все здешние леса вдоль и поперек исходила, поэтому знаю...

Она подошла к варвару, опустилась рядом и тонкие, но сильные, пальцы Асгерд коснулись живота Конана.

— Надеюсь, мне не придется жалеть, что в округе не нашлось второго цветка?

— Не придется. Ты просто великолепна!

— Все вы, мужики, так говорите. А как доходит до дела...

— Дела? — яростно-шутливо рыкнул Конан, настойчиво и легко одновременно притягивая девушку к себе. — Это какого такого дела?

В новом поединке победила Асгерд. И первый луч новорожденного солнца упал на ее блаженное лицо.

* * *

«Итак, надо принимать решение. Время не ждет, лето перевалило за середину, если ты собираешься отправиться в тысячелиговый переход через всю Полночь материка до границы Аквилонии и Пуши Пиктов, следует отправляться немедленно. Первая остановка в дороге — бритунийская столица, Пайрогия. Там придется искать караван или попутчиков, а заодно можно сунуться в наемничью контору — вдруг повезет и хозяин предложит именно то, что нужно? Путь в Аквилонию неблизкий и небезопасный, следовательно торговцам или просто богатым путешественникам требуется надежная охрана преданных и знающих свое ремесло людей, способных честно отработать уплаченные деньги.

Если и в Пайрогии работы не окажется, придется ехать в Немедию — между пределами Трона Дракона и Трона Льва ведется оживленная торговля, в конце теплого времени года караваны пойдут чаще, чтобы успеть до осенней распутицы. Главное — не очутиться полуденнее границ Офира, где могут рыскать ищейки зингарского короля или подкупленные бывшими соратниками по корсарским забавам наемные душегубы: минувшей весной некий киммериец так насолил большим людям из Берегового Братства, что показываться неподалеку от Золотого Побережья было бы не просто рискованно, а самоубийственно...»

Такие вот мысли одолевали Конана, усевшегося на ставшее почти привычным местечко возле мутного окна таверны «Три меча».

Конан не спал всю праздничную ночь, однако ничуть не ощущал себя усталым. В городке доселе царило веселье — в день Солнца никто не работал, если не считать полупьяной и невнимательной стражи, да содержателей таверн.

Удивительно, сколько пива, вина и можжевельники могут потребить райдорцы во время самого главного праздника года!

Счет пошел уже на десятки бочек, но в Райдоре не замечалось пьяных драк или просто валяющихся под заборами личностей, переусердствовавших с хмельными напитками — обитатели герцогства вновь подтвердили легенду о своей врожденной основательности и благочинности.

С Асгерд киммериец расстался утром, причем весьма неожиданно. Она просто исчезла из виду, когда варвар привел Асгерд на большую поляну: там всю распеваали моления жрецы Митры, а по-

утихшие райдорцы с пиететом внимали старинным исламам. Асгерд затерялась в толпе, и как Конан не пытался ее обнаружить, сгинула бесследно, будто по волшебству.

Киммериец, впрочем, не особо расстроился — ночь перед Солнцестоянием на то и дается, чтобы заводить такие мимолетные знакомства, целиком отдаваться радостям бытия, а потом снова возвращаться к привычной и размеренной жизни. Если, конечно, жизнь Конана хоть отчасти можно было назвать размеренной.

Он недолго послушал хор жрецов, по древнему обычаю бросил в костер жертву Митре — серебряную монетку немедийской чеканки — и зашагал к поселку. Невыспавшийся хозяин «Трех мечей» сразу вернул почтенному гостю мешок с невеликими пожитками и перевязь с мечом, вежливо поинтересовался, как прошел праздник, а затем снова начал подремывать на табурете, возле своих ненаглядных бочек.

Конан прогулялся к торговой управе (вдруг приезжие купцы собираются обратно, в Пайрогию или Нумалию и снова желают нанять охрану?), получил внятный ответ, что месьюры торговцы будут возвращаться только спустя тридцать дней, когда закупают у окрестных охотников звериные шкуры и бочки с горным медом, засим прошелся по Райдору, наблюдая за обитателями деревенного городишки, и вернулся в таверну. Вдруг подберется хорошая компания? Хоть в кости поиграть...

А завтра придется седлать коня и ехать в столицу. Хватит бездельничать.

— Конан?

Киммериец, скучливо водивший пальцем в пивной лужице на темной дубовой столешнице, поднял взгляд на обладательницу знакомого голоса и только брови вздернул.

Асгерд! Вот уж, действительно, приятная встреча!..

Теперь случайная приятельница выглядела несколько по-другому. Конан аж рот раскрыл от неожиданности. Исчезло длинное девичье платье с плетеным поясом, пропал веночек из ромашек и колокольчиков.

Две тугие косы хитроумно уложены в крепкий узел на затылке и скреплены (сам бы не увидел, не поверил!) тонкими метательными иглами. Темно-зеленый с коричневым мужской костюм, за спиной — два клинка, причем разных: первый обыкновенный, нордхеймский; второй напоминает гардой и рукоятью знаменитые мечи Скедоса, которые Конан однажды видел в Туране. Ножны богато отделаны серебром. Слева на широком ремне — кинжал. Охотничий нож припрятан в особый кармашек, пришитый к голенищу сапога. На груди, на широкой цепочке, охранный знак — оберег в виде солнечного колеса.

Да, ничего не скажешь, вылитая амазонка. Внушительно и со вкусом. Если в Райдоре все охотники такие, то Конан уже был готов остаться в предгорной глухомани навсегда.

— П-привет, — слегка заикнулся варвар. — Чего стоишь, садись. Хозяин, быстро самого лучшего вина для моей гостьи!

— Не бравируй, — поморщилась Асгерд, запросто усаживаясь напротив. — Перебьюсь пивом. Мы к вину непривычные. Знакомься, это Гвайнард.

— Если коротко и для друзей — просто Гвай. — отозвался спутник Асгерд, на которого несколько растерявшийся киммериец поначалу не обратил внимания. А стоило бы.

Гвайнард — имя аквилонское и старинное, причем благородное. Троном Льва, между прочим, владели целых три короля с таким именем! Внешностью смахивает на прирожденного гандера или темрийца — глаза карие, широкая и доброжелательная физиономия с квадратной челюстью и широкими скулами покрыта веснушками, волосы обрезаны очень коротко и цветом напоминают бурую медвежью шкуру с редкими проблесками медной рыжины. Бороду и усы не носит, но судя по пробивающейся на подбородке и щеках густой щетинке, за седмицу, проведенную в диком лесу, превратится в совершеннейшего лешака.

Ростом не очень высок, не более трех с половиной локтей, однако изрядно широкоплеч. Под вышитой по вороту рубахой перекатываются шары мощных круглых мышц — сразу видать, в силе редко кому уступит.

Такие коренастые парни без лишней натуги поднимают за передок груженую телегу и сумеют ударом кулака завалить лошадь. Сколько лет — не определить. Можно запросто дать и двадцать пять, и тридцать пять, все зависит от настроения. Одевается скромно, в нордгеймских традициях — рубаха, меховая безрукавка, полосатые широкие штаны заправлены в короткие мягкие сапоги. Вооружение поскромнее, чем у Асгерд: только клинок (аквилонский, кстати) и кинжал. Однако, это еще ничего не значит. Судя по уверенному взгляду, Гвайнарда здесь имеет вес и репутацию...

— Конан Канах, из Киммерии, — процедил варвар, не понимая, зачем Асгерд привела с собой дружка. Вполне можно было бы обойтись и без этого дюжего красавчика. Не ползет же приятель златовласки выяснять отношения с Конаном из-за событий минувшей ночи? Традиции есть традиции, и никому их нарушать не дозволено!

— Гвай, к делу, — серьезно буркнула Асгерд, принимая из рук кабатчика две новые кружки с пивом. — Нечего рассусоливать.

— Точно, — согласился коренастый и устоялся на Конана. Взгляд явно оценивающий. — Асгерд рассказала мне, будто познакомилась с тобой ночью...

— И что? — набылчился киммериец, окончательно уяснив, в каком русле пойдет разговор.

(Эх, женщины, женщины! Замечательный подарочек на День Солнца — сразу побежала жаловаться друзьям-приятелям! Ее, кстати, никто насильно в кусты не тащил, все обстояло прямо наоборот!)

— А то, что Асгерд решила, будто ты отлично нам подойдешь, — с терпеливой интонацией сказал Гвай. — Понимаешь, объяснять получится долго...

— Хватит тянуть лося за яйца! — обрубил Асгерд, шлепнув ладонью по столу. — Короче, Гвайнард командует нашим отрядом. Мы — охотники. Не простые, а охотники за монстрами. И хотим предложить тебе работу. Сам ночью плакался, будто остался без стоящего для мужчины дела.

Конан присвистнул. Новая встреча с Асгерд обернулось стороной весьма для киммерийца неожиданной. Ничего себе, нарвался на ватагу иска-

телей приключений на свои задницы и прочие части тела!

...Охотники за монстрами или же Дербники (название пошло от небольшого хищного ястреба) были самыми отчаянными сорвиголовами на материке, оставляя далеко позади и корсаров Побережья, и разбойников Кезанкии, и особые военные отряды тайных служб Немедии или Аквилонии. И вообще всех! Даже среди волшебников эти пострелы считались умалишенными — работы опаснее и труднее не выдумать.

Дербники занимались тем, что за деньги избавляли мирных обитателей Закатных государств как от чудовищ, сохранившихся со времен Кхарии, так и от тварей демонических. Нечистая сила, монстры, по недосмотру или злой воле колдунов, вылезшие из Черной Бездны, воплощенные в живые (или мертвые) тела древние проклятия, упыри, злые духи и прочая нежить как раз и являлась предметом охоты. Самый опытный Дербник, какого прежде встречал Конан, мог похвастаться только семью годами удачных походов, на восьмой его покалечили так, что теперь бывший доблестный «Ночной страж» (еще одно название охотников) небезуспешно собирал милостыню в центре Бельверуса, вызывая у прохожих искреннее сострадание изуродованным до полной неузнаваемости телом. Ему еще повезло — остальные погибают гораздо раньше.

По расчетам Конана, на Закате и Полуночи континента трудилось не более десятка отрядов Ночных стражей, и услуги охотников были весьма ценны и в прямом, и в переносном смысле этих слов. Платили им много, зачастую *очень много*, но

и работка оплате целиком соответствовала: попробуй, погоняйся за гулем или болотным ящером, а затем умертви оных!

Дербников не хватало, они шли буквально на расхват — то у немедийского графа в фамильной усыпальнице вурдалаки завелись, то в Боссонии из закрытого прежде портала (какие во множестве образовались после падения Небесной Горы, сейчас покоящейся в глубинах Граскааля) полезла настолько жуткая нечисть, что о ней не то, что рассказывать, даже думать страшно... А в Заморе обнаружилось гнездо вампиров. А в Коринфии мирным обывателям досаждают гигантский мантикор, ворующий скот и не брезгующий иногда закусить его владельцами. А неподалеку от пуантенского Гайярда видели настоящего дракона-виверна...

Словом, темная жуть.

Конан считал себя благоразумным человеком и с Ночными стражами предпочитал никогда не связываться. На то имелись очень веские причины.

Во-первых все они, как один, помешанные. Нормальный человек никогда не пойдет по собственной воле в отряд охотников — себе дороже.

Во-вторых, никакие деньги не искупят невообразимых тягот этого сомнительного ремесла. И не вернут потерянного здоровья.

В-третьих, однажды можно не просто искалечиться или погибнуть: будет хуже, если Силы Черной Бездны завладеют твоей душой. Огребешь какое-нибудь замысловатое проклятие, сам станешь демоном и, как следствие, предметом охоты бывших соратников — удовольствие не из лучших.

В-четвертых... В-четвертых, это и впрямь достойное для мужчины (а посмотреть на Асгерд, то

и для женщины!) занятие. Не возразишь и не поспоришь. Кроме того, опасность этой работы преувеличена — как говорят сами господа охотники, «даже если тебя съели, все равно отыщется два выхода»!

— Поговорим? — озабоченно спросил Гвайнард, увидев как изменилось лицо Конана. — Или сразу откажешься? Все, кому предлагали, отказывают. Ничего, мы не обидчивые.

— Отказать? — киммериец наморщил лоб и пожевал губами. — Какое дело предстоит? И ты уверен, что я... пригожусь?

— С гулями дело имел? — нахмурившись, спросила Асгерд.

— Бывало. С одним даже очень хорошо знаком. Точнее, не с одним, а с одной — девица-гуль, служит немедийскому королю. Рингой зовут. Между прочим, настоящая графиня, без шуток...

— А с воплощенными демонами? — наклонил голову Гвай.

— Тоже случалось. Не люблю я их, правда.

— А кто любит?... С опасными хищниками встречался?

— Начиная от песчаных червей-гигантов из султанпурской пустыни, и заканчивая обычными медведями.

— Значит, если доселе жив, ты либо хорошо дерешься, либо быстро бегаешь, — усмехнулся охотник. — И то, и другое в нашем деле полезно.

— Сколько? — напрямую ударил Конан.

— При удачном завершении — пять райдорских слитков серебра каждому, — ничуть не смутившись ответил Гвай. — Если считать в немедийском золоте, выходит пятьсот ауреев.

— Боги всеблагое... — Конан откинулся на спинку скамьи. Подобный куш стоит рискованной игры со своей жизнью! На пятьсот ауреев можно безбедно существовать год или полтора. И на пиво всегда останется.

Однако, у киммерийца было еще несколько вопросов к предводителю беспашашного отряда Ночных стражей:

— Кто заказчики?

— Герцог Райдор и эрл Ронин, — проворчала Асгерд в глубины пивной кружки. — Подумать только, в праздничный день в замок позвали, не могли до завтра переждать.

— Не ворчи, — отмахнулся Гвай. — Видишь ли, Конан, у нас потери — недавно сгиб хороший человек, долго с нами ходил... Одного верного клинка недостает. Асгерд посоветовала взять тебя. Сказала, будто приносишь удачу.

Девушка откровенно фыркнула.

— А сколько вас всего? — поинтересовался варвар, не обращая внимания на ухмыляющуюся Асгерд. — Волшебник в отряде есть?

— Лучше. Не волшебник, броллайхэн.

Умопомрачительные новости. Конан попросту онемел.

Броллайхэн, воплощенные в человеческое тело духи природы, по его мнению, отчетливо проходили по ведомству абсолютной небывальщины. То есть, сколько лет путешествовал, ни единого не встречал!..

— Сейчас в отряде трое охотников, — размеренно продолжал Гвай. — Я сам, Асгерд, и Эйнар — тот самый броллайхэн. Пойдешь четвертым? Экспедиция короткая, не дольше луны. Потом мо-

жешь забирать награду и идти на все восемь сторон света.

— Трое? Всего трое? — Конана слегка подбросило на скамье. Нет, они точно спятили! Самый маленький отряд Дербников, какой видел киммериец, состоял из шестнадцати мордovorотов, рядом с которыми здоровенный варвар выглядел худеньким мальчишкой! — Интересно, сколько лет вы работаете?

— Не расстраивайся, — Гвай дружески потрепал Конана по плечу. — Я хожу в Ночных стражах девять лет, причем ранен был только в самой первой стычке — охотились на гарпию в горах Эйглофиата. Асгерд промышляет изведением монстров три года и ни разу даже не поцарапалась. Эйнар-броллайхэн занимается нашим окайнным ремеслом незнамо сколько столетий — духи природы бессмертны, как альбы. Сам отлично знаешь, берут врага не числом и силой, берут опытом и умением. Вдобавок, мы удачливые. Согласен? Ответ искренне. Тебя никто не принуждает и не держит нож у горла.

Киммериец, как и всегда в подобных случаях, подчинился не голосу холодного рассудка, а никогда не подводившей интуиции. Кроме того, спокойный, немного застенчивый и одновременно уверенный в своей силе и правоте Гвайнард, а тем более красавица Асгерд, варвару очень понравились. Остается взглянуть на третьего представителя лихой компании — сказочного броллайхэн.

— По рукам!

Глава вторая,

в которой Ночные стражи встречаются с райдорским герцогом, эрл Ронин повествует о необычайных событиях в своих владениях, а затем Конан сотоварищи отправляются в поход за головой вампира

Если выйти из таверны «Три меча» на главный проезд Райдора и сразу повернуть налево, утоптанная немощная дорога выведет вас к холму, вершину которого оседлал приземистый, темный от времени и непогод замок его светлости герцога Варта.

Архитектура простая, общая для большинства дворянских крепостишек Полуночи — прямоугольник с башенками по углам, два внутренних двора, надвратный барбикен и высокая главная башня-донжон, построенная у восходной стены. Скромненько.

Конана, выдавшего и аквилонский замок короны, и гигантский дворец-укрепление туранского императора Илдиза, обиталище Райдорских повелителей не впечатлило: маленькое и сы-

роватое, очень старое и неудобное. Гвай, по пути рассказывавший варвару об истории древнего герцогства, сообщил, будто первый камень в основание крепости заложили около девятисот лет назад, когда хайборийцы начали обживать ранее пустовавшие земли. Завершилось строительство в 720 году, и с тех пор замок только подновлялся — в прежние времена умели строить добротно. На века. Следует припомнить, что Райдор штурмовали не менее восьми раз, враги прорывались за периметр стен, но взять главную башню доселе не сумел никто.

Киммериец вполуха слушал, кивал, однако не переставал коситься на нового знакомого — Эйнара. Конана поражало, что рядом шествует самый настоящий, живой бrolлайхэн, выглядящий не менее настоящим и живым человеком.

...Легенды и сказки, повествующие о духах природы сообщали немного: народ бrolлайхэн заселял земли этого мира от самого Моменты Творения и многому научился за прошедшие десятки тысяч лет. Они очень редко меняют свое обличье — столетиями носят личину человека, лишь изредка (двенадцать раз в год, на очень короткое время определенных дней) возвращая себе истинную сущность.

Они давно стали думать как люди, поступать в соответствии с человеческими законами и представлениями о поведении и морали. Им нравятся люди, и не только потому, что последние обладают бессмертной душой и великим даром — свободой воли, недоступным бrolлайхэн. Они владеют телесным бессмертием, наподобие давно сгинувших альбов, однако бrolлайхэн все-таки можно истре-

бить (как — неизвестно), и тогда дух развонлещается, а сила уходит в мир природы, некогда породивший этот удивительный народ.

Следует здесь же отметить, что обычный человек не в состоянии уничтожить бrolлайхэн. Стрела, холодное железо, огонь, вода, яд и прочие носители смерти слишком просты для того, чтобы убить духа природы. Магия, куда более опасная, тоже почти не дает возможности выпрыгнуть бrolлайхэн из зримого мира. Однако у чудесных существ остаются крайне опасные враги, пускай их насчитывается немного — воплощенные и невоплощенные духи: демоны, боги и такие же бrolлайхэн, частенько враждующие между собой. А заодно и редкостные твари, коих, умеющий выражаться просто и доходчиво Эйнар, называл «чужаками».

Когда Небесная гора поразила земную твердь, в мире произошло много странного. Открылись Ворота, наподобие таких, что украшают Руазельский лес в Аквилонии или возвышаются посреди Гирканской Степи.

Далеко не всегда магические Ворота, которые разбросаны по всем землям Хайбории, ведут в миры, где царит спокойствие, обычно называемое людьми «добром». К счастью, большинство Врат недоступны что людям, что существам волшебным, но из некоторых порой лезет невообразимая гадость...

Лет двести пятьдесят назад из Ворот, что стоят у истоков реки Нумалии, выползло невоплощенное в тело существо, за которым Эйнар и несколько его сородичей охотились сорок два года. Тварь постоянно меняла облик, учиняла в немедийских

и коринфских землях редкостные безобразия, ибо питалась живой человеческой кровью. Лишь после длительных усилий удалось изгнать чудище обратно, в мир, из которого оно явилось. Тварь обладала природной магией, способной развоплотить любого броллайхэн, и хотя по мнению Эйнара, охота была очень веселой и захватывающей, четверым его сородичам пришлось заплатить за успех своим существованием. С тех пор броллайхэн крайне настороженно относился к существам «не от мира сего» и навсегда избрал ремесло Ночного стража — охотника за монстрами.

Все это рассказал Конану сам Эйнар, оказавшийся весьма говорливым и общительным существом. От простых людей броллайхэн ничем не отличался — выглядит молодо, почти юношески, одевается точь-в-точь как Гвай, только полоски на штанах не красно-белые, а сине-зеленые. Волосы длинные, ниже плеч, стянуты на затылке в хвост, а с висков свисают две косички — тоже нордхеймский обычай. Оружия вообще не носит, по крайней мере сейчас.

Конан сначала не поверил, что этот парень может быть не-человеком, однако его довольно быстро убедили. Когда варвар, Гвай и Асгерд явились за своим компаньоном на ближайший постоянный двор, где остановилась шайка Ночных стражей, Конан стал свидетелем и невольным участником небольшого представления.

— Ого! — заорал Эйнар, едва Асгерд успела представить киммерийца. — Этот верзила будет ходить с нами вместо Торгейра, пусть упокоится его душа? На годность проверяли? Нет, вы только посмотрите, какой здоровый, а? Конан Канах, зна-

чит? Познакомимся! Среди людей меня обычно называют Эйнаром. Еще рассказывают, будто моим отцом был Диармайд из Темры, что на полуночи Аквилонии, за Гандерландом, но я в этом сильно сомневаюсь. Еще я недавно слышал, будто моя мать называла себя девицей Этайн, но это и вовсе неправда. Легенды говорят о многих моих родичах, и не все предания лживы. Правда, половину историй я придумал сам — чтобы звучало красивее.

Конан недоуменно посмотрел на Гвая. Тот усмехнулся и сморщил нос:

— Не обращай внимания. Таких трепачей, как броллайхэн, следует поискать...

— Называй меня Эйнар, — весело фыркнул дух природы. — Я не обижусь. Достань клинок.

— Это еще зачем? — Конан отступил на шаг назад. Русоволосый Эйнар сразу показался варвару ненормальным. Гвай это предположение нехотя подтвердил — чуток покраснел и сказал со вздохом:

— Опять дурь в голову ударила... Не обращай внимания, Конан. Просто возьми меч и попробуй зарубить этого болтуна.

Киммериец вопросительно глянул на Асгерд, но девушка только пожала плечами.

Что ж, если просят — всегда пожалуйста. Однако, предупредить следует непременно:

— Последствия за свой счет, — буркнул Конан. — Если потом будете жаловаться страже, расскажу все, как было и поклянусь в том на алтаре Митры.

Когда требовалось, киммериец умел действовать молниеносно. Ножны с мечом Конан носил не на левом боку, а за спиной — достаточно одного

движения, чтобы рукоять клинка оказалась в ладони, способной тотчас нанести рубящий удар справа сверху. Варвар предпочитал не нордхеймские мечи, со скругленным оконечьем, а аквилонские, которыми можно не только рубить, но и колоть.

Ф-фах! Атака практически неотразима — лезвие обязано ударить нахального Эйнара повыше левой ключицы и рассечь почти до пояса.

Конан никогда не жаловался на точность и силу своих мечных ударов. С возрастом пришел опыт, превратившийся в навсегда заученные движения.

Ничего подобного! Широко улыбавшийся во все тридцать два белоснежных зуба броллайхэн увернулся. Как — непонятно. Просто превратился в смазанную тень, ушедшую из-под низвергнувшейся стальной молнии. А потом начались чудеса.

Конан попробовал снова ударить, но обнаружилось, что клинок невозможно поднять. Киммериец не сразу сообразил, что броллайхэн попросту держит отточенный меч за лезвие. Голой ладонью. По металлу ползут темные струйки крови — руку он все-таки поранил, и немудрено: попробуй-ка, перехвати кистью меч, выкованный лучшими аквилонскими кузнецами! Такое просто невозможно — останешься без пальцев!

— Ох, прости, — Эйнар отпустил клинок и примирительно поднял ладони. На правой красовался глубокий порез. — Я слегка погорячился. Что стоишь, продолжай.

Конан долго не раздумывал, благо находился в выгодной позиции: немногим левее Эйнара, меч направлен вперед и чуть вверх...

Выпад, в который вкладывается вся быстрота и мощь тела, стальная полоса беззвучно входит в грудь броллайхэн почти посередине, пробивая сердце, легкое и главную жилу.

Окровавленное лезвие показывается из спины броллайхэн. На серой рубахе начинает расплываться багровое пятно.

«Что я наделал! — мысль вспыхнула ярким метеором. — Убить, ради забавы? Благодарю покорнейше, мне такое не подходит! Доигрались, охотнички!»

Асгерд вывела остолебевшего Конана из мгновенного ступора очень простым и необычным способом: похлопала в ладоши. Сказала, обращаясь к Гваю:

— Я же говорила! Уважения достойно! Со второго удара проколол нашего трепача! Киммериец быстр и точен...

На варвара взирали безмятежные зеленоватые глаза броллайхэн, насаженного на меч, будто жук на иглу.

— Будь добр, убери клинок, — хриловато процедил Эйнар. — Мне неудобно.

Ошарашенный Конан потянул лезвие назад. Металл из серебристого стал темно-красным. Кровь. Горячая человеческая кровь. Эйнар поморщился, сплюнул на дощатый пол, покачал головой и не принужденно изрек:

— Надо же, не успел... Как у тебя получилось? Тьфу, рубаху теперь выбросить придется, испачкали. Гвай, купишь новую или отдашь свою!

Броллайхэн содрал через голову грубоватую холщовую рубашку, скомкал и бросил в угол. По загорелой груди и квадратикам мышц живота тек-

ли густые багровые струйки. Слева от грудины зияла длинная, с палец, пузырящаяся рана.

Опустив меч Конан стоял и зачарованно, будто мальчонка перед уличным фокусником, смотрел как рана затягивается. На глазах. Сначала перестала течь кровь, потом образовался ярко-розовый шрам, который моментально побелел а затем попросту исчез.

Перед потерявшим дар речи киммерийцем, Гваем и Асгерд стоял совершенно здоровый парень лет восемнадцати-двадцати. Никаких признаков недавно нанесенных ран — ладонь и грудь зарубцевались меньше, чем за одну десятую долю квадранса.

— Конан нам подходит, — Эйнар только губы поджал, словно обиделся. — Берем в долю, со всеми правами и обязанностями Ночных стражей. Асгерд, намочи тряпочку, надо вытереться. В таком виде я к герцогу идти не собираюсь. Неприлично.

Броллайхэн задумчиво погладил себя по лбу и воззрился на Конана.

— Теперь поверил, что я не-человек?

Киммериец скривил рот в невеселой усмешке и протянул руку:

— Поверил. Будем друзьями?

— Будем!

* * *

Светлейший герцог Варт Райдорский был немолод, пышно бородат и одноглаз — вышибли государю ясное око в злые времена большой войны с Немедией, случившейся двадцать четыре года назад.

Расширявшие пределы державы короли Трона Дракона пытались сделать из небольшой, но независимой, Бритунии новый немедийский протекторат, однако нарвались на стойкое сопротивление и «лесную войну», когда и простецы и дворяне ушли в дебри и пущи Полуночи. Внезапные вылазки, сожженные замки, перебитые гарнизоны, удушенные на воротах немедийские мытари, пытавшиеся обирать местных жителей...

Королева Рэлея, достойная матушка нынешнего повелителя Нимеда, справедливо рассудив, что из абсурдной затеи предыдущего короля ничего не выйдет, приказала немедленно вывести легионы из Бритунии, а сама заключила со строптивыми обитателями полуночного государства вечный мир. И еще приплатила золотом. С Бритунией всегда так: за вход аурей, за выход — два...

Благородных персон в рабочем кабинете герцога собралось немного. Сам государь Варт, да его отдаленный родич, вельможный эрл Алаш Ронин из Ронина, владелец небольшого, подвассального Райдору княжества, занимавшего склоны Граскальских гор и часть равнинных лесов. Герцог принял Ночных стражей не в тронной зале, а именно в кабинете, дабы подчеркнуть важность встречи и выказать уважение людям, занимающимся столь трудным ремеслом.

Обстановка скромная. Неохватный стол государя Варта с резным креслом, вдоль стен тянутся застеленные медвежьими шкурами лавки, стойка для книг и медных тубусов, где хранятся пергаменты.

В камине ревет-полыхает оранжевое пламя — даже летом в каменном замке прохладно. Девки из

прислуги принесли гостям светлейшего вино и мигом скрылись за толстой дверью мореного дуба.

— Рад видеть тебя, месьор Гвайнард, — на челе герцога, перечеркнутом темной полосой повязки, закрывающей выбитый глаз, отражалось недовольство. — Я очень сожалею, что отвлек тебя и твоих доблестных соратников от празднования дня Митры, однако обстоятельства вынуждают...

— Оставь, светлейший, — вежливо сказал Гвай, расположившийся вместе с прочими тремя охотниками на лавке, сбоку от стола. — Не первый год знакомы, к чему ненужные церемонии? Случилось что?

— Случилось, — нагнул голову государь Варт. — Во владениях месьора Ронина беда.

— Полагаю, опять семейное проклятие безобразничает? — без разрешения влез в разговор бродяга. — Прапрадедущке вельможного эрла следовало быть разборчивее и не портить всех девиц в округе. Тем более, если одна из девиц являлась родной сестрой гиперборейского колдуна.

— Заткнись, — шикнул Гвайнард и поддал Эйнару локтем по ребрам. Стоявший возле узкого окна эрл запунцовел, однако промолчал.

— Нет, не проклятие, — ответил герцог. — Похуже. Упыри. И вообще, довольно темная история вышла. Алаш, расскажи им.

Эрл Ронинский, бледный и худощавый молодой человек с бесцветными волосами и несчастным выражением лица, прошелся по комнате, явно не зная с чего именно начать. Наконец, раздался высокий, немного срывающийся голос.

— Я рад, что почтенные Ночные стражи осведомлены о деяниях моих прашуров, за которые

доселе приходится расплачиваться нашей семье, но... Вам, месьоры и милая дама, известно понятие «каттакан»?

— Известно, — коротко сказал Гвай. — Продолжай, вельможный.

— Эти твари живут в предгорьях спокон веку, народишко к ним привык, благо каттаканы в основном кусают лесное зверье... Однако, начиная с последних дней весны в Ронине поселился безумный каттакан.

— Безумный? А именно? — подалась вперед Асгерд. — Объяснись!

— Тварь полностью вырезала два хутора. Около двух десятков человек. Спаслись всего пятеро. Потом начались нападения на деревни и снова были жертвы. Всего погибло сорок шесть моих подданных. На прошлой седмице упырь залез в мой замок и убил дружинного — высосал кровь и разодрал на куски. Округа в полном смятении. Именно поэтому светлейший герцог Райдор и... И еще кое-кто посоветовали обратиться к вам.

— Упырь нападает постоянно? — быстро спросил Гвай.

— Каждую ночь. Следы нападений отмечены в трех деревнях неподалеку от замка. Признаться, я охотно променял бы одного такого упыря на десяток семейных проклятий... Кметы выражают недовольство бездействием власти. Ронин на грани бунта.

— Крайне нетипично для каттакана, — Эйнар задумчиво поглядел в потолок. — Их время — полнолуние, они просто обязаны атаковать лишь двенадцать раз в год! Это может быть все, что угодно, только не каттаканы из Рудны! Гуль, брук-

са, кяур, демон-кровосос... Или, например, муля, кальконикс, бальберит. Но не каттакан.

Киммериец слушал и восхищался. И впрямь, истинные знатоки своего дела! Конан раньше даже предположить не мог, что существует такое огромное количество разнообразных вампиров!

— Его несколько раз видели, — проронил вельможный эрл. — Описание достоверно, как в легендах. Гигантская бесшерстная летучая мышь с человеческой головой и очень широкими крыльями. Тварь способна мгновенно перемещаться с места на место. Приходит только по ночам, когда некоторые другие упыри способны действовать и среди бела дня.

— Ничего не понимаю, — Гвай потер пальцами старый шрам на виске. — А в чем прочие странности? Достойный герцог упомянул, будто вышла чересчур темная история?..

— Тринадцать дней назад, около полуночи, к замку приехал странный визитер, — казалось, эрл был готов разрыдаться, так затравленно звучал голос вельможного. — Постучал в ворота, потребовал встречи со мной. У меня в страже люди простые: гостя приняли, проводили наверх. Вдруг на самом деле что-то важное? Человек представился волшебником.

— Откуда в нашей глухомани волшебники завелись? — озадачил сам себя Гвай. — Приезжий, гипербореец?

— Ничего подобного, месьор Гвайнард. Он отлично знал всю географию и обычаи Полуночного Райдора, по разговору видно. Гость был из местных — никакой чужак никогда не научится говорить с нашим акцентом и не будет знать малень-

кие секреты Ронина, танства Кернодо или других земель округи.

— Как одевался маг? — Конан решил вступить в беседу. — Большинство волшебников носят гильдейские облачения или знаки магических конклавов, которым служат.

Гвай посмотрел на варвара с одобрением.

— Черная хламида, черный плащ, — ответил эрл Ронин. — На голове капюшон, так что лица я не рассмотрел. Цепочка с изображением свернувшегося в кольцо дракона, кусающего свой хвост. Дракончик серебряный или платиновый.

Асгерд, Гвайнард и Эйнар вопросительно глянули на варвара. Тот лишь плечами пожал.

— Темные одежды носят и колдуны Черного Круга Стигии, и гиперборейцы из Белой Руки или Звездного Братства. Дракон на цепочке? Символ вечности, ничего особенного. Мне это ни о чем подозрительном не говорит. Имя назвал?

— Сказал называть его месьором Рэлем.

— Рэль? Необычное имя. И что дальше?

— Объяснил, будто знает об упыре. И хочет помочь. Причем совершенно бесплатно.

— Колдун, и не потребовал денег? — поразился Конан. — Чудеса, не иначе!

— Месьор Рэль сказал, что золото ему не требуется. Ему просто интересно поймать и убить настоящего каттакана. Он допросил стражу замка, видевшую тварь, затем потребовал у меня рескрипт, дающий право бесплатно ночевать в каждой деревне или на любом хуторе владения и требующий любой помощи со стороны кметов и старост поселков. Бумагу я сразу выправил. Потом волшебник исчез на несколько дней и нападения

упыря временно прекратились. А через седмицу каттакан уничтожил Зеленый хутор. Целиком. Семейю владельца, поденных работников, даже домашнюю скотину. Кровь не пил, просто убивал. Я туда ездил, посмотреть — зрелище жуткое. Некоторые тела разорваны на части. У двоих откушена голова.

— Откушена? — Асгерд даже поперхнулась вином.

— Именно. Ясно были видны следы острейших зубов. Тем же вечером явился волшебник и потребовал нанять Дербников ему в помощь. Не представляю, откуда месьор Рэль мог знать, что вы находитесь в именно Райдоре, однако он посоветовал немедленно сесть на коня и ехать в столицу герцогства. Я бы отправился напрямик ночью, но...

Эрл Ронин смущенно замолчал.

— Но ты боишься семейного проклятия и по ночам из замка не выходишь, — дополнил Эйнар. — Посему выехал с рассветом.

— Так и случилось, — согласился вельможный владелец Ронина.

— Припомни любые странности, особенности, все, что показалось необычным в этой истории, — потребовал Гвай. — Кроме неестественного поведения каттакана, разумеется.

— Волшебник, — немедленно отозвался эрл. — Приходил всегда после заката. Днем его никто не видел, хотя ночами только самые отчаянные ронинцы покидают дома — боятся и упыря, и моего фамильного монстра. Лошадь у колдуна просто... Просто чудовище, а не лошадь! Черная, громадная, по шкуре искорки голубые скользят, глазищи огнем пылают!

— Цену себе набивает, — презрительно сказал Конан. — Обычная иллюзия, морок. Сто раз видал.

— погоди, киммериец, не спеши, — Гвай нахмурился. — Что еще?

— Однажды месьор Рэль снял перчатки. Лицо у него, как помянуто, постоянно закрыто капюшоном, но руки я хорошо рассмотрел. Пальцы длинные, почти пчеловеческие. Ногти острые. Очень белая кожа, как самый дорогой пергамент! Я предлагал ему редкостное в Райдоре вино, настоящую «Золотую лозу» из Пуантена — отказался.

— М-да, последнее наблюдение особенно поразительно, — фыркнул Гвай. — Кажется, я уже начинаю догадываться, кто именно скрывается под личиной месьора Рэля, но пока не стану говорить — вдруг ошибаюсь? Хорошо, мы беремся за это дело. Аванс?

— Мы платим половину немедленно, — вместо эрла заговорил герцог. — Серебряными слитками или золотом?

— Лучше золотом, — Гвай принял решение за всех.

— Немедийским, аквилонским, бритунийскими шеллинами, денариями Офира?

— Золотыми ауреями Трона Дракона. Если половина выплачивается сразу, получается ровно тысяча монет.

— Я распоряжусь, чтобы казначей доставил деньги на постоянный двор, — светлейший внимательно посмотрел на Гвайнарда единственным светло-карим глазом. — Остается верить, что вам будет сопутствовать удача. Когда собираетесь выехать?

— Завтра утром. Через два дня окажемся в Ро-
нине и немедленно приступим к работе.

— В таком случае — искренне желаю удачи.
Ты, Гвайнарда, никогда меня не подводил.

— Благодарю, светлейший.

Когда четверка Ночных стражей миновала во-
рота герцогского замка, Гвай проворчал, ни к ко-
му не обращаясь:

— Влипли мы. Прикончить настоящего катта-
кана невероятно сложно, а выследить — еще слож-
ней. Впрочем, у нас будет великолепный помощ-
ник. Если, конечно, мои предположения оправда-
ны. Хороший праздник выдался — заработали по
двести пятьдесят ауреев... Идем домой, перекусим.
Конан, ты в кости играешь?

— А то!

* * *

После долгих расспросов, Конан выяснил, что
возглавляемая Гваем команда охотников промыш-
ляет только в Бритунии. Чудовищ здесь хватает, а
посему Гвай и его соратники редко остаются без
работы. Состав компании частенько меняется —
одни погибают, другие просто уходят, неплохо за-
работав своим мечом и разумом. Верными ремеслу
до конца остаются только Гвай и Эйнар, состав-
ляющие костяк отряда. Последний их товарищ,
именем Торгейр, оказался недостаточно быстр и
по весне попал в клешню мантикора. Таким обра-
зом осталось лишь трое охотников.

Асгерд ничуть не соврала и не приукрасила,
сказав Конану, будто является дочерью самого на-
стоящего нордхеймского херсира — военного вож-

дя, командовавшего несколькими морскими дру-
жинами. Когда херсир Олейв погиб в походе, папа-
шино наследство разделили между братьями Ас-
герд. Ей самой предстояло только одно — скучное
замужество и прозябание в глухом поселке на бе-
регу Полуночного моря.

Асгерд, с ранней юности привычная к мечу и
арбалету, решив, что подобное будущее ее не уст-
раивает, попросту ушла из рода и однажды на-
ткнулась на ватагу Гвайнарда, тогда состоявшую
из восьми человек. Неизвестно, чем именно при-
глянулась Гваю решительная нордхеймская деви-
ца, однако Асгерд была принята в отряд и со вре-
менем превратилась в верного сподвижника и пре-
красного следопыта.

Киммериец, решив выяснить о новых друзьях
все, что можно, осмотрел оружие Асгерд и остался
доволен — охотница пользовалась двумя клинка-
ми, каждый из которых заслуживал внимания.

Первый, с виду нордхеймский, оказывается был
выкован гномами Граскаала по асирским образ-
цам. Гномьему оружию цены нет: не затупляется,
лезвие никогда не переломится, никакой ржавчи-
ны... Одно неудобство — подобный клинок может
только рубить.

Второй, отдаленно напоминающий меч Склоса,
таковым, конечно не являлся, но был в своем роде
произведением как кузнечного, так и магического
искусства. Основу лезвия составляла редкая голу-
бая сталь, покрытая тонким слоем чистейшего се-
ребра с нанесенными на металл охранными руна-
ми — лучшее оружие против нечистой силы. Вдо-
бавок, Асгерд сообщила, будто заглянула в Пайро-
гии к магу из конклава Золотого Лотоса и за ог-

ромные деньги тот наложил на меч несколько весьма действенных заклинаний, способных отогнать или уничтожить воплощенных демонов.

Большую часть заработанного золота Ночные стражи тратили на снаряжение и оружие. Конан, переселившийся из «Трех мечей» на постоянный двор со знаменательным наименованием «Приют охотника» лишь руками развел увидев, какое количество разнообразного барахла таскают с собой Ночные стражи. Не всякая лошадь поднимет. Здесь тебе и сети из серебряных нитей, и особые капканы, которые ставятся на необычных хищников вроде болотного ящера или дрохо, флажки с ядовитыми составами, обереги против полусотни разновидностей нечистой силы, и так далее почти до бесконечности.

Эйнар, хихикая, заметил, что ради нескольких мешков с необходимыми для охоты на монстров вещами, пришлось покупать боссонского тяжеловоза, каковой теперь и возит на спине всю эту необозримую уйму полезного хлама. Причем большинство вещей могут вообще никогда не понадобиться. Но если в нужный момент требуемого предмета не окажется под рукой, за жизнь Ночного стража никто не даст и стертого медяка, а Гвай потом собственноручно начистит рыло ответственному за снаряжение броллайхэн.

— Вот любопытно, если Гвайнард командует, Асгерд выслеживает чудищ, а ты помогаешь им магией, то каково мое место в отряде? — поинтересовался Конан у Эйнара. — Что мне надлежит делать?

— Выполнять приказы, — хмыкнул броллайхэн. — А главное — сначала думать головой, и лишь

затем махать мечом. Наша работа только на десятую долю состоит из драки. Все прочее время мы тратим на поиски добычи. Иногда это бывает очень трудно. Требуется соображение и трезвый рассудок. И знания. Скажи, где может прятаться каттакан днем, когда спит?

— В пещере, — уверенно ответил Конан. — Легенды говорят, будто каттакану обязательно требуется темнота, он боится солнечных лучей... Еще можно укрыться погребом, в подвале дома. В глубоком дупле старого дерева.

— Согласен. Но не всякое дерево подходит. Упыри не выносят запаха дубовой и ясеновой коры, так что дубы и ясени можно смело обходить стороной. Понял тонкость?

— Здорово, — согласился Конан. — Целая наука.

— Именно, ты очень верно сказал: наука! — поддакнула Асгерд. — Я три года учусь, и все равно, даже половины не постигла.

— А я — девять лет, — невесело дополнил Гвай. — И знаю о ремесле всего лишь немногим больше упомянутой «половины». Хотя целого не знает никто, кроме богов, сотворивших этот мир и его обитателей... Вот что я вам скажу, друзья. Вечереет, мы прошлую ночь не спали, а перед дорогой надо бы хорошенько отдохнуть. Тем более, через два дня нас ожидают веселенькие приключения. Топайте по своим комнатам, подниму на рассвете.

Конан допил остававшееся на дне кружки пиво, встал и вышел в полутемный коридор вслед за Асгерд. Тронул девушку за плечо.

— Может, лучше у меня устроимся? Теплее будет...

— Убери лапы, — фыркнула Асгерд. — У меня принцип: с парнями из отряда не спать. Работе мешает. Уж извини.

— Ладно, — огорчился варвар. — Но если вдруг что случится — заглядывай, всегда буду рад видеть.

— Ничего не случится, — уверенно ответила Асгерд и закрыла дверь перед носом Конана. Из комнаты донеслось: — Приятных сновидений, ким-мериец.

Конан только тяжело вздохнул и отправился к себе.

* * *

Спустя два дня...

— Гвай, ответь, почему ты подался в Ночные стражи? Найдется много других интересных и опасных занятий...

— Сложилось так. Случайно. Кстати, ты угадал — я действительно аквилонец. Точнее, гандер. По молодости лет трудился в тайной службе Трона Льва, еще при государе Вилере. Когда короновался Нумедидес, пришлось уйти — начались аресты неблагонадежных, а я со своей головой расставаться никак не желал. Вдобавок, мы знали о Нумедидесе то, что знать было не положено.

— А именно?

— Вилер, дядюшка нынешнего монарха, умер не совсем естественной смертью. Его отравили. А тайная служба, которая трудится не столько во благо короля, сколько ради высокой идеи государственности, перехватила несколько писем с доказательствами того, что Нумедидес и его клеветы

направляли руку отравителя. Доказательства налицо — стоит их предъявить высшему дворянству, Нумедидес сразу полетит с трона. Так полетит, что расшибется насмерть. Нас опередили. Новый король оказался изрядным пронырой и успел захватить всех, причастных к делу, людей. Моих бывших сослуживцев убили в тюрьме или запытали до смерти. Я успел вовремя сбежать.

— А те самые письма куда пропали?

— Успел спрятать в тайнике, в Тарантии. Рано или поздно я до них доберусь и попробую воздать старому ублюдку по заслугам. Допустим, переправлю послания в Пуантен, великому герцогу Троцери, который сам имеет виды на корону... Впрочем, это лишь мечты. Меня вполне устраивает жизнь Ночного стража. Во-первых, никогда не соскучишься, во-вторых, не останешься нищим.

— Все-таки, как тебя угораздило попасть в Дербники?

— Сказал же: случайно. После спешного исчезновения из Тарантии, отправился на Восход, в Пограничье. В Вольфгарде наткнулся на отряд Стражей. Перессорился с одним охотником за игрой в кости — он жульничал, а я поймал за руку. Решили, пусть боги рассудят, сам знаешь, есть традиция: спорщики выходят на поединок, а там, как судьба даст...

— И ты победил?

— Победил. Поединок был не мечный. Кулачный бой. В тайной службе нас неплохо обучали. Опытного охотника я завалил, причем довольно быстро. Знаешь, какое у меня прозвище? Гвайнард Один Удар. Не подумай, я не хвастаюсь, просто рассказываю... Ночные стражи повосхищались и

сразу предложили идти к ним в ватагу. Я согласился. Там познакомился с Эйнараром. За два года наших парней либо перебили, либо покалечили. Уцелевшие сами ушли. Остались мы вдвоем. Эйнар предложил набрать собственный отряд — я командую, он занимается деньгами, добывает все необходимое и магичит по мере сил. Точно тебе говорю, мы удачливые. Сколько лиг вместе отходили!

— Почему в твоём отряде так мало людей?

— А зачем много? Для того, чтобы убить самую кошмарную чуду, частенько хватает и двоих человек. Один работает, второй на подхвате. И потом, в Ночные стражи редко идут от хорошей жизни. Слишком опасно. Жизнь Дербника коротка.

— По тебе не скажешь. Девять лет гонять монстров и пораниться всего однажды!

— Спасибо Эйнару. Мне повезло — повстречать брёллайхэн удастся не каждому. Несколько раз Эйнар меня вытаскивал прямиком из драконьей пасти... В переносном, конечно, смысле. Неплохо быть приятелем полубога.

— Полностью согласен...

Небольшой караван, состоявшийся из четверых всадников, двух заводных лошадей и громко пыхтящего боссонского тяжеловоза, двигался по лесному тракту на Полуночный Закат. Если заводных лошадей вели на чембурах, то огромный, мохнатый боссонок каурой масти шествовал сам по себе — эта порода прославлена не только силой, но и своеобразной разумностью. Тяжеловоз никогда не отстанет от хозяев, не будет отвлекаться по дороге на еду или водопой, а при серьезной опасности может спасти и груз, и владельца — стоит уце-

питься за поклажу, дать команду, и мощный конь резво (боссонцы на галопе могут обогнать даже лошадей знаменитой пуантенской породы!) вынесет тебя в безопасное место. У всякой лошади есть чутье на нечистую силу, но у тяжеловозов оно особенно острое. Словом, боссонский гигант является незаменимым для Ночного стража попутчиком и верным бессловесным другом.

Леса Полуночи всегда зачаровывали Конана. И пышным летом, и суровой зимой здесь ощущаешь себя так, словно попал в эпоху Сотворения Мира. Тысячи лесных звуков, запахов, цветов и красок. Мир неподвластный, однако не чуждый человеку, маленькая Вселенная, обжитая самыми разными удивительными тварями...

Будто и не существует шумных каменных городов, цивилизации людей, расселившихся от беспредельно далекого Пагана до Пуши Пиктов, нет войн, интриг, храмов, кораблей, кузниц, домов терпимости и прочих неперемненных атрибутов человеческого бытия. И человека тоже нет. Лишь синие-зеленые ели и сосны поднимают к безоблачному небу могучие тысячелетние стволы, раскидывают широкие листья папоротники, светятся всеми красками радуги дикие соцветия да переговариваются о своих, очень важных делах, звонкоголосые птицы.

Спокойствие — вот главный закон полуночного леса. Конечно, человек здесь бывал, даже умудрился проложить просеку, по которой вьется дорога, затем расчистил полянки под рожь и пшеницу, выстроил редкие дома. Но с тем человек не превратился в победителя и господина Великих Лесов — Лес вобрал людей в свое гостеприимное чрево и

сделал своими подданными. Лес щедро дарует пищу — от ягод и меда, до самой экзотической дичи, позволяет рубить деревья для создания жилищ, с усмешкой наделяет человека столь необходимыми двуногим приключениями... Лес вечен, как и бесконечное Мироздание. И добр к тем, кто отвечает Лесу добром.

— Гвай, ты только глянь! — Астерд натянула поводья своей белоснежной кобылы, указывая направо и немного вперед. — Откуда он здесь появился?

Киммериец быстро отследил направление и остановил коня.

Среди толстенных, в три или четыре охвата, елей безмятежно шествовала Тварь. Большая, с породистого быка размерами.

Отряд замер на месте. Тяжеловоз задумчиво пробежал вперед несколько шагов, остановился, без хозяйской команды развернулся и снова занял свое законное место в арьергарде.

— Заметно, что мы приближаемся к Ронину, — усмехнулся Гвайнард. — Конан, знаешь, что это такое?

Варвар подозрительно оглядел бредущее по лесу чудовище.

Отдаленно смахивает на дарфарского крокодила-переростка, однако ноги подлиннее, хвост покороче, чешуя кирпично-красная, морда не заостренная, а тупая. Вышагивает с таким ленивым достоинством, что любой король позавидует.

За Конана ответил Эйнар:

— Болотный ящер. Крайне опасный хищник. Конан, не хватайся за оружие — животное недавно пообедало, по походке видно. Когда ящеры сыты,

они не нападают. Зверюге до нас нет никакого дела. Пройдет мимо и не заметит.

— Займемся? — деловито спросила Астерд, но Гвай отмахнулся:

— Вблизи нет человеческих поселений, а заказа нам никто не давал. Пускай живет. Один вопрос, откуда в чистом лесу появилась тварь, предпочитающая болота?

— Мы на вершине холма, — быстро подсказал Эйнар. — Под возвышенностью — трясина. Ящер наверняка прогулялся через холм за добычей, а теперь возвращается домой, в логово.

— Логично, — согласился Гвай, наблюдая, как красноватый зверь медленно уходит в глубины леса. — Поехали, чего стоять! К закату надо быть в Ронине. Ужасно не хочется встречаться с фамильным проклятием нашего несчастного эрла. С этим чудом природы мы не справимся.

Лошади перешли на мелкую рысь, предводитель ватаги вместе с Конаном ехали впереди, Астерд и Эйнар немного отстали, толкуя о чем-то своем.

Тяжеловоз (как выяснилось, боссонца звали Мальпом, чему варвар, двадцать лет назад, еще в Шадизаре, носивший аналогичную кличку, едва не обиделся) тяжело топотал позади.

— Гвай, я уже третий день слышу о проклятии Ронинов, но доселе никто не удосужился объяснить, что это такое, — окликнул предводителя Конан. — Демон?

— Никто не знает, — Гвайнард рассмеялся. — Демон, живое существо, нечистая сила?.. Последнее всего вероятнее. Ты первый раз оказался в Райдорском герцогстве?

— Второй. Лет семь-восемь назад проходил мимо. Не задерживаясь. Тогда здесь было хорошо. Пиво вкусное и люди замечательные. Добрые.

— Тогда слушай. Если ты по своей воле записался в нашу бравую ватагу, придется открыть некоторые маленькие тайны Райдора...

* * *

Вот, что рассказал Гвай.

Полуночная область Бритунийского королевства не зря славилась обилием многоликой нечисти и нежити.

Начать хотя бы с Рудненского замка, что расположен в танстве Кернодо. По клятвенным заверениям местных жителей, разрушенный замок, многие сотни лет назад построенный исчезнувшими альбами, теперь населяли каттаканы. Упыри. Но не простые упыри, а хорошие.

Обитатели Кернодо (танство располагалось в сорока лигах к Восходу от Ронина, куда направлялся отряд) платили невеликую дань упырям, а те, в свою очередь, защищали кметов и дворян от различных напастей, наподобие банальных медведей-шатунгов, разбойников, пришедших с набегом дружин Вольных баронств Пограничья, а заодно и самой натуральной нечисти: болотные хохотунцы, гигантские поющие жабы или, допустим, лесные призраки, питающиеся человеческой плотью, рудненскими упырями уничтожались беспощадно — стоило доставить к воротам замка подарки и вежливо попросить. Каттаканы Рудны никогда не кусали людей, пробавляясь дикими животными.

Упырей одновременно и боялись, и уважали.

Однако, существовали и другие каттаканы. Плохие. Вроде того существа, на которого сейчас ехали охотиться Гвай, Конан и компания. Дикие упыри селились в предгорьях, без всякого разбора жрали и людей и животных, а единственными способами борьбы с этими тварюгами было слабенькое колдовство деревенских шаманов или верные клинки Дербников...

В почти бесконечном списке райдорской нечисти особняком стояло фамильное проклятие эрлов Ронина.

Отдаленный предок вельможного Алаша Ронина по пьяной глупости обесчестил родную сестру волшебника, входившего в конклав Белой Руки Гипербореи. Маг не остался в долгу — он проклял все семейство эрлов до сорокового колена, вызвав неизвестно откуда леденящее кровь чудовище, поселившееся в болотах, прилегающих к замку.

Трехглавый огнедышащий пес уже больше столетия навел панику на всю округу, изредка появляясь из трясин и непринужденно гуляя по окрестностям замка эрлов. Если подходить к вопросу научным образом, то выходило, что многоголовая собачка, серебряной с черными полосами масти, являлась именно нечистой силой: ее видели исключительно по ночам и только за пределами крепости Ронин, псина опасалась даже факельного света и некоторых заклинаний деревенских колдунов. Митрианских оберегов и арбалетных болтов с серебряными наконечниками тварь боялась как огня, и мигом убегала обратно, в болота. Но не всегда.

Проклятие было весьма действенным. Никто из потомков беспутного эрла не дожил до пятидесяти

лет. Каждый наследник мужеского и женского пола рано или поздно умирал при весьма таинственных обстоятельствах, а на теле убиенных всегда обнаруживались следы чудовищных клыков. Ронины отчаянно сопротивлялись: семья была богатой, ибо владела почти неисчерпаемыми серебряными рудниками в Граскаале, а посему за немыслимые деньги нанимались маги, Дербники или просто отчаянные бойцы, вызывавшиеся прикончить демоническую собаку. И все охотники (среди них был даже колдун из Черного Круга!) погибали. Все, до единого!

Третьего года, нынешний эрл Алаш, выложив не менее одной пятой впечатляющего семейного состояния, пригласил знаменитейшего мага Тот-Амона, из Птейона, однако стигийский колдун осмотрев местность и проведя тщательные исследования, вернул деньги и отказался работать. Сказал, будто избавить Ронинов от проклятия ему не по силам. Надо обращаться не к людям, а к богам.

С тем Тот-Амон холодно раскланялся и отбыл в неизвестность, построив магический портал, ведущий незнамо куда.

Знакомых богов у молодого Алаша Ронина не было, а потому...

Потому, Гвай и его небольшой отряд некогда получили заказ от ронинского эрла на изведение твари, приняли его, но, издали посмотрев на чудовище, тоже возвратили Алашу аванс и отказались от дела. Уничтожить одного из самых страшных демонов Черной Бездны (или откуда он там вылезает?) человеку не по силам. А как только серебристо-полосатый Триголов чувствует, что на

него охотятся, он сам начинает охоту. И никогда не проигрывает.

Гвай привел еще один, почти несокрушимый довод, оправдывающий его отказ заниматься проклятием Ронинов. Огнедышащий пес стал легендой. Волшебной, пусть и жуткой, сказкой. Настоящей достопримечательностью герцогства. Даже самый известный на Закате сочинитель страшных баек, Стефан Король Историй, чьими рассказами зачитываются и дворяне, и простецы, описал Триголова в одной из повестей! А сказку разрушать нельзя.

Кроме того, чудовище охотится только на потомков Ронина и не трогает обычных людей. По расчетам Гвайнарда многоголовая псина совершает одно убийство раз в двадцать пять лет, если не считать незадачливых охотников, которые сами напрашиваются...

Четыре человека за столетие — это несерьезно. Гораздо серьезнее «беленый каттакан», вырезающий целые деревни. Ночные стражи трудятся ради спокойной жизни обычных людей. И только во вторую очередь — ради денег. В том-то закон и правда.

Такие дела, киммериец...

* * *

Вот он, Ронинский замок!

Предки эрла Алаша выбрали для строительства родового гнезда весьма оригинальное местечко, но традиции соблюли. Квадратная каменная коробка без единой башенки воздвигалась на вершине скального выхода, поднимающегося возле пологих

холмов. Скала очень высокая, около четверти лиги. И невозможно крутая.

Оригинальность состояла в окружающем пейзаже: с Заката и Полуденного заката маленькое укрепление окружали болота, поросшие мелким сосняком и худосочными березками, едва достигавшими трех локтей в высоту. Со стороны болот простиралась равнинная часть владений Ронин, а прочие части света украшались лесистыми возвышенностями, плавно перераставшими в непреодолимую стену Граскаальского хребта, украшенную по верхней кромке серебристыми шапками ледников.

Замок стоял точно на границе неосвоенных чащоб и жутковатых в своей вековой молчаливости топей.

Со стороны леса к скале прилепилась деревня. Совсем небольшая, раз в пять меньше Райдора. Ничего особенного: частокол из заостренных сверху бревен, над соломенными и дранковыми скатами выются почти невидимые голубоватые дымки. Солнце постепенно уползает в глубины болот, отдавая миру последние красноватые лучи.

Кажется, будто замок Ронин облит кровью...

Полнейшая тишина, нарушаемая только перестуком копыт.

Ворота деревни оказались запертыми.

— Открывай! — привычно заорал Конан, едва отряд приблизился к тыну. — Не бойтесь, мы не упыри, а всего лишь вурдалаки!

— Кто таков? — угрюмо осведомились со стены. Над частоколом показалась заросшая по самые глаза физиономия ронинского стражника в древнем шлеме-шишаке. — Откуда, зачем?

— Вельможный эрл не предупреждал, что Ночные стражи придут? — осведомился Гвай. — Сам-то господин прибыл?

— Как же, сиятельный еще днем приехать изволили... — задумчиво ответил медведеподобный блюститель. — Вас обогнали. Сейчас открою, почтенные. Только давайте попустрей, ночь близко. А ночи у нас беспокойные.

Левая створка ворот, со страшным скрипом заржавленных петель, отошла в сторону. Дербников окружил десяток стражников и обычных кметов, назначенных старейшинами в дозор. Потребовали слезть с лошадей. Гвай невозмутимо подчинился, его примеру последовали остальные.

Дальше началась сущая комедия. Ронинцы приложили ко лбу каждого гостя серебряный амулет с солнечным коловоротом, приказали открыть рот — вдруг обнаружатся упыринные клыки? — и только потом отпустили с миром, указав, где находится единственный в Ронине постоянный двор с лирическим наименованием «Свинья и котел».

— Да, запуганы они основательно, — ворчал Гвай по пути через деревню. — Если уж не верят людям, присхавшим на лошадях, от которых нечисть шарахается, будто от живого пламени, значит эрл не зря поднял панику и нанял Ночных стражей. А, вот и таверна. Асгерд, Эйнар, займитесь лошадьми и поклажей, а мы с Конаном прогуляемся в замок. Надо повидаться с вельможным Алашем. Если он еще со страху не помер.

— Темнеет, — напомнил киммериец. — Может, переждем до утра?

— Конан, от упыря не спасет самая высокая и крепкая стена, — укоризненно заметил Гвай. —

Каттаканы способны преодолевать любые преграды. Их не отпугивают серебро, заклинания или обереги. Таким образом, получается, что если упырь задумает напасть именно на тебя или меня, неважно где именно это произойдет. В замке, на улице или в пужнике. Астерд, присматривай за Эйнарм!

Подошли двое конюхов, заинтересовавшихся поздними визитерами, с радостью узнали, что приехали Ночные стражи и сразу принялись помогать нордхеймской девушке и разговорчивому брелайхэн. Конан вместе с Гваем быстро зашагали к подножию скалы.

* * *

— ...Ф-фу! — варвар утер пот с лица. — Теперь я понимаю смысл выражения «неприступная крепость! Как они сюда коняг заводят?

— Да никак. Лошадки вельможного эрла стоят в конюшне, внизу. Сюда кроме человека, кошки и упыря никто забраться не может.

Доблестные охотники стояли на единственной ровной площадке скального выхода, прямоком перед воротами крепостишки Ронинов. Гвай заметил, что неудобная тропа недаром именуется «Пыхтелкой», а Конан с ним немедленно согласился — тропка, ведущая к замку, больше подходила горным козлам, а не людям. Крутая, осыпающаяся, извивающаяся между гранитных зубьев будто пьяная змея, идти можно только по одному, цепочкой... Неужели Ронины настолько боятся семейного чудища, что не удосужились проложить наверх более удобную дорожку? Ночью будешь спускаться — ноги переломает. Или просто сорвешься и

загредишь вниз. Результат вполне предсказуемый: свернутая шея.

— Красиво, — сказал киммериец, рассматривая окрестности с огромной высоты. — Никогда ничего подобного не видел.

В сумерках княжество Ронин казалось разделенным на две равные половинки. По левую руку тянутся более светлые поля болот, справа — черно-зеленые пушистые дебри. Шутка богов. Незримые словно ударили мечом по неизмеримым пространствам полуночной Бритунии, разрубив страну надвое. Граница топей и чащоб проходила по совершенно прямой линии, теряясь за горизонтом.

— Бек бы этой красоты не видеть. Конан, ты неисправимый романтик. Наверное, поэтому и согласился с нашим предложением? — Гвай сплюнул и еще несколько раз саданул кулаком по окованным вратам замка. — Куда люди подевались? Упырь всех перекусал? Так рано еще для упыря, чересчур светло...

Открыли калитку. В проеме образовались трое дружинных — по уши в драных кольчугах. Оголо-вья, кольчужные чулки и рукавицы, усиленные железными накладками нагрудники. Гвай вздохнул. От каттакана никакой доспех не спасет.

— Ночные стражи, к вельможному эрлу, — проворчал Гвайнард. — Нас ждут... Точнее, должны ждать.

— Как же, судари, имеем извещение от славного нашего господина. Идемте. Проводим тотчас.

Кольчужные провели охотников через маленький дворик, впустили на узкую лестницу и благополучно доставили на второй этаж. Пахло мышами и жареной свининой.

— Вот сюда проходите, — гудел старший, наверное, десятник. — На эти лавки располагайтесь. Только осторожнее, месьоры Ночные стражники, у того сидения ножка поломана, вместо нее кирпичики лежат. Я — Хольм, начальствую над караулами. Это вот Ларс. Главное, не поворачивайтесь к нему той стороной, где кошелек — ручонки у него независимо от рассудка работают. А к Бренду никогда не поворачивайтесь, я дико извиняюсь, задницей. Счас вельможного позовем. Ихняя светлость книжки смотреть изволят в зале, по-умному имеваемой читательной...

Конан был готов от души посмеяться, Гвайнарда тоже прыскал в кулак. Вот она, дремучая ронинская патриархальность, во всей пленительной красе!

— Добро пожаловать, господа! — со стороны двери небольшой и очень неуютной комнаты раздался высокий голос молодого эрла. — Я обогнал вас всего на несколько колоколов, благо выехал из коренного Райдора в тот же вечер, сразу после нашей беседы. Как вам нравится в Ронине?

— Просто-таки дивно, — Гвай решил не вдаваться в подробности. — Особенно здешняя стража умиляет.

— А других где взять? — тяжело вздохнул Алан Ронин. — Сожалею, но вам тотчас придется вернуться в деревню. Мой каштелян сообщил, будто прошлой ночью явился волшебник, месьор Рэль, и сказал, что будет ждать Дербников в «Свинье и Котле» после полуночи.

«Каштелян — управитель, ведающий хозяйством, конюшнями и казной, — перевел Конан с местного наречия, на ставший привычным аквилон-

ский язык. — Отлично, поглядим, какие у вас тут волшебники разгуливают...»

— Вина? — нетерпеливо спросил Ронин. — У меня есть и «Либнум» и «Золотая Лоза».

— Благодарим, лучше завтра, — отрезал Гвай. — Пока вельможный отсутствовал, упырь не появлялся?

— Тварь похитила еще трех человек, двоих убила, — эрл горестно покачал головой. — Я распоряжусь, чтобы вас проводили до подножия скалы. С факелами. Тропинка немного запущена. И... И будьте осторожнее. Семейное привидение в последние дни распалилось — его видели позпрошлой ночью на главной улице деревни. Совсем обнаглел, мерзавец, уже в поселок забирается. Не к добру это... Переговорим с утра. Прощайте.

Эрл Ронин коротко поклонился и вышел. Взамен показалась озабоченная физиономия десятника Хольма.

— Соизвольте, вельможные, проследовать до низу. Факелы сами понесете, а то нам неудобно — копы в руках. Вдруг пригодятся супротив упырей?

Гвай громко фыркнул и доверительно спросил у Конана:

— Ты запомнил, к кому из них нельзя поворачиваться фундаментальной частью задней половины туловища?

Варвар, не сдерживаясь, расхохотался в голос.

* * *

Постоялый двор «Свинья и котел» несколько отличался от тысяч собратьев, украшающих собой

города и поселки Заката. Одноэтажность отлично компенсировалась длиной дома — шагов двести, не меньше. Крыша соломенная. Половина строе-ния отдана под громадный обеденный зал, другая разделена на темные маленькие каморки — комна-ты для гостей. Гости же, кроме Ночных стражей, в «Свинье» не наблюдалось. Зато явилось великое множество местных — посмотреть на Дербников. Ночью, в темноте пришли, не убоялись! Верили, что знаменитые охотники на чудовищ защитят в случае любых неприятностей.

— Боги незримые, наконец-то вы явились, — с жалобной интонацией сказала Асгерд, когда Гвай и Конан протолкались к столу. — У Эйнара язык как помело, но я-то не двужильная! Совсем заму-чили — расскажи то, расскажи это. Теперь сами отдавайтесь. Кстати, у меня две плохих новости.

— А именно? — насторожился Гвай.

— В так называемых «комнатах» ночевать нель-зя. Клопов больше, чем звезд на небе. Зажрут на-смерть, никакой упырь не понадобится. Засим: те-бя, как предводителя ватаги, намереваются испы-тать тутошные задиры. Им, понимаешь, не верится в нашу силу.

Гвайнард почесал в затылке и ответил:

— Ночуем на сеновале, никакой страшный ку-сачий зверь не доберется. А насчет забияк... Я не буду возражать.

Он повернулся к притихшей толпе ронинцев, сгрудившихся вокруг стола Ночных стражей и с самым невинным видом осведомился:

— Кто здесь меня проверять захотел?

— Ты, что-ль, начальствуешь? — хмуро спросил безбородый парень из ронинской деревенской мо-

лодежи. — Тю! Я-то думал ватагой длинный ко-мандует...

Все посмотрели на невозмутимого Конана, по-тягивавшего накрепчайший черный эль. Кимме-риец на взгляды не ответил, сосредоточившись на содержимом кружки. Посмотрим-посмотрим, как Гвайнард выкрутится!

Из толпы вытолкнули местного богатыря. За-смотришься — эдакий человечище! Ростом на пол-головы превосходит отнюдь не маленького Конана, плечищи медвежьи, руки в тугом сплетении мышц и синеватых жил, шея бычья. Однако, посматрива-ет смущенно.

И молод совсем — не больше двадцати зим на свете прожил. Невысокий Гвай рядом с ним ка-жется малым ребенком.

— Во! — загалдели ронинцы. — Арта на кула-ках поборешь, поверим!

— Давайте, — скривился Гвайнард. — Столы отодвиньте, чтоб место было. Здесь поборемся. На улице темно...

— Может, лучше длинного выставишь, заради потешного поединка? — сконфуженно проговорил могучий Арт и еще больше покраснел. — Ведь за-шибу...

Конан непроизвольно сжал кулаки.

Поборотся можно, но только не с живой осад-ной башней! Нет, киммериец не боялся, просто сразу начал прикидывать, как можно завалить та-кого исполина. Потребуется хитрость, а не грубый мордобой...

Гвай на Конана и не посмотрел. Ждал, пока тя-желые столы уберут к бревенчатым стенам. Вы-шел на середину. Руки висят расслабленно, на ли-

це философическая задумчивость. Астерд была спокойна, как скала. Броллайхэн откровенно ухмылялся.

Громила Арт атаковал первым — попытался нанести прямой удар в челюсть. Если бы попал, Гвай недосчитался бы половины зубов.

Дальнейшего никто, включая внимательного Конана, не увидел. Слишком быстро произошло. Гвай непонятно как ушел от сокрушительного тарана, нырнув вниз и правее. Смазанной полоской мелькнула его правая рука.

И сразу все кончилось. Арт тяжело повалился на золотистую солому, устилавшую пол. Ронинский боец пребывал в состоянии бессознательном.

Конан закашлялся. Местные изумленно загудели.

— Гвайнард Один Удар, — удовлетворенно хмыкнула Астерд. — Предпочитаю быть его другом, а не врагом. Киммериец, не удивляйся. Таким манером нас в каждой деревне испытывают. И мы всегда доказывали... Эй, вы чего делаете?!

Восторженная толпа ронинцев схватила Ночных стражей, силой подтащила к столу, усадила. И началось...

Пиво и эль — бочонками. Дичь и свинина — горой. Нашли даже кувшин кислого вина — редкость! Все для почтенных гостей! Ай да предводитель охотников! Арта поверг, не кого-нибудь!

Самого Арта мигом унесли шестеро крепких бородачей — пускай отлежится!

— Истинно бритунийское гостеприимство, — посмеивался Гвай, — Точнее, ронинское. Ты кушай, варвар. Теперь нам все бесплатно. В любом доме Ронина.

— Как у тебя получилось? — не переставал изумляться Конан. — Как? Этот верзила и меня уложил бы с такого удара! Шею бы запросто переломал!

— Быстрота, точность, спокойствие. И лишь самую малость грубой силы. Это еще один непреложный закон Ночных стражей. Ничего сложного, Конан. Рано или поздно научишься.

Ночной праздник так бы и продолжался, не появившись на пороге «Свиньи и котла» примечательная личность.

Черные одежды, глубокий капюшон, серебряное украшение на груди — маленький тощий дракончик, впившийся зубами в собственный острый хвостик. Ладони гостя затянuty в кожаные перчатки.

Люди внезапно замолчали. Расступились, пропуская мрачного визитера. Отошли подальше.

— Месьор Гвайнард, если не ошибаюсь? — проговорил незнакомец, подойдя к столу. — Меня зовут Рэль. Побеседуем?

— Побеседуем, — Гвай медленно встал, внимательно глядя на черноплащного. — Не здесь, разумеется. Ребята, Астерд, пьянку заканчиваем. Быстро топайте к сеновалу. Там удобнее всего. И клопов нет.

Конан, подчиняясь приказу, шагнул к выходу. И успел расслышать тихий вопрос предводителя отряда:

— Если я правильно понял, вы прибыли из Рудны?

— Именно. Пойдемте, сударь. Не будем смущать бестолковых кметов. Не по их уму разговор.

Глава третья,

*в которой Конан с изумлением слушает
объяснения удивительного «волшебника»,
встречается с проклятием эрлов Ронинов,
а затем оказывается в дальней деревне,
возле которой видели каттакана.*

Устроились с удобствами — взобрались на огромную копну душистого летнего сена, расстелили мягкие войлочные плащи, хозяйственный Конан, утащивший со стола жбанчик с полюбившимся черным элем, хлеб и резное блюдо с нежнейшей кабаньей грудинкой, вынул из дорожного мешка деревянные стаканчики, которые всегда возил с собой, а волшебник по имени Рэль организовал освещение: под потолок сеновала взмыл светящийся теплым золотом огненный шарик. И красиво, и безопасно — не вспыхнет сухая трава.

Странный колдун доселе не решился отбросить капюшон. Ждал, пока достопочтенные охотники расположатся и будут полностью готовы к долгой беседе. Если Конан косился на месьора Рэля с по-

дозрением, то Гвай и Асгерд были абсолютно хладнокровны, а неугомонный Эйнар даже поглядывал на ночного гостя с оттенком уважения.

«Они его знают, — догадался киммериец. — Неважно, лично или понаслышке. Если бы Гвайнард хоть немного опасался мага, не выглядел бы так спокойно. Интересно, кто такой этот Рэль? Колдун-отшельник, какие обычно поселяются в горах, пустынях или чащах, чтобы никто не мешал постижению тайн сотворенного мира?»

Варвар очень жестоко просчитался. Месьор Рэль не являлся отшельником, не был знаменитым деревенским шаманом, да и настоящим волшебником, по большому счету, тоже считаться никак не мог.

Магические способности месьора Рэля были не приобретенными в результате долгих лет обучения, а врожденными.

— Предпочитаю обращение на «вы», пускай это и не принято в Бритунии, — без лишних предисловий начал Рэль, усевшийся на широкую потолочную балку, проходившую в двух локтях над импровизированным ложем Ночных стражей. — Уважасмый Гвайнард, в вашем отряде пополнение? Представьте меня, пожалуйста. Я не хочу возникновения... нежелательных трудностей.

Гвай задумчиво кашлянул, потом проникновенно взглянул на киммерийца и осторожно, будто подыскивая нужные слова, спросил:

— Конан, как ты относишься к не-людям? К представителям других разумных рас?

— Спокойно, — развел руками варвар. — У меня отыщутся хорошие друзья и среди гномов, и воплощенных духов, и рабирийских гулей. Даже

один знакомый дракон имеется, причем не простой дракон, а настоящий герольд. Не-люди, конечно, отличаются от человека, но это вовсе не значит, что все они плохие или опасные.

— Очень хорошо, — согласился Гвай. — Месьор Рэль тоже не является человеческим существом. Он каттакан.

— Повтори? — Конан решил, что ослышался. — Каттакан? В смысле, упырь?

— Нет. Не вампир, не упырь и не демонический монстр. Наш гость — живое существо. И, видимо, нам придется друг другу помогать. Такое уже случалось раньше, несколько лет тому...

— Позвольте, я объясню, — перебил месьор Рэль. Поднял руку, стянул черный капюшон и слегка улыбнулся, не разжимая губ. — Никто не расскажет обо мне, лучше меня самого.

Конан едва подавил желание шарахнуть в сторону и схватиться за меч. На киммерийца взирало существо, имеющее лишь самое отдаленное сходство с человеком.

Очень бледная, с нездоровой сероватостью и голубыми тенями, кожа. Лицо вытянуто, нижняя челюсть широкая и острая, нос длинный, крючковатый, с подвывернутыми ноздрями. Тонкая, искривленная усмешкой, полосочка темно-синих губ. Голый череп без единого волоска украшают плоские, заостренные кверху, огромные уши.

Глаза месьора Рэля, вообще, описать сложно: золотисто желтые, без зрачков и белка, размеренно пульсирующие и отражающие свет так, что создается полное впечатление, будто на тебя смотрят два круглых кхитайских фонарика. И в то же время вполне человеческое сложение туловища: ру-

ки-ноги, грудь-живот, голова. Пальцы, скрытые черной кожей перчаток, по-паучьи длинные.

Неприятное впечатление. Настоящий вампир из сказок. Легендарных кровопийц всегда точно так и описывают, не отличишь предание от реальности...

— Итак, меня зовут месьор Рэль, — наклонив уродливую голову, сказал не-человек. — Если полностью — Рэльгонн. Я владею крепостью Рудна и постоянно живу там уже несколько тысячелетий, со времен падения Небесной Горы. Вместе с несколькими близкими родственниками. Среди людей я могу считаться вампиром, но в действительности таковым не являюсь. Я — Хранитель. Земли Полночной Бритунии находятся под моим покровительством и я предпочитаю помогать людям в случае появления опасности, с которой человек не может справиться. В минувшие дни наступил весьма опасный кризис, который нам всем придется разрешать. По мере сил и возможностей. Рад встрече, уважаемый Конан Канах. Я имя не перепутал?

— Не перепутал, — буркнул киммериец. — Я и есть Конан Канах.

Варвар был озадачен. Если это странное человекоподобное существо называет себя каттаканом, то на кого в таком случае охотится ватага Гвайнарда? Правильно, тоже на каттакана. Только...

Что Гвай рассказывал о Рудне? Верно: это замок в соседнем танстве Кернодо, в котором обитают «хорошие упыри». Однако, само значение слова «упырь» ничего приятного не сулит. Ночной кровопийца, тварь, похищающая людей (чаще всего — невинных младенцев или целомудренных девиц...),

а если немного пофантазировать, используя в качестве основы древние сказания, то на ум сразу приходят кровавые оргии с залихватскими плясками на гробах, мрачные склепы, черепа невинно убиенных, оскверненные могилы и прочие скромные радости вампирьей жизни.

Стоп. Отбросим досужие выдумки и рассудим трезво. Гвай месьора Рэльгонна не боится и относится к каттакану со сдержанным почтением. Дух природы, броллайхэн, говорливый Эйнар, который по заповеди незримых богов обязан хранить обитаемую Сферу от иномировых вторжений, в присутствии упыря насквозь невозмутим. Асгерд тоже не видит в Рэльгонне ничего особенного — перед ней будто бы восседает старый приятель.

Вывод прост: сначала надо разобраться, а потом делать соответствующие обстановке умозаключения. Не может быть, чтобы профессиональные охотники за монстрами снюхались с нечистой силой и заключили с оной братский союз. Достаточно вспомнить, что достойная госпожа Ринга, графиня Эрде, старинная подруга Конана, тоже не человек, а урожденный вампир — гуль из Рабиоров. И Ринга сумела завоевать доверие не кого-нибудь, а великого короля Трона Дракона, государя Нимеда Первого!

Значит, не каждые вампиры опасны. Логика безукоризненна!

— Конан, я тебе говорил, что моя ватага работает исключительно в Бритунии, — пустился в объяснения Гвай. — Пограничье, различные графства Немедии или, допустим, Аквилонию, охраняют другие отряды Ночной стражи. По кодексу Дербников, приходиться без разрешения на чужую терри-

торию и там работать — не разрешается. Только если тебя попросят о помощи Стражи близлежащих земель, можно пересечь границу. Каждый Дербник, за много лет трудов, досконально изучает выбранную страну. Мы обязаны знать самые опасные области, где водятся чудовища, все положительные и отрицательные стороны местности, надо обязательно завести дружбу со всеми обитателями государства, начиная от верховной власти и заканчивая распоследним кметом с забытого хутора. И следует помнить, что у Ночного стража всегда отыщутся если не верные союзники, то надежные помощники. А кто эти помощники — неважно. Когда-то мне пришли на выручку граскальские гномы. В другом случае я был готов договориться с альбами... При посредничестве Эйнара, конечно.

— Альбами? — вытаращился Конан. — Сказки! Альбы давным-давно вымерли!

— Абсолютно ничего подобного, — проскрипел со своей балки желтоглазый каттакан. — Несколько сотен Бессмертных и поныне находятся в кругах обитаемого мира. Если угодно, Эйнар тебе все расскажет. Броллайхэн родственны альбийскому народу.

— Это истинная правда, — ответил Эйнар на недоуменный взгляд варвара. — Некоторые Бессмертные не успели уйти за Грань Мира и навсегда остались в Хайбории. Человек не найдет дорогу к их тайному городу, но я умею ходить по тайным альбийским тропам и всегда буду желанным гостем в скрытом от человека Аэльтунне. Так именуется альбово поселение. От Ропина до Аэльтунна около шестидесяти лиг по прямой.

— Беда на мою седую голову... — Конан набрал полную грудь воздуха и шумно выдохнул. — Я всегда предполагал, что мир устроен довольно сложно, однако и догадаться не мог обо всех тайнах обитаемой Сферы! Сколько нового можно узнать! Альбы, каттаканы... Невероятно!

— Более чем вероятно, — веско заметил упырь. — Я почти бессмертен. Если выразаться совсем точно, отдаленно смертен — мне отмерян срок жизни во многие десятки раз больший, чем у людей. Так вот, я живу в Хайбории около восьмидесяти столетий. Я очутился здесь сразу после великой катастрофы, низвержения Небесной горы, рухнувшей примерно в семистах лигах к Полночному закату от Райдора. Наблюдал большинство самых важных исторических событий, воздвижение гор и затопление океаном Закатных земель, непрестанную чехарду жизни и смерти... И доселе я не могу разобраться во всех секретах этого удивительного мира, ставшего теперь моим пристанищем и домом. Не надо расстраиваться, уважаемый господин Конан. Все тайны известны лишь Тому, кто осуществил великий акт Творения...

— Может, эля хлебнем? — заикнулся Эйнар, поглаживая доставленный варваром жбанчик по гладкому прохладному боку. — И займемся делом?

— В самую суть попал, — Асгерд отобрала у броллайхэн маленький бочонок и умело выбила пробку. — Киммериец, давай сюда чарочки. Месьор Рэль, отведаете человеческого питья?

— Отведаю, — милостиво согласился упырь и взял стаканчик тонкими пальцами. — Я могу питаться вашей пищей и пить ваши напитки. Эйнар безоговорочно прав: мы собрались в Ронине не ра-

ди философических бесед. Перед нами враг, которого следует наивозможно быстро уничтожить.

— Тоже каттакан? — язвительно бросил Конан.

— Да, каттакан. Мой неразумный сородич. Вернее будет сказать: не обладающий настоящим разумом. Однако, он владеет всеми преимуществами нашей расы... Достойные месьоры охотники, очаровательная госпожа Асгерд, позвольте выпить за общую удачу и быструю победу!

* * *

Когда до постоянного двора донеслись два раската ночного колокола, бывшего в Ронинском замке, киммериец понял, что следует ненадолго покинуть теплую компанию и прогуляться до скромной деревянной будки с покосившейся скрипучей дверью. Так или иначе, рассказ каттакана из Рудны выслушает и запомнит Гвай, которому Конан обязан подчиняться. Остальное просто — выполнять приказ.

Рэльгонн заверил варвара, будто в окрестностях «Свины и котла» сейчас безопасно: «дикий» каттакан обязательно ощутит присутствие разумного сородича и ни за какие коврижки не сунется к постоянному двору. Конан на это ответил, что коврижки упыря интересуют меньше всего, ибо тварь предпочитает пищу пожиже и погорячее. Стражи посмеялись, даже рудненский каттакан фыркнул.

...Объяснения Рэльгонна звучали крайне неутешительно. Упырь (Конан, хоть убей, не мог называть «волшебника» по-другому! Как упыря ни назови, суть останется неизменной), в течении долгого и весьма обстоятельного рассказа, поведал Ноч-

ным стражам на кого именно объявлена большая охота. Гвай и Эйнар, отчасти знакомые с природой каттаканов, молча кивали, а Конан и Асгерд непрерывно переспрашивали, желая узнать любые тонкости грядущей погони за кусачим ночным призраком.

Если объединить все полученные от Рэльгонна сведения в несколько коротких и понятных каждому фраз, выходило следующее. «Дикие» или «бешеные» каттаканы приходились владельцу Рудны прямыми родственниками, но почему и как они одичали, Рэльгонн не ответил. Сказал только, будто «отсутствие необходимого воспитания» сделало их существами, которые подчиняются не разуму, а очень развитым инстинктам. Дикари не понимают, что охотится можно только на животных и не трогать людей. Заодно месьор Рэль подтвердил некоторые известные легенды.

Каттакан, что дикий, что обыкновенный, обязан питаться кровью двенадцать раз в год, на полнуние. Днем каттакан спит, опасаясь солнечных лучей, которые могут болезненно обжечь его нежную белую кожу, а ночью выбирается на охоту. Упырь обладает уникальными врожденными талантами, которые ставят его на несколько ступенек выше любого человека, даже знающего колдуна: каттаканы способны мгновенно перемещаться с места на место, покрывая за время одного удара сердца целые десятки или сотни лиг! Однако, у каждого упыря есть собственные охотничьи угодья, которые он редко покидает.

Каттакан умеет изменять форму тела, маскируясь под зверей или человека. У него мощные челюсти, украшенные огромным количеством ост-

рейших треугольных зубов, сходящихся друг с другом наподобие колесиков шестеренок (когда Рэльгонн продемонстрировал Стражам свои зубы, даже имеющий огромный опыт в охоте на монстров Гвай поморщился). Атакует каттакан как в человекоподобном обличье, так и под другими личинами, но предпочитает принимать вид гигантской летучей мыши — удобнее выслеживать добычу.

Тактика нападения довольно проста: увидев жертву с высоты, упырь бесшумно планирует вниз, сбивает человека с ног и умерщвляет. Если поблизости нет других людей и каттакану ничего не мешает, он пожирает жертву на месте, а в случае любой опасности мигом исчезает с места преступления, прихватив с собой убиенного.

Случается это довольно часто, поэтому лучше быть человеком без воображения, дабы не представлять себе внутренний вид логова упыря — сразу всплывают в памяти наиболее кошмарные истории про вампиров...

Если добыча скрывается в доме, каттакан вновь употребляет способности к перемещению, и спастись от упыря невозможно даже в самом глубоком каменном каземате с десятком дверей, запоров и засовов. Если он учуял жертву и на нее нацелился, остается надеяться на чудо. А чудеса происходят редко.

Как убить каттакана? Сложно. Невероятно сложно. Особенно ночью, когда упырь бодрствует и охотится, когда все его инстинкты направлены на выживание и поиски добычи. Он быстр, расчетлив и очень хитер. Если удастся поразить его клинком или стрелой, каттакан моментально вернется в логово и спустя несколько ночей снова бу-

дет здоров. Даже если отсечь ему все конечности и голову, забить в сердце легендарный осиноый кол и похоронить, дикий каттакан полностью восстановится примерно через полгода, вылезет из могилы и снова примется убивать. В отношении выживаемости упырям могут позавидовать даже почти неуязвимые броллайхэн.

Однако, как и всякое живое существо, каттаканы боятся огня. Если удастся его оглушить, спеленать и приволочь на костер, упырь погибнет. Сгорит. Как оглушить? Есть несколько ненадежных способов, людям, опять же, недоступных. Самый верный способ — отыскать убежище упыря ясным днем, пока он крепко спит и теряет часть преимуществ над человеком, вытащить тварь под солнечные лучи, и подождать немногим менее полуколокола. Каттакан быстро умрет — в мире, из которого пришли эти существа, солнце очень маленькое, красноватое, холодное и удаленное от обжитой Сферы, а потому жаркое солнце Хайбории для упыря губительно.

Хуже другое: каттаканы умеют великолепно прятаться. Рэльгонн привел в пример самого себя и разумных собратьев, с которыми он жил в древней Рудне. Они выбрали пристанищем полуразрушенную альбийскую крепость, нашли заложенные на большой глубине лабиринты, замуровали любые выходы наверх и теперь никто из людей не сможет отыскать тайное убежище каттаканов. Для верности на пути стоят неодолимые преграды и магические ловушки. Сами упыри, в буквальном смысле этих слов, владеющие искусством «проходить сквозь стены», никаких неудобств не испытывают и ничуть не боятся чужого вторжения.

Каттакан не-разумный, а ведомый инстинктом, вполне способен устроиться в глубочайшей горной пещере, отыскать которую не сможет никто. Или выберет логовом подвалы хуторского дома, забытого и заброшенного людьми сотню лет назад. Или может запросто поселиться в замурованной комнате замка вельможного эрла, а люди и догадываться не будут, что за каменной кладкой, всего в нескольких локтях от караулки, нужника или тронной залы, укрылся их враг...

И, наконец, самое неприятное. Рэльгонн не знал, почему каттакан-дикарь пренебрег установленными самой природой законами, и начал охотиться постоянно, а не только во время полнолуния.

Для ночной расы упырей такое поведение было исключительно странным и прежде не наблюдалось ни самим Рэльгонном, ни месьюрами охотниками. Гвай однажды сталкивался с одичавшим каттаканом, портившим домашний скот в танстве Бергис и убившим двоих человек, но и тогда упырь предпочитал держаться подальше от людских поселений — чувствовал, что ничего хорошего из этого не выйдет. Вдобавок, нападения происходили в надлежащее время, при полной луне. Тогда упырь ретировался сам, заметив, что на него устроена облава — интуиция у каттаканов на высоте. Скорее всего он перебрался в горы, избрав жертвами не коров и овец, а оленей или лосей.

Здесь же случай прямо противоположный. Тварюга почуяла вкус к убийству. Рэльгонн предположил, что дикий упырь таким образом развлекается — охота превратилась не в необходимость, а в удовольствие. И чем быстрее он будет истреблен,

тем лучше. Рэльгонн и его родственники готовы предоставить любую посильную помощь.

Одна беда — месьор Рэль сотоварищи мог действовать лишь по ночам, как и любой каттакан, будь он диким или домашним. Он уже пытался выследить логово ночного убийцы и даже сумел его обнаружить, однако безумный сородич мгновенно сменил убежище. Гвай ужасно огорчился, заметив, что следовало подождать прибытия Дербников, которые сумели бы расправиться с чудовищем в светлое время суток, благо лето стоит ясное и солнце заходит лишь на очень краткое время.

— Вы бы до него не добрались, — отрицательно покачал длинным указательным пальцем Рэльгонн. — Упырь засел в скалах, неподалеку от Граскаала. Человеку туда не залезть, очень высоко. А ныне тварь прячется в лесу, я это знаю точно.

— От кого знаете?

— Найдутся... хм... осведомленные и заинтересованные в благополучном исходе персоны. С ними я буду разговаривать лично, они не желают встречаться с людьми. Приблизительное направление поисков — три-четыре лиги к Восходу и Полуночному восходу от Ронинского замка, область Белых сопok, на любой карте они обозначены. Под ударом безумца находится непосредственно Ронин и шесть окрестных деревень, не считая хуторов. Учтите, он перестал остерегаться человека, поэтому ночью с ним лучше не встречаться...

И так далее. Рэльгонн давал полезные советы, Гвай и остальные с пиететом внимали, а киммериец отправился по своим делам — с элем он сегодня немного перебрал. Если уж рудненский упырь заявляет, будто в окрестностях безопасно, можно

ничуть не тревожась покинуть уютный сеновал и подышать свежим воздухом.

Хлопнув дверью нужника, варвар потянулся, оглядел звездное небо, изредка прорезаемое синеватыми черточками метеоров и вдруг обратил внимание на настораживающую странность: в хлеву беспокоилась домашняя скотина. Тонко повизгивали лошади, перетапывались и вздыхали хозяйские коровы, курятник гудел от сдавленного квохтания. Глухо ворчал цепной пес, предпочитая не показываться из будки.

Очень интересно.

Животные давно обязаны спать, а если они встревожены, значит...

Значит, ощущают близость чужака. И не просто чужака. Рядом — нечистая сила!

Каттакан? Чепуха! Рэльгонна лошади благополучно носят на спине и ничуть не боятся, значит и дикого упыря звери не почуют. Тут что-то другое.

Конан пожалел, что оставил меч на сеновале, но любопытство оказалось сильнее чувства опасности. Вместо того, чтобы немедленно доложить Гваю, киммериец прогулялся по обширному двору, внимательно осматривая строения и темные закоулки. Никого.

Обнаружив, что ворота на улицу заперты, Конан подпрыгнул, подтянулся и уселся на деревянную ограду. За забором пусто: людей нет, ставни на домах закрыты наглухо, даже кошки не шныряют.

Спрыгнув на сухую уличную глину, варвар заново осмотрелся, пожал плечами и решил пройти до ворот деревни, к самому тыну. В конце

концов, он теперь Ночной страж, а сие гордое наименование напрямую указывает, что изведение и отслеживание нечисти входит в прямые обязанности киммерийца.

Конан не учел одного: кроме обычного кинжала у него не было никакого оружия, а все магические артефакты ограничивались висящими на шейной цепочке серебряным молоточком Крома и оберегом в виде Диска Митры.

Впереди раздался громкий топот, насторожившийся киммериец уже был готов выхватить кинжал, но в свете ущербной луны рассмотрел, что навстречу со всех ног бежит стражник-бородач, который проверял охотников при въезде в поселок. Куда это, любопытно, так резво направляется доблестный охранитель спокойствия Ронина?

— Стой, дезертир! — рявкнул Конан, но стражник шарахнулся в сторону, мышино пискнул (никогда не подумаешь, что взрослый здоровый мужик может издавать подобные звуки!) и нырнул в темную щель между двумя бревенчатыми домами. — Куда, а ну вернись!

Ответом была романтическая тишина, нарушаемая удаляющимся стуком подошв.

— Это не деревня, а приют для умалишенных, — проворчал Конан. — Отличная ночь: познакомился с натуральнейшим упырем, наслушался страшненьких баек, а теперь пытаюсь своими руками поймать неизвестную мне нечисть... Что у них там на воротах стряслось?

На воротах ничего не стряслось, по меньшей мере, на первый взгляд. Кроме того, что въезд в Ронин теперь никем не охранялся — стража, видимо, разбежалась. В привратном домике дверь рас-

пахнута настежь, горит одинокая сальная свечка, кувшин с пивом опрокинут, лавка повалена: ронинские воители отступали в панике. Никаких следов пребывания вампира — пятен свежей крови и растерзанных трупов не видеть.

— В шею гнать такую стражу, — громко сказал Конан, подбадривая сам себя. — Эх, не я здесь хозяин...

Вышел наружу, увидел лесенку, ведущую на высокую стену, поднялся. Надо бы посмотреть, что творится на границе болот и леса.

Конан перегнулся через острые колья тына, глянул вниз, и...

— Крррром Громовержец!

У самых ворот Ронина невозмутимо восседал фамильный монстр вельможного эрла Алаша.

Впечатляет, ничего не скажешь. Пси́на была размером с подрастающего теленка, шкура серебристая, в лучах месяца светится голубоватым. Черные тигриные полоски. Три остроухих собачьих головы сверкают изумрудно-зелеными глазами. Правая голова раскрыла пасть, вывалив длиннющий язык и демонстрируя клыки длиной с человеческий палец.

Остальные головы вдумчиво уставились на Конана и выдохнули по струйке темного багрового пламени. Черногубые плоские морды отдаленно напоминают псов кофийской бойцовой породы. Словом, уродище, каких поискать.

Недаром коровы и овцы в хлеву тревожились — вот она, неподдельная, всамделишная нечистая сила! Ясно, почему стражи покинули вверенные им ворота — тут и самый великий герой, вроде короля Сигиберта, в штаны наложит...

Зверюга встала, отошла подальше, слегка помахивая хвостом, развернулась и вдруг рванула с места в карьер. Конан понял, что сейчас сделает трехглавый: запросто перемахнет через тын и устроит некоему чересчур любознательному киммерийцу веселенькую жизнь.

Так бы оно и случилось, однако Конан не принадлежал к семье эрлов Ронина, не собирался нападать на пса и умел очень быстро бегать. Не успела проклятушая зверюга разбежаться, как варвар кубарем скатился с лестницы и припустил к постоялому двору. Последний раз он бегал с такой быстротой лет двадцать назад, во время облавы на карманников на одном из рынков Шадизара.

И нечего смеяться — своевременное и удачное отступление перед стократно превосходящим по мощи противником, считается не позором, а доблестью. Это во всех книгах по мудрой военной науке стратегии написано.

Чудище, мягко приземлившись возле домика стражи, поглядело вслед человеку всеми шестью сверкающими глазами, и утробно гавкнуло средней головой. Знай наших!

— Т-там! — запыхавшийся киммериец с грохотом ворвался на сеновал, заставив Астерда вздрогнуть, а Гвая потянуться к арбалету. — Оно!

— А-а-а! Наш общий друг, вероятно, познакомился с украшением родового дерева милейшего господина Алаша Ронина? — упырь мелко рассмеялся. — Ты догадался покормить его с руки? Погладил? Почесал за ушком? Только за одним, или за всеми сразу?

— Пошел ты, знаешь куда? — заорал Конан. — Это чучело собиралось мною поужинать!

— Отравился бы, — едко вставила Астерда. — Хватит вопить. Мы псину не интересуем. Ронинский Триголов убивает только владельцев княжества или тех, кто охотится на самого зверя... Поднимайся наверх. Месьор Рэль к восходу солнца должен возвращаться домой, а еще кучу вопросов надо обсудить...

* * *

После раннего подъема, сонный и рассерженный Конан немедленно поименовал кишащие монстрами земли эрла Ронина «заповедником гоблинов» и осведомился у продирающего глаза бrolлайхэн, отчего на дворе так шумят. Солнце, вроде бы, светит ярко, упыри отправились по берлогам, а пакостный пес-выродок вернулся в трясины.

— А ну, вставайте! — рявкнул давно пробудившийся Гвай, открывая двери сеновала пинком. — Разлеглись, понимаешь... Идем деньги отрабатывать! Конан, Эйнар, умойтесь — вельможный с челядью прямиком сюда припожаловал. Ночью упырь на хуторах порезвился... Живо!

При острой необходимости Конан умел просыпаться мгновенно, как кошка. Он встряхнул за шиворот лежебоку Эйнара, потащил его наружу, к колодцу, и не обращая внимания на взбешенную ругань бrolлайхэн, вылил ему на голову ведро ледяной воды. Отлично взбадривает, между прочим. Эйнар немедленно дал обет превратить варвара в крысу.

— Ты и яйцо в птенца не превратишь, — Конан сбросил рубаху и сунул в руки Эйнару новонаполненную бадью. — Лей, не стесняйся. Ух, как здоро-

во!.. Простые радости деревенской жизни, лучше всяких туранских бань!

На дворе царила непринужденная суматоха. Привязывали к коновязи господских лошадей, хозяин «Свиньи и котла» громогласно шпынял немногочисленную прислугу, а на крыльце топтались несколько потрепанных кольчужников из охраны вельможного господина Алаша.

Конан переоделся в чистое, пропыленные дорожкой вещи отдал стирать дебелой хозяйской дочке, поставленной отцом прислуживать месьюрам охотникам, и, прихватив очень недовольного всем сущим броллайхэн, отправился в гостевую залу постоялого двора.

Все в сборе. Лучший стол, громоздящийся возле раскрытого окна, предоставили высочайшим гостям — сиятельный эрл (по традициям Аквилонии, сей титул был чем-то средним между баронским и графским достоинством) негромко переговаривался с худошавым, длинным как жердь, стариканом — выяснилось, что тощий дедушка был каштеляном Ронина, досточтимым месьюром Алистером. Возле краешка стола примостились две благородные дамы. Пожилая, полная, очень аккуратно одетая дворянка и...

Конан зашнуровался на полушаге.

Сидевшая рядом с толстухой девушка лет восемнадцати в безумно дорогом парчовом платье-блио, смотрелась в прокопченной зале таверны истинным бриллиантом, попавшим в навозную кучу!

— Не глазей, начну ревновать, — киммерийца слегка подтолкнули кулаком в ребра. Сзади тихонько подошла Асгерд. — Невеста вельможного. Будущая полноправная владелица княжества.

Хотя, по-моему, одевается вульгарно. Проще надо быть.

— Угу, так сказать, ближе к народу, — машинально ответил Конан, не отводя взгляд от сиятельной красоти. Богиня, не иначе! Фигура, изгиб тонких бровей, взгляд, нежные розовые пальчики — все совершенно! Сама королева Тарамис, прежняя госпожа и подруга варвара, рядом с эдаким великолепием выглядела бы невзрачной прачкой! Где, интересно, эрл Алаш сумел отхватить столь дивное сокровище? — Асгерд, откуда она родом? Здешняя? Не похоже...

— Насколько я поняла, приехала в конце весны с Полуночи Немедии. Дочка какого-то графа. Местные говорят, будто свадьбу устроят через двадцать дней. А пока госпожа приглядывается, обвыкается с новым домом и учит здешнее наречие. Под присмотром воспитательницы и хранительницы целомудрия — видишь жирную клушу?

— С чего вдруг немедийскому графу понадобилось отдавать такую... такую... В общем, такую смазливую девицу за невзрачного, захолустного и почти безродного эрла?

— Ронин богат, — сказала Асгерд. — Причем, богат до неприличия. Серебряные рудники приносят огромный доход семье на протяжении нескольких столетий. Не гляди, что здесь грязненько и неустроено — таковы традиции. В Пайрогии я слышала, будто состояние молодого Алаша оценивается в двадцать два офирских Сфинкса. Понимаешь, сколько это денег?

Конан понимал. И сразу был готов возмутиться — у человека в кармане состояние, на которое можно купить целое королевство, а он пожаловал

Ночной страже жалкие две тысячи ауреев! За такую каторжную работенку! Пускай сам идет и убивает своего каттакана!

Один Сфинкс — сто тысяч офирских золотых денариев. Возьмем двадцать два раза по сто тысяч и получим... Нет, о таких деньгах лучше не думать! Голова закружится. И вообще, завидовать нехорошо. Предки Ронина копили деньги долгими веками, подобные суммы за один день не зарабатываются. Никем, даже самыми удачливыми игроками и мошенниками. Все равно, от жуткого Триголова вельможный эрл никаким золотом не откупится!

...Однако, вскоре достойный господин Алаш умудрился развеять сложившийся в голове киммерийца образ скупца и жадины. Подбежал деловитый Гвай и позвал всю ватагу за стол, на который уже взгромоздили трапезу и пиво.

Старшая хозяйка и пышнотелая наследница «Свиньи и котла» постелили на грубые доски почти новую, видимо свадебную, скатерть — самолично вельможный эрл пожаловать изволили! Когда такое бывало? Да никогда!

— Дозвольте, уважаемые, представить вам моих ближних, — сказал молодой владыка, едва охотники расселись напротив. В центре расположился Гвайнард, по правую руку от него — Асгерд и Эйнар, по левую сел широкоплечий Конан. Смотрятся весьма представительно. — Мой двоюродный дядюшка, каштелян Ронина, месьюр Алистер из Бохова.

Старикан привстал и церемонно поклонился. Да, Ночных стражей уважают. Никакой дворянин не стал бы кланяться простецам, коими Дербники

в абсолютном большинстве и являлись. Из всей компании только Гвай может претендовать на благородное происхождение. И то, слова «благородный гандер» звучат довольно смешно. В Аквилонии выходцев из Гандерланда полагали едва ли не варварами, немногим лучше киммерийцев.

— Моя благороднейшая невеста, наследная графиня Лара Ольборг из Ольборга, что в Немедийском королевстве. Ее уважаемая наставница, госпожа Реллина.

Конан едва заметно поморщился. Благороднейшая невеста и уважаемая наставница удостоили Стражей лишь кивком. Слишком мимолетным, а значит — презрительным. Не привыкли к обычаям Бритунии. Конечно, для немедийских дворянок странно, что вельможный эрл, владетельный господин, сам идет на поклон к небритым плебейам в варварских одеждах! Придется привыкать, дорогуши...

— Я удваиваю аванс, — сказал вдруг Алаш и положил на стол пергаментный лист. — Примите вексель еще на одну тысячу ауреев. Получить по нему деньги вы сможете в любом торговом доме Бритунийского королевства. Спасибо немалому папенькиному наследству — купцы мне доверяют. В любом случае, что бы ни произошло, можете оставить аванс себе. Если вы убьете вампира — получите в три раза больше. Денег я не пожалею. А если... Если мерзостная тварь окажется неуловимой, что ж... Буду считать ее новым семейным проклятием.

— Спасибо, — отозвался Гванард и ожег взглядом Эйнара. Броллайхэн немедленно запрятал вексель в сумочку на поясе. — Не следует беспокоит-

ся, вельможный. Каттакан будет убит. Рано или поздно. Мы договорились с волшебником, месьором Рэльем, о взаимной поддержке в поисках чудовища.

— Месьор Рэль... — Ронин побарабанил пальцами по столу. Нахмурился. — Вы узнали, кто он такой?

— Райдорский дворянин, некогда покинувший семью ради обучения магическому искусству в Гиперборее, — не моргнув глазом, соврал Гвай. Попробуй, скажи перепуганному эрлу, что Дербникам помогает рудненский упырь! — Ныне месьор Рэль избрал ремесло странствующего волшебника. Я удостоверился — Рэль знающий и образованный маг.

— Я понял, — кивнул вельможный. — К моему величайшему сожалению, минувшая ночь принесла очередные потери. На рассвете прискакал мальчишка с Журавлиного хутора, это в пяти лигах к Полуночному восходу, около Белых сопок. Перебудил весь замок... Алистер, будь любезен, достань карту Ронина!

Белые холмы? Конану показалось, будто он слышал это название. Правильно, Рэльгонн говорил ночью о Белых сопках: именно там засел безумный каттакан-дикарь!

Итак, охота началась!

* * *

Холмы оказались вовсе не белыми, а исключительно зелеными. Гряда заросших деревьями-титанами крутых сопок выстроилась неровной цепочкой в виде полумесяца. Конан решил, что возвы-

шенности напоминают брошенную на землю челюсть какого-то древнего великана — со временем белоснежную кость покрыл лес, и только острые зубы остались видны. Смотрится угрюмо и негостеприимно.

— Очаровательное местечко, — беззаботный Эйнар разливался соловьем, в то время, как остальные хранили настороженное молчание. — На первый взгляд обычный лес, но если приглядеться, уяснишь, что мы перенеслись на несколько тысячелетий в прошлое.

— Почему? — отозвался киммериец.

— Ронин малонаселен, человек пока не успел разобраться в этой сокровищнице живых древностей. Некоторые здешние деревья помнят времена владычества альбов! Глянь влево, как тебе понравится этот кройхан?

— Понравится — кто? — не понял Конан, рассматривая бронзовый, с бурыми пятнами, ствол чудовищно огромного древа: в диаметре оно было не менее полусотни шагов, верхушка терялась в небесах, а широкие листья имели замысловато вырезанную форму. К тому же верхняя часть листа являлась зеленой с золотыми прожилками, а нижняя светилась нежной белизной. — Это название дерева?

— Ты у нас догадливый, как погляжу, — сказал Эйнар. — Кройханы, знаменитые альбийские деревья! Я еще помню времена, когда Полночь континента светилась белым и золотым... Этот кройхан очень стар, наверное отметил пятитысячелетний день рождения. С возрастом все живые существа теряют красоту, даже деревья. Будь кройхан помоложе, мы насладились бы редким зрелищем —

ствол червонного золота с медным отливом, снежно-серебристая корона...

— А на ветках сидят альбы в лазурных одеждах, играют на лирах и поют песенки, — голосом завязтого скальда продолжила Асгерд. — Красивые сказочки седой древности. Ты лучше скажи, в дупле твоего кройхана может спрятаться упырь?

— Опять все испортили, — уныло вздохнул Эйнар. — Нельзя быть настолько приземленными! Может быть, перед вами самое древнее живое существо континента! Насчет альбов замечу, что человеческие легенды их слишком идеализировали. Бессмертную расу покрыли лаком, подкрасили дешевыми красками и поставили на полочку — тешить любопытных прямоходящих обезьян, назвавших себя людьми... Поймите, дурни, альбийский народ обладал множеством недостатков, присущих любому разумным сообществам! Среди альбов попадались и пьяницы, и злодеи, а про развратность Бессмертных невероятные легенды ходили еще в эпоху Роты-Всадника! Вы же представляете себе альбов в виде благородных возвышенных существ без единого изъяна. Люди превратили их в недостижимый идеал Золотого века, которого, кстати, никогда и не было! Песни под звездами, арфы-лиры-лютни, светлое волшебство и все такое прочее... Это при условии, что сами люди беспощадно истребляли Древних на протяжении столетий! Вы непостижимый народ...

— Какие уродились, — хмыкнул Гвай. — Но я бы не отказался однажды съездить с тобой в Аэльтунн и поглядеть на уцелевших альбов.

— Тебя мигом повесят на первой попавшейся ветке, — поразовал командира Эйнар. — Не за

шею, причем. И я тебя уже не спасу, не позволят. Если такая перспектива тебя устраивает, поехали. В Аэльтунне особенно красиво ранней осенью. Альбов увидишь, обещаю. Только вверх ногами. Пока они будут прикручивать веревку к твоему причинному месту, а другой ее конец забрасывать на самую верхушку кройхана. Идет?

— Трепло, — беззлобно ответил Гвайнард. — О, гляньте, просвет! Тропа кончается! Наверное, приехали. Если хозяева позволят, выберем хутор в качестве отправной точки наших поисков.

— А коли не пустят? — поинтересовался Конан.

— Пустят, куда денутся... Кметам, небось, со страху, каждое утро портки стирать приходится. В противном случае устроим лагерь в лесу — шатер с собой, попоны с котелками тоже, дичи здесь хватает. Не пропадем.

— В лесу? — киммериец почесал в затылке. — А упырь как же?

— Упырь привык искать легкую добычу в обжитых местах, а не в дебрях. Лес, как ни удивительно прозвучит, сейчас безопаснее любого хутора. Надо разводить большой костер перед закатом и тогда каттакан испугается огня, плюнет на нас из-под облаков и полетит к соседней деревне. Не захочет крылья об ветки ломать — он обленился, предпочитает действовать наверняка.

Надо заметить, что Гвайнард распорядился оставить большую часть добра и заводных лошадей в Ронине. На тяжеловоза погрузили самое необходимое — запас продуктов, оружие, несколько сетей (вдруг Рэльгонну все-таки удастся временно обездвигнуть дикого упыря?) и обычные вещи, которые всегда берут в поход.

Отправились незадолго до полудня, сразу после разговора с вельможным, разыскали требуемую дорогу и когда солнце миновало зенит, а тени стали длиннее, вышли напрямиком к усадьбе. Заблудиться невозможно — очень уж приметные сопки.

Журавлиный хутор, если верить картам Ронинских земель, располагался исключительно удобно — точно в середине предполагаемых охотничьих угодий каттакана. Отсюда, до всех населенных людьми деревень, ехать не больше двух-трех лиг. Вельможный эрл пообещал, что немедленно известит подданных о месте пребывания Ночных стражей, дабы кметы сразу могли бы известить Дербников о нападении. Привычный к лесам человек доберется до Журавлиной усадьбы меньше, чем за колокол.

Было понятно, что тем самым Алаш Ронин снимал с себя ответственность за происходящее, возлагая оную на плечи охотников. Гвайнард, однако, не сердился — эрлу вполне хватает других забот. Одна трехглавая собачка чего стоит! А еще надо успокоить взбудораженных крестьян и внести «господскую виру» за убитых — кметы платят налоги в казну для того, чтобы владетель Ронина и дружина эрла защищали подданных. Не уберегли от напасти — готовьте серебро, таков обычай.

Вот и Журавлиный хутор. Большой хозяйский дом, полдесятка других строений, от хлева до сарая, в котором хранится зерно, выращенное на отвоеванных у леса делянках. Большой огород, колодец, пчелиные ульи. Именно отсюда утром прискакал в Ронин малолетний правнук хозяина с сообщением, будто упырь задрал двоих поденщиков и корову.

— Благополучно ли добрались, господа Дербники? — владелец хутора, издали заметив, что приближаются всадники, встретил отряд при въезде на широкий, пустой двор. — Милости прошу пожаловать. Лошадок к коновязи прикрутите, чтоб порядок был.

Седой как лунь, мощный бородатый дед саженного роста, приглядел за гостями, и сразу позвал в дом.

Конан отметил необычное — не видно скотины, да и остальных людей тоже нет. Куда пропали многочисленные родичи хозяина? Дом-то здоровенный, в два этажа, с флигелями. Наверняка вместе со стариканом живут несколько женатых сыновей. В углу большой комнаты стоит деревянная детская лошадка.

— Всех отправил в деревню, к брату. Он там старостой, — заметив недоумение Стражей, разъяснил дед. — И сам сейчас уеду. Оставайтесь, хозяйствуйте. Жаль хутор бросать, своими руками все построил, но жизнь-то дороже. Не моя жизнь, не подумайте — девяностую зиму разменял, давно в могилу пора. Семейство жалко. Упырь не разбирает, младенец перед ним, или слабая девка...

— Значит, твое семейство покинуло дом? — сдвинула брови Асгерд.

— Истинно, красавица. И скотину по заре угнали. Окорока, сало, рыбу копченую вам оставили. Напеченного хлеба денька на три хватит, репку свежую с огорода таскайте, в обиде не буду. Дров полная поленица. Бочонки с настойками в кладовой стоят, только глядите, не увлекайтесь. Вам упыря завалить надо. Баня, опять же...

— Ты, почтенный, немедля отправишься?

— К закату поспеть хочу. Одна беда — скверную работку для вас уготовил.

— Это какую работку? — нахмурился Конан.

— Мертвяков в земле упокоить. Нарочно зарывать не стали, чтоб глянули, как упырище их разделал. Вы не беспокойтесь, месьюры, сыновья две ямы выкопали — одна под людей, другая под корову. Негоже человека с бессловесной скотиной хоронить. Землей забросаете, вот и весь труд.

— Предусмотрительный дедок, — шепнул Эйнар варвару.

Конан согласился. Жертв каттакана непременно следовало тщательно осмотреть. Станет понятно, каким образом тварь атакует добычу. И под какой личиной.

Хозяин указал, где выкопаны могилы, распрощался, вывел из конюшни единственного оставшегося на хуторе низенького мерина, и с тем отбыл. Асгерд не преминула заметить:

— Если нас перережут грядущей ночью, могилы копать будет некому. А через пару лет кто-нибудь обнаружит на заброшенном хуторе четыре белых скелета. С откушенный головами.

— Люблю тебя за детскую жизнерадостность, — покивал Эйнар, а Гвай отмахнулся:

— Брось, вечером зайвится Рэльгонн, а охраны надежнее и представить нельзя. Идем, займемся похоронами. Асгерд, отведи лошадей в конюшню.

— Боишься, что хлопнусь в обморок, завидев мертвые тела? Случаем не припомнишь, кто именно прошлой зимой, от рассвета до вечера, копался в вонючих кишках самки мантикора, чтобы отыскать живых зародышей? Ты почему-то побрезговал.

— Женщины в таких делах разбираются лучше мужиков... Эй, только не дерись!

Гвай, отхватив увесистый подзатыльник, рассмеялся.

— Ладно, двинулись. Эйнар — захочется блевать, отойди подальше!

Дедушка не солгал — в сотне шагов за оградой, у самого леса, в тенечке, были вырыты две ямины. Первая яма откопана чуть в стороне. На дне валялась туша большой черно-белой коровы, уже облюбованная неисчислимым сонмищем разноцветных мух.

Вторая могила располагалась около нескольких старых захоронений — по обычаям полуночной Бритунии, они были отмечены высокими шестами, украшенными серебряными колокольчиками, что призваны отгонять злых духов.

— На семейном кладбище поденщиков хоронить решили, — не без доли уважения к хозяевам усадьбы сказал Конан, критически оглядев могилу. Дальновидные обитатели Журавлиного хутора оставили рядом три лопаты. Тела людей были надежно прикрыты холстиной: чтоб мухи не досаждали. — Глянем?

— Глянем, — согласился Гвай. Присел на корточки, отбросил грубую ткань и заковыристо присвистнул. — Ого! Эйнар, посмотри! Только, умоляю, не блей мне на штаны!

— Отвяжись! — рявкнул броллайхэн. — Боги милостивые... Страсть какая, однако. Чистая работа!

Шея у трупов разорвана. На груди первого красуются отметины четырех острейших когтей, у другого — одного когтя, разъявшего живот. Под

челюстью видны почерневшие следы упыриных клыков.

— Странно, — проворчал Гвай. — Очень странно. А ну, пошли к корове!

Воняло так несносно, что и хладнокровного Конана слегка замутило. Мухи кружились над животным подобно черному вихрю, а их жужжание превратилось в навязчивый слитный вой.

Гвайнард, спустившийся напрямиком в яму, казалось, ничего кроме ранений на шее коровы не замечал. Эйнар стал бледен, Асгерд морщилась, но терпела.

Наконец, бравый предводитель ватаги поднялся, отряхнул штаны и уставился на верных соратников.

— Это работа каттакана, никаких сомнений. Проник в хлев, убил животное и до отвала налкался крови. Видите, отметины зубов расположены полукругом? И зубы ровные, одинаковые... Как у Рэльгонна.

— Давайте уберемся отсюда! — всхлипнул зажимающий нос Эйнар. — Иначе за чистоту твоей одежды я не ручаюсь!

— Никогда бы не подумал, что броллайхэн такие неженки, — фыркнул Конан. — И верно, отойдем.

— Мне надо подумать, — мрачно сообщил Гвай, взяв одну из лопат. — А думается лучше всего за работой. Сначала погребем людей, потом буренку. Асгерд! Отправляйся домой, мы управимся.

«Домой? — мысленно усмехнулся киммериец. — Быстро же чужой хутор стал нашим домом. Ничего удивительного, для Ночного стража вся вселенная — дом родной...»

Двоих поденщиков аккуратно поместили в могилу, укрыли холстом и быстро забросали песком. Гораздо дольше возились с коровой — мешали мухи и запах. Гвай молча швырял песок в яму, работая с непонятным варвару ожесточением. Лицом командир был хмур. Что конкретно раздосадовало Гвайнарда, киммерийцу осталось непонятно — расстроился, увидев неприглядные следы нападения каттакана? Ночному стражу следует быть менее впечатлительным! Или есть другая причина?

Вернулись на хутор. Лошади уже разместились в просторной конюшне, вещи были перенесены в дом, а над крышей клубился сизоватый дымок: Асгерд вступила в права хозяйки дома и принялась за готовку. Женщина в отряде незаменима — всегда найдется кому позаботится о голодных мужчинах.

Гвай несколько отрешенно сел на длинную лавку, протянутую вдоль необъятного, начисто выскобленного стола, понаблюдав, как варвар откупоривает пайденный в кладовой кувшин с медовой настойкой на корешках, и вдруг громко, раздельно сообщил:

— Можете резать меня на куски, но я убежден: в округе действуют два упыря. Каттакан и... И кто-то другой. Не один — два! Ничего не понимаю!

Глава четвертая,

*в которой охотники приходят
к неутешительным выводам, затем
совершают ночную прогулку по лесу,
а после восхода солнца наносят визит
в берлогу дикого упыря*

В порили громко, ожесточенно, приводя десятки мнений, догадок и соображений. Конан благоразумно в разговор не вступал, понимая, что с его невеликим опытом в профессиональной охоте на вампиров лучше внимательно слушать, а не говорить лишнего.

— Двое упырей? Как двое? Откуда? — хмурилась Асгерд, забыв об очаге и котелках. — Ты хочешь сказать, будто на Журавлиный хутор одновременно напали и дикий каттакан, и неизвестный нам упырь?

— Ты внимательно оглядела мертвых? Корову загрыз каттакан, это неоспоримо. Очень уж приметные челюсти у родственничков месьора Рэля. Только каттакан мог очутиться в запертом хлеву. Я осмотрел постройку — в отдушины под потол-

ком пролезут хорек, кошка или белка, но не крупный хищник. Каттакану, понятно, никакие преграды не страшны. А поденщики были убиты другим вампиром!

— Каким «другим»? — Асгерд не желала сдавать позиции. — Муля? Не может быть! У этой разновидности упырей отсутствуют когти, а на телах остались отпечатки сильной когтистой лапы. Муля пьет кровь, усыпив жертву мысленным внушением, предпочитая не раздирать людей на части. Кальконикс? Эти твари не подходят, слишком маленькие. Человека они почти не трогают, хотя изредка могут нападать на детей...

— На хуторе побывали брукса или кяур, — уверенно сказал Гвайнард. — Неувязочка во времени получается: корова погибла в самом начале ночи, после заката. Пролежала долго в тепле, а потому сильно воняла. Люди же умерли ранним утром.

— Это еще почему?

— Не заметила разве? Скажи, какой нормальный человек ляжет спать в рабочей одежде? Поденщики спокойно отдохнули ночью, на рассвете поднялись, оделись и пошли чистить хлев. На них напали во дворе — пятна крови находятся возле сарая, стена забрызгана. Если бы каттакан забрался в дом среди ночи, на трупах было бы одно исподнее. А не промасленные фартуки для черной работы, холщовые штаны и сапоги.

— Соображаешь, — понимающе отозвался Эйнар. — Меня это тоже насторожило. Добавлю несколько своих наблюдений. Если поденщики вышли из дома, значит на дворе было светло — в темное время суток кметов на улицу никакими сокровищами не выманишь. Боятся упыря. А упырь

вот он, тут как тут! Каттакан перед рассветом обязан уйти в логово, иначе не миновать солнечных ожогов. Глаза каттаканов не переносят яркого света — они слепнут, едва начинает разгораться заря.

— Может, упырь приспособился? — осторожно спросил Конан. — Привык к солнцу? Он же бешеный!

— Давай засунем тебя в кузнечный горн и поглядим, как ты приспособишься, — ядовито бросил Эйнар. — Есть некоторые законы природы, которые никакому упырю не обойти. Ни бешеному, ни мирному. Каттаканы не переносят солнца, это неоспоримое правило. Продолжаю. Итак, каждому ясно, что люди погибли при свете и вне дома. Допустим, что поденщиков действительно атаковал каттакан, носивший привычную охотничью личину в виде гигантской летучей мыши. Опять нестыковка: дикие сородичи Рэльгонна предпочитают одиночные жертвы, не любят суматохи. Как мы раньше не заметили! Вельможный эрл Алаш Ронин говорил, будто на других хуторах упырь резал по несколько человек за ночь! Кроме того, на крыльях каттакана растет всего три когтя, на сочленениях перепонки. Расположены когти минимум в десятке ладоней друг от друга, а поденщика словно тигр лапой ударил... Какой вывод?..

— Простой, — буркнул Гвай. — Каттакана используют как ширму — любое убийство можно свалить на дикого упыря, охотящегося в округе. Кметы не разбираются в тонкостях вампирьей жизни и уверены, что все беды Ронина исходят от одной-единственной зубастой неразумной твари. Кто-то следит за действиями каттакана, и едва тот наносит первый удар, незамедлительно следует

второй. Куда более жестокий и страшный. Сами посудите: упырь задрал корову, а неизвестная нам тварь напала на людей. Причем сразу на двоих. Не опасаясь, что ее заметят и опознают. Как я не догадался допросить старика! Уверен, всплыли бы интересные подробности.

— Завтра съезжу в деревню, найду владельца хутора вместе с семейством и припру к стенке, — сказал Эйнар. — Выведаю любые мелочи!

— Напрашивается естественный вопрос: кого будем ловить? — Асгерд задумчиво наморщила лоб и уставилась на соратников. — Каттакана или... Или незнамо кого?

— И того, и другого, — репительно ответил Гвайнард. — Обо всем необходимо рассказать месьору Рэлю. Он пообещал придти, как только стемнеет. Не может быть, чтобы рудненские упыри не углядели таких очевидных странностей!

— Важно другое, — проворчал Эйнар, опрокинув чарку с медовухой, — Кому удалось выследить скрытного каттакана и подстроить свои действия под его охотничьи повадки? Попахивает магией.

— Причем, не человеческой магией, — поддержал броллайхэн Гвай. — Никогда не слышал о волшебниках-людях, которые убивают себе подобных, прикидываясь вампирами. И заодно отращают упыринные клыки.

— Одна моя знакомая, — немного смущенно начал Конан, вспомнив давние приключения, — является урожденным гулем из Рабиром, прижившимся среди людей. Помните, я рассказывал? Так вот, она говорила, будто у гулей иногда случается какое-то «сумеречное безумие» и рабирийцы начинают нападать на первого встречного, без всякой

причины. А если в Ронине поселился спятивший гуль? Его не отличить от человека, рабирийцы не боятся солнца и не вызывают у людей никаких подозрений.

— Знакомая история, — кивнул Гвай. — Однако, рабирийцы в убийствах не виноваты. Гуль прокусывает жилу на человеческой шее двумя очень острыми тонкими клыками, растущими из верхней челюсти и отметина выглядит соответственно: две маленьких точки на коже. А некоторые другие вампиры носят по четыре клыка сверху, и по четыре снизу — остается двойной след, от сросшихся зубов... Мне это не нравится!

— Почему?

— Да потому, что в данном случае, мы, почти наверняка, имеем дело с бруксой. Вампиром-человеком, на которого при рождении было наложено проклятие. Днем — человек как человек, а ночью... Ночью тело изменяется и начинает действовать проклятие. Человеческое существо превращается в монстра, наделенного магическими умениями и жаждущего убийств. Когда охота закончена, чудовище опять возвращает себе нормальный облик и живет как все обычные люди. Брукса способна нападать и днем, все зависит от силы проклятия и желаний самого вампира.

— Эрл Ронин! — воскликнул варвар. — Точно, он! Бледный какой-то, скукоженный, а предка-наильника и весь ронинский род проклинали до сорокового колена...

— Нет-нет, ошибаешься, — возражая, перебил Гвай. — Убийства начались совсем недавно! Будь вельможный Алаш бруксой или кяуром, что почти неразлично, о проделках упыря стало бы извест-

но давным-давно. Эти твари охотятся с ранней юности, а эрлу исполнилось двадцать четыре года. Или двадцать четыре зимы, кому как больше нравится.

— Выходит, под подозрением оказываются все обитатели Ронина старше десяти-тринадцати лет, — пессимистичным тоном заключила Асгерд. — Упырь подрос до нужного возраста и начал убивать. Прикажете все окрестные поселки перешерстить в поисках бруксы? Благодарю покорно. За год не управимся.

— Управимся, — сказал Гвай. — Рэльгонн поможет. Хозяевам Рудны я доверяю. Асгерд, когда обед приготовишь?

— Я вам в кухарки нанималась? — фыркнула девушка. — Ладно, уговорили. Похлебка с бараниной и овощами вельможных господ охотников устроит?

Господа охотники единым голосом сообщили, что ничего лучше и придумать нельзя.

Солнце постепенно уходило за гряды Белых холмов. Оставалось ждать прибытия месьюра Рэля.

* * *

— Занятно, весьма занятно... — рудненский упырь, непринужденно расположившийся на хозяйском месте, сверкал желтыми глазами и потягивал ягодное вино. — Мне, старому дураку, следовало бы догадаться! Признаюсь, с возрастом я стал невнимательным к мелочам. Вот он, священный эгоизм каттаканов — мы были уверены, что кроме представителей нашей расы, не может быть

никого умнее, хитрее и изворотливее... Оказывается, все обстоит куда более сложно! Мне обидно за дикого сородича — какой-то мерзавец использует его в своих неприглядных целях, вызывая у простецов новые приступы ненависти к каттаканам. Но и помянутый сородич тоже хорош: охотится в неположенное время, перестал быть осторожным и потерял всякий страх перед другими разумными существами. Даже дикому каттакану инстинкт должен говорить, что постоянно нападать на людей опасно! Или я вновь упустил нечто важное? Чужак мог отыскать способ направлять действия каттакана, а вы, месьюры, сами утверждаете будто эти... это... словом, вампиры-люди, страдающие от наложенного проклятия, владеют неким особенным волшебством, недоступным никаким магам?

— Ты прав, почтенный Рэльтонн, — отозвался Гвайнард. — Задача перед нами не из простых.

— Будем действовать в двух направлениях, — твердо сказал месьюр Рэль. — Вы займетесь каттаканом — так или иначе от дикаря следует избавиться! — а я устрою розыски вашей бруксы. Попытаюсь следить за ночными событиями в окрестностях. Если возникнут самые минимальные подозрения — немедленно сообщу. Как должен выглядеть вампир такой разновидности?

— По-разному, — мигом ответил Эйнар. — Иногда брукса сохраняет облик человека, только появляются двоянные клыки и когти на пальцах. В другом случае, тварь меняется до полной неузнаваемости: огромная кошка, летучая мышь, ящерица или просто чудовище непотребного образа — им доступна почти любая форма. Своего рода оборотень, только гораздо хуже и опаснее. Последняя

брукса, какую я видел, превращалась в безобразное существо, смахивавшее на обросшего чешуей человека с волчьими челюстями. Крайне неприглядное зрелище, даже страшнее пьяного Гвая...

— ...Или блочущего Эйнара, — не остался в долгу Гвайнард. — В большинстве случаев брукса предпочитает носить людское обличье. Так удобнее охотиться и не вызовешь лишней паники у окружающих. Но есть и положительные стороны. Человек, попавшийся в ловушку черной магии, боится серебра, а от кола в сердце умирает, как и все другие. Но и умертвлять бруксу следует грамотно, иначе упырь вылезет из могилы и превратится в носферата — кровососущего покойника, промышляющего ночами вокруг жальников... Тьфу, терпеть не могу этих условностей и оговорок, которые преследуют каждого Ночного стража! Отчего боги так сложно устроили мир?

— Тебя не спросили, — хохотнул бреллаихэн. — Оговорок действительно много, но если тщательно выполнять все надлежащие действия, упырь навсегда уйдет из обитаемого мира! Ничего не попишешь, особенности ремесла.

Конану давно объяснили, что убийство любого чудовища, не являющегося живой тварью, далеко не всегда приводит к нужному результату. Магические существа (к коим относятся и вампиры-бруксы, несущие на себе проклятие) имеют дурную привычку возрождаться. Когда из тела уходит настоящая жизнь, ее замещает фальшивое бытие, то есть, в мертвую оболочку поселяется один из бесплотных злых духов. Собственно, проклятие бруксы есть ни что иное, как демониче-

ская одержимость — невидимый демон постепенно отравляет бессмертную человеческую душу, направляя все действия на разрушения и убийства. Когда вампира убивает Ночной страж или умелый волшебник и душа уходит на Серые равнины, демон полностью овладевает погибшим телом: с виду человек, а по сущности — чудовище из Черной Бездны, носферат.

Управиться с носфератом куда труднее — демон бережет с таким трудом доставшееся тело, почти не позволяет ему разлагаться (так, самую малость...), прячется в могилах и склепах, а ради получения магической силы пьет кровь у живых.

Гвай, который с буквоедской дотошностью изучил за минувшие годы все доступные сведения о вампирах, сказал, что настоящим «упырем», то есть «не-живым хищным кровососом демонического происхождения» следует называть только носфератов, ибо они полностью подходят под данное определение. Прочие вампиры упырями считаться не могут, ибо являются тварями хоть немножко живыми и теплокровными.

Тонкости, детали, малозначащие мелочи, незаметные частности — все это составляло хитрую науку Ночных стражей.

Лучших знатоков нечистой силы на Закатном материке и не сыщешь — никакой колдун, некромант или чернокнижник не обладает таким немислимым объемом знаний о существах, частенько нарушающих границу меж зримым и призрачным мирами. Гвайнарда, посмеиваясь, вспомнил, как его несколько раз приглашали очень известные волшебники, включая повелителя Алой Башни Тсота-Ланти и Пелиаса Кофийского — магам

требовался совет специалиста. И они его получили. За вознаграждение, разумеется.

(Довольный беседой Пелиас, кстати, так расщедрился, что подарил Гваю редкостный кхарийский амулет, способный несколько раз перенести его владельца в любую точку Хайбории, но пока командир маленькой ватаги охотников им не пользовался — пригодится в совсем уж безвыходной ситуации!)

...Явившийся вскоре после захода солнца Рэльгонн с некоторым недоумением, а затем и с пониманием, выслушал соображения Гвайнарда и компании, посоветовал быть осторожными вдвойне, и сказал, что подключил к поискам упыря родного дядюшку, брата и двоих сыновей. В данный момент, обратившиеся летучими мышами каттаканы из Рудны тщательно исследуют окружающий хутор лес — с большой высоты им отлично видны передвижения любых живых существ. Кроме того, собраты Рэльгонна могут уловить «запах мысли» дикого каттакана и тем самым выявить его местонахождение. Главная и наиважнейшая задача — устранить со сцены не-разумного родича хозяев Рудны. Из главного объекта охоты он превратился в досадную помеху: основной целью Ночных стражей и Рэльгонна теперь стало неизвестное существо, нападающее на человека. Нового противника договорились именовать бруксой, пока не выяснится, кто именно решил бросить вызов обитателям Ронина и Дербникам, пришедшим на помощь уstraшенным нежитью кметам.

— Придется лететь на разведку, — вымолвил Рэльгонн, поднимаясь. — Теперь каждый глаз и каждое ухо на счету. Отправляйтесь в лес. Еще до-

вольно рано — дикарь выйдет из берлоги ближе к полуночи. Вместе с братом, дядей и сыновьями я попытаюсь обездвигить упыря. Остальное входит в вашу задачу — найти и убить... Если увидите меня в другом облике, не пугайтесь. Я дам знать о своем приближении. Доброй ночи, господа.

Рэльгонн не стал исчезать, как дым, а прошел к выходу и скрылся за дверью. Было слышно, как упырь топчется на крыльце, затем вдруг раздался шум — хлопнули огромные крылья.

— Отправляться в лес? — непонимающе сказал Конан. — Ведь темно! Что мы рассмотрим без факелов?

— Все прекрасно рассмотрим, не дергайся, — Гвай потянулся к своему мешку, растормошил и вытащил небольшую глиняную бутылочку. Бережно разлил содержимое в три чарки. Разбавил водой. — Конан, Асгерд, выпейте.

И сам, одним глотком, осушил деревянный стаканчик.

Киммериец понюхал декокт и остался в недоумении.

Пахнет странно, но с виду — никакого колдовства. Видимо, Гвай решил угостить соратников особым пойлом Ночных стражей; вываркой, обостряющей внимание и чутье.

— Настой на гирканских степных травах, — будто прочтя мысли варвара, пояснил Гвайнард. — Позволяет нам отлично видеть в темноте, не хуже любой кошки. Эйнару экстракт без надобности — он ведь броллайхэн, а охотнику-человеку это зелье необходимо. Конан, не следует опасаться, настой безвреден. Вкус противный, но зато сможешь увидеть, как выглядит ночной мир.

Конан выпил и едва сдержался от яростной ругани. Горько, жгуче и тошнотно. Немного подождал. Полыхавшие на столе свечи внезапно превратились в яркие до невозможности факела, а огонь очага стал непереносим — будто пустынное солнце спустилось в дом и легло отдыхать на багровые угли.

— Берите оружие. Отправляемся, — шурясь на огонь, приказал Гвай. — Я и Асгерд идем точно на Полночь, Конан и Эйнар — на Полуночный восход. Возьмите сеть, вдруг пригодится... Углубляться в чащу только на две лиги, не больше. Встречаемся здесь. Эйнар, смотреть в оба! Конан пока неопытен в наших развлечениях, отвечаешь и за себя, и за него! Ясно?

— Что я, дите малое? — вяло возмутился киммериец, однако более возражать не стал. Приказ есть приказ. Изволь выполнять, тем более, что наступило время настоящего дела, а не глубокомысленных разговоров. — Гвай, когда иссякнет действие настоя?

— До утра хватит, — уверенно ответил предводитель, проверяя, насколько легко выходит из ножен клинок. — Ходить только в паре, не теряться! Желаю всем нам удачи. Двинулись!

* * *

— Мы сейчас работаем наживкой, — с неизменным оптимизмом вещал Эйнар. — Каттакану достаточно заметить неосторожных двуногих, выбравшихся на позднюю прогулку, выбрать жертву и... Тогда я не поручусь за целостность твоей шкуры. Мною упырь побрезгует — слишком костлявый.

— Гвай, кажется говорил, будто в лесу безопасно, — напомнил Конан. — Упырю незачем проламываться сквозь ветки деревьев, чтобы поужинать вонючим киммерийцем и ядовитым броллайхэн.

— Не забудь, каттакан вполне может переместиться в пространстве за долю мгновения и атаковать неожиданно... Пока я не замечаю никакой опасности. Только справа, шагах в сорока, за нами наблюдает волк-одиночка. Боится подойти к людям поближе. Видишь?

Конан видел. И вправду, волк. Стоит между деревьев, немного приподняв и согнув переднюю лапу. Глаза светятся красными огоньками. Чувствует, что добыча не по его зубам — животные предпочитают не связываться с вооруженным человеком, особенно если человек идет не один.

Удивительный настой, которым Гвайнард опоил варвара, превратил ночной лес в удивительное царство голубоватого света и призрачных серых теней.

Глаза Конана, как и в ясный полдень, могли различить любую травинку в подлеске, светлячки выглядели сверкающими изумрудами, а звезды над головой превратились в холодные белые, розовые и желтоватые пятна. На неполную луну смотреть невозможно — ночное светило теперь появлялось!

Одно непривычно: резкая смена цветов. Трава стала не зеленой, а темно-синей, стволы деревьев — серебряными или густо-медными. Мелкая живность наподобие хорьков, мышек или ночных птиц почему-то выделяется красноватым свечением — чем крупнее животное, тем ярче алый ореол. Конан, однако, довольно быстро притерпелся к но-

вым краскам и теперь с видимым удовольствием глазел по сторонам.

Киммериец и Эйнар, как и было предписано Гваем, направились точно к Полночному восходу, в сторону самой крутобокой сопки Белой гряды, выглядевшей в точности похожей на острый и треугольный зуб каттакана. В чаще не происходило ничего необычного — ночная жизнь текла своим чередом.

Плосколикая сова-неясыть охотилась на полевков, далеко впереди недовольно ворчал разбуженный чем-то медведь, черная гадюка ползла по своим загадочным гадючьим делам, а лисицы пытались разрыть заячью нору. Пейзаж мирный, неопасный, можно даже сказать, благостный. Думать об упыре, затаившимся неподалеку, не хотелось.

— Идем незнамо куда, без ясно определенной цели, — наконец возмутился киммериец. — Ночные прогулки под луной, суть развлечение для бездельных скучающих дворян, а не для охотников за монстрами! Эйнар, мне надоело!

— Какие мы нетерпеливые, — сплюнул броллайхэн. — Не беспокойся, ночь едва началась, еще потанцуем... Тихо, меня Гвай зовет!

— То есть как — «зовет»? — не понял Конан. Он не слышал ничего, кроме потрескивания веток, шуршания в траве и лисьего пофыркивания.

Эйнар, наклонив голову набок вслушался в одному ему различимые звуки и сразу потянул Конана за рукав, заставляя повернуть с тропинки налево.

— Читать мысли другого человека я не умею, но услышать мысленный зов вполне в состоянии, — сказал броллайхэн. — Давай-ка бегом! Кажется,

Гвай и Асгерд заметили нечто интересное! Лес чистый, ноги не переломаешь! Топай за мной, выведу точно к нашим поделщикам!

Побежали. Ночное зрение не подвело и сейчас — отлично видны все ямы, поваленные деревья или скрытые травой валуны.

И все одно, Конан едва не поскользнулся и не вывихнул стопу.

— Здесь, — выдохнул броллайхэн, когда позади осталась полная лига. — Фу, запыхался и взмок! Гонки по дебрям не входят в число моих любимых забав.

— Если Гвай обязан быть здесь, то куда он пропал? — осведомился Конан, оглядывая обширную поляну. — Не вижу.

— Охотник должен уметь хорошо прятаться, — послышался невозмутимый голос Гванарда, который внезапно появился из густой тени пушистой синей елки. — Если вы меня не видите, значит и упырь не видит. Асгерд, слезай! Конан и Эйнар пришли!

Девушка спрыгнула откуда-то сверху, надо полагать — с ветки дерева.

— Почему звали? — броллайхэн не переставал оглядываться. — Упыря нашли? Если нашли, то почему я не вижу его разделанную тушу?

— Сейчас прилетит Рэльгонн, — сказал Гвай. — Каттаканы заметили дикаря. Логово совсем близко. Конан, умоляю, не хватайся за меч, все равно не поможет. Тут надо действовать не напрямик, а применить военную хитрость. То есть — учинить подлянку.

— В нашей работе любые средства хороши, — усмехаясь, дополнила Асгерд. — Благая цель их

вполне оправдывает. Конан, ты ведь не собираешься церемониться с вампиром? Эй, парни, месьор Рэль пожаловал! Смотрите!

Она вытянула руку, указывая на небо. Конан, щурясь от невысказанно яркого света звезд и белого зарева лунного заката, увидел большую птицу, выписывающую долгие круги высоко в воздухе.

Нет. Никакая это не птица. Силуэт принадлежит некоему неведомому существу, лишь очень отдаленно напоминающему летучую мышь. Пока тварь находится слишком далеко и подробностей не разглядеть.

— Слушайте, а если это не Рэльгонн? — подал голос киммериец, когда парящий в небесах упырь начал быстро и абсолютно бесшумно снижаться. — Гвай, ты уверен?

— Уверен, — процедил Гвайнард. — Как в самом себе. Не следует беспокоиться, я уж как-нибудь отличу нормального каттакана от одичавшего.

Упырь рассек воздух над поляной, скользнул к большой раскидистой сосне и умело зацепившись задними лапами за ветку, сложил крылья, повиснув на дереве вниз головой.

— Подойдите, — прошепел знакомый голос хозяина Рудны. — И не обращайтесь внимания на мой импровизированный насест, мне так удобнее разговаривать. Месьор Гвай, мы его нашли! Точнее, выяснили где находится логово! Я преувеличивал сложность задачи, все оказалось намного примитивнее.

Доблестные охотники окружили сосну и задрали головы. Упырь раскачивался на поскрипывающей ветке в десятке локтей над землей.

Варвар с трудом поверил, что человекоподобный Рэльгонн способен так разительно изменить внешность. Исчезли руки, заместившись крыльями с тонкой, похожей на сухой пергамент, кожистой перепонкой. Ноги, наоборот, стали маленькими и украсились мощными толстыми когтями, которыми каттакан и уцепился за дерево. Голова осталась прежней, то есть редкостно непривлекательной. Приоткрытый рот демонстрирует любому желающему впечатляющий набор острейших зубов — сотни две, не меньше, да еще и расположены в три ряда... Непривычный к вампирам человек, увидев эдакого красавчика помрет со страху.

— Дикарь отправился за добычей, — сказал Рэльгонн. — Дядюшка заметил его случайно, когда упырь вылез из норы размять крылья. Как и условлено, мы не стали начинать преследование — спугнем, и он опять сменит берлогу. Ищи-свищи потом... У дикаря очень странный запах мысли, словно он действует подчиняясь не инстинктам, а приказу... Упырь и впрямь безумен. Но это не простое безумие, выгоняющее каттакана из укрытия в неположенное время. До полнолуния, напомню, осталось целых три седмицы! У людей такая болезнь называется «порчей». Сглаз, порча, наведенное сумасшествие... Мы в недоумении. Каттаканы не подвержены чужому мысленному воздействию.

— Следовательно, ошибались, — сказал в ответ Гвай. — Получается, что дикаря... сглазили?

— Можно сказать и так, но эти слова ничуть не проясняют истинной сути происшедшего, — очень серьезно пробурчал Рэльгонн. — Задета отнюдь не честь нашего рода, а наша общая безопасность! Если кто-то научился манипулировать одичавшим

каттаканом, значит подобная судьба может постигнуть и меня, и мою семью. Я начинаю побаиваться за дальнейшую судьбу разумных каттаканов.

— Оставьте, месьор Рэль, — бесстрастно ответил Гвай. — Помогите нам, и мы поможем вам. Где находится логово?

— Полуночный склон второй сопки Белой гряды. Естественная пещера под корнями гигантского кройхана. Не ошибетесь, дерево приметное, высшее. Когда собираетесь отправиться на место?

— Явимся к пещере в полдень, если будет солнечно и не пойдет дождь.

— Я попрошу... кое-каких старых друзей, чтобы вас проводили. Не удивляйтесь, если это будет непривычное человеку существо. Когда окажетесь рядом, пускай месьор Эйнар пошлет мне мысленный призыв — в пещере темно, я помогу скрутить упыря. А следующей ночью решим, что делать с бруксой. Мне кажется, что именно неизвестный вампир-маг сумел подчинить моего сородича. Идите домой, отоспитесь как следует. От каттакана я вас оберегу, но... Очень прошу, не впускайте других людей. Каждый пришедший на хутор незнакомец может оказаться врагом.

— К старости ты стал подозрителен, — брولайхэн не упустил случая поддеть упыря. — Семь с лишним тысяч лет жизни среди двуногих, любого добропорядочного вампира вгонят в слабоумие.

— Не понимаю, почему ваше безмозглое племя умудряется превратить в дешевый балаган даже самое серьезное предприятие? — парировал упырь, и его немедленно поддержал Гвай:

— Не спорю, я всегда говорил, что мир нужно спасать с улыбкой на лице, но иногда следует при-

держивать ретивое. Проклятая брукса не выходит у меня из головы.

— Вас обоих, — Эйнар посмотрел на Гвайнарда и Рэльгонна, — словно в огуречном рассоле полгода вымачивали, если по лицам судить! Неужели не понимаете — ничего особенного не происходит! Все как в сказке — придем в логово чудовища, наскоро пообломаем ему рога, заткнем пасть собственными онучами, прихватим сокровищ, сколько сможем унести — и домой! Пиво пьянствовать и девок портить! Герои мы или кто?

— Насчет девок — не знаю, — усмехнулся упырь. — А ты, если не заткнешься, будешь «попорчен» самолично мною. Тебя давно вампиры не кусали?

— Давно.

— Все, господа, разговор окончен, — провозгласил Рэльгонн, не желая углубляться в бессельные пререкания с Эйнаром. — До завтра.

Упырь расправил крылья-паруса, снялся с ветки, тяжело скользнул над самой травой и начал подниматься к небу. Асгерда помахала вслед ладонью.

— Возвращаемся, — коротко сказал Гвай. — Только поглядывайте по сторонам, мало ли...

Небольшое приключение поджидало храбрых Ночных стражей возле самого хутора. Едва за деревьями показались громоздкие бревенчатые постройки, не устававший бдеть киммериец углядел в кустах дикий малины неясное шевеление. Не барсук, не лиса и вообще не зверь — Конану почудилось, что он видит оживший заплесневелый пенек. Пень двигался, едва слышно гукал и вовсю жрал малину. Согласимся, что никакие уважающие себя пни

не станут бродить ночью по лесу, а тем более собирать ягоды.

Варвар, окликнув Эйнара, с ужасающим треском вломился в кусты, но пенек оказался весьма шустрым — метнулся прочь, явно желая затеряться в подлеске, а когда Конан схватил его за самую верхушку, издал такой громогласный визг, что у киммериец едва не разжал ладонь.

— В чем дело? — Гвай, поднявшийся на крыльцо застыл, глядя как варвар тащит в обеих руках нечто маленькое, вопящее и яростно отбивающееся. — Конан, что это такое? Выброси, зачем нам лесная кошка? Мышей ловить?

— Это не кошка! — прохрипел киммериец, и сразу был укушен за палец. — Демонны зеленые, это... Кусается, гаденыш!

Асгерда дожидалась приятелей в главной комнате дома и уже разлила по стаканчикам снадобье, возвращающее человеку нормальное зрение. Не перестававший удерживать невиданную добычу Конан, левой рукой схватил чарку, выпил и вновь был тяпнут за запястье. Теперь уже до крови.

— Тварюга поганая! — взревел киммериец, и встряхнул пойманный пенек с такой силой, что тот обмяк и повис в руке, словно мешок. — Гвай, посмотри!

— Иштар Добросердечная... — Гвайнард с размаху плюхнулся на лавку, созерцая маленькое, в четыре ладони, существо, которое Конан крепко держал за шиворот. — Вот не ждали, не чаяли! Данхан! Батюшки, настоящий данхан! Их же не бывает!

— Не бывает, ждите! — досадливо бросил Конан. — Едва руку не откусил, мерзавец!

Малыш напоминал очень небольшого человечка, даже меньше знаменитого карлика немедийской королевы, считавшегося самым невысоким человеком на свете — всего один локоть и двенадцать пальцев. Седая борода до пупа, маленькие, глубоко запавшие злобные глазки ярко-зеленого цвета, одежда сплетена из соломы, в густых волосах застряли веточки и травинки, на кривых ножках деревянные башмачки.

— Лешак, — немедленно определила Асгерд. — Ничего себе, сюрприз! Ты откуда взялся, уродец?

Лешак молчал, сжав малюсенькие кулачки.

— Конан, поставь его на стол, — неожиданно резко потребовал Эйнар. — Не тряс! Гвай прав — это натуральный данхан, лесной карлик. Считаешь, что эта небольшая раса полностью вымерла, однако несколько семей данхан и сейчас живут в Аэльтунне. Интересно, почему он забрался так далеко от дома?

Данхан, утвердившись на ногах, поедал глазками людей и яростно фыркал на Конана. Гвай, Асгерд и варвар отвечали лешаку столь же изумленным взглядами. На их глазах ожила очередная легенда, повествующая о племени пакостных лесных карликов. Они мол, способны заблудить и завести человека в трясины или непроходимые чащи, они таскают у путников еду, они устрашают людей дурными воплями и способны натравить волка... Словом, ничего хорошего от лешака ждать не приходится.

— Упырь говорить моя ходи сюда, — наконец, соизволил высказаться данхан. — Моя не хотеть. У? Моя все равно придти. Провожать дом плохой упырь. У?

— Это не бритунийский и не аквилонский языки, — сказал Конан, хотя это было вполне очевидно. — Ты хоть по-человечески разговаривать умеешь?

— Моя все умею, харя. У?

— Понял! — хлопнул рукой по столу Гвай. — Это наш провожатый. Тот самый, о котором говорил Рэльгонн. Давайте его отпустим, не хочется ссориться с лешим и его зубастыми покровителями. Асгерд, положи на крыльцо кусочек хлеба и ломоть окорока — пускай поест.

Данхан слез на пол по ножке стола и заковылял к двери. Обернулся на пороге, сотряс воздух градом вполне понятных людям изощренных ругательств и исчез в темноте.

— Заповедник гоблинов, — опешивший Конан вернулся к своему исходному мнению о Ронинской провинции. — Не удивлюсь, если завтра это чучело приведет нас прямиком в пасть упыря... Кто как хочет, а я немного перекушу и на боковую.

— Сним здесь, по дому не расходимся, — сказал Гвайнард. — Один сторожит. Эйнар, ты все равно можешь сутками не спать, да и способности броллайхэн не нашим чета. Поэтому охранять будешь ты. Конан, налей-ка ягодного вина. Надо слегка расслабиться.

— Почему крайним всегда оказывается Эйнар? — уныло спросил сам себя броллайхэн. — Ничего, вот сговорюсь со всеми нелюдьми Ронина и устрою охоту на охотников! Представляете полторы сотни лесных карликов, штурмующих этот дом? А сверху налетают зубастые упыри? А в ворота ломится ронинский Триголов? С восседающей на спине бруксой? Увлекательная, скажу я вам карти-

на — скопище самой нечистой из всех нечистых сил Хайбории...

— Закрыв бы ты хлебало...

Эйнар философски вздохнул и потянулся к кувшину с вином. Одна маленькая радость в жизни затравленного людьми броллайхэн все-таки осталась.

* * *

Половина победы — в простоте!

Гвай, придерживаясь этой неоспоримой догмы, категорически запретил брать с собой любые ненужные вещи — зачем волочь на горбу снаряжение, которое никак не пригодится? А что пригодится?

Очень просто: сплетенная из гибких стальных нитей крепчайшая сеть, несколько мотков веревок, снабженных на концах крючьями наподобие рыболовных, особые фонарики, которые можно закрепить на груди. Оружие, само собой. Асгерд из двух своих клинков выбрала не посеребренный, а обыкновенный — каттакан нечистой силой не является, значит серебро упырю не страшно. Эйнар вообще меч не взял, заявив, что обойдется магией и кривым туранским ножом. Гвайнард, кроме меча, прихватил необычный арбалет — его собственное изобретение. Внутри полый деревянной рукояти находились двадцать пять тонких и тяжелых металлических стрел, после выстрела тетива сама натягивалась пружинным механизмом, а стрела выталкивалась на ложе — из такого самострела можно палить непрерывно, пока болты не закончатся.

Конан остался при своем обычном вооружении: клинок за спиной, кинжал на поясе, подаренный райдорцами на празднике Солнцестояния замечательный охотничий нож — за голенищем сапога. Более чем достаточно.

Решили идти пешком — верховые лошади только добавят забот...

Однако, Малыша-тяжеловоза Асгерда и полусонный броллайхэн вывели из конюшни и быстро взнуздали. Гвай загадочно сказал, что Малыш примет самое непосредственное участие в деле, но как именно командир ватаги собрался использовать громоздкую конягу, Конану пока осталось неизвестным.

— Где наш проводник? — спросил Гвайнард, остановившись у ворот хутора. — Конан, запомни на будущее: если вдруг зачешутся руки и ты снова захочешь поймать какого-нибудь необычного лесного жителя, сначала спроси меня или Эйнара. Угораздило же тебя вчера вечером...

— Данхан ужасно обидчивы, — согласился Эйнар. — И терпеть не могут людей. Вы уничтожали лесовиков пятьсот столетий и почти добились своего — доселе не могу уяснить, как выжили последние семьи карликов?.. Спасибо альбам, спрятали данхан от хипного людского взгляда у себя, в скрытом городе. Еще полторы тысячи лет назад на полуночи материка обитало пятнадцать-двадцать тысяч данхан — кхарийцев они мало интересовали. Но после хайборийского нашествия карлики вымирали целыми кланами. Точнее, не вымирали, а истреблялись новыми хозяевами земель Бритунии, Немедии и Пограничья. Не удивляюсь, что данхан искренне ненавидят человеческую расу.

— Мне от их ненависти ни холодно, ни жарко, — самоуверенно заявил Конан, машинально подсовывая Малышу прихваченную из дома морковку. Тяжеловоз брал угощение с ладони огромными мягкими губами и глубокомысленно жевал. — Сами знаете, большинство людей не принимает и не понимает чужого, а если чужак незащищен, его проще убить, чем принять или понять. Попробовали бы хайборийцы истребить гномов! Армии подземных бородачей непобедимы, а захватить их подгорные жилища никому и никогда не удастся. Данхан, конечно, жалко, но... Убью гаденыша!

— У?

Прилетевшая неизвестно откуда тяжелая шишка чувствительно ударила киммерийца по лбу. От второго снаряда варвар тоже не успел увернуться — шишка царапнула по щеке.

— Эй, хватит! — вскричал Эйнар, рассмотрев прятавшегося в дупле старой ели данхан. — Спускайся, никто тебя не тронет!

На всякий случай бrolлайхэн добавил еще несколько слов на некоем жутком наречии, изобиловавшем цокающими и свистящими звуками. Эйнар знает язык лесных карликов? Впрочем, чему только не научишься за долгие столетия жизни!

Волосатая тварь ловко сползла по бугристому стволу на землю, переваливаясь подошла к Ночным стражам, ничуть не обращая внимания на взбешенного Конана (росточком данхан едва достигал колена длинного киммерийца), оглядела безмятежного тяжеловоза и повернулась к Эйнару — не-человеку карлик доверял больше.

— Моя ехать спина большая тварь, — надменно сообщил данхан. — У?

— У! — не стал спорить Эйнар. — Посадим его на Малыша? Иначе лешак за нами не угонится.

Лесовик расположился на широкой холке тяжеловоза, вцепился пальчиками в густую гриву и пискнул:

— Прямо! Дык?

— У! — опять согласился бrolлайхэн, а остальные не сдержали улыбок. Исклчительно содержательная беседа.

С тем и отправились. Данхан изредка командовал: «лево», «право», «стой». Все, включая Конана, заметили, что лешак выбирает наиболее короткую и удобную дорогу, старательно обходя болотины, овраги или бурелом. Проводник знал окружающие Ронин чащобы наизусть, лучше любого следопыта или охотника.

— Тут! — отпортовал данхан, когда отряд поднялся на треть высоты полуночного склона указанной Рэльтонном сопки. — Ваша стоять, большая тварь стоять. Моя покажи нора. Идти сейчас. Дык?

Последние слова относились к Эйнару. Бrolлайхэн пожал плечами, снял лешачка с холки тяжеловоза и скрылся вместе с проводником в зарослях крапивы.

Да, местечко весьма приметное. На одной горе будто бы выросла вторая — невообразимо огромный, засохший кройхан.

Можно подумать, что юный росток этого дерева встречал самый первый рассвет, в миг сотворения мира. Потемневший, ставший почти черным ствол, у подножия распускался змеиным сплетением корней, протянувшихся на сотни шагов. Ветви нависали над людьми чудовищной лапой невидан-

ного дракона — зрелище сказочное, но слишком мрачное. Вокруг кройхана обычные деревья не росли, только папоротники, крапива и пушистый хвощ — слишком разветвлены корни погибшего титана, сосна или лиственница за почву не зацепятся...

— Рэльтонн прав, там пещера, — Эйнар вынырнул из крапивного леса. — Вход широкий, только много паутины и засохших веток. Данхан пробрался внутрь до половины пути, сказал, будто пещера разделена на три части — коридор, большой зал прямо под стволом дерева и за ним еще одна, маленькая пещерка, заложённая камнем. Убежден, упырь живет здесь.

— Так... — Гвай быстро оглянулся. — Солнце подходит к зениту, скоро полдень. Начинаем работать, нет смысла терять время. Эйнар, займись лошадей. Конан, Асгерд, оставайтесь тут, обсудим диспозицию.

Диспозиция оказалась и простой, и благоразумной.

Пещера находится на полуночном склоне, солнце загораживают ствол кройхана и острая вершина сопки. Вплоть до подножия холма — открытое, но тенистое пространство. Каттакана следует доставить под прямые лучи светила, он умрет довольно быстро.

Сонный упырь опутывается сетью, которую зацепляют крючьями, привязанными к длинным веревкам, а пущенный в галоп Малыш вытаскивает вампира к лесу, на солнечную прогалину. Ничего сложного.

Остается только грамотно реализовать данный план и не пострадать самим.

Эйнар надел на тяжеловоза широкий кожаный ошейник-ярмо с железными петлями и теперь привязывал к ним концы веревок. Асгерд разворачивала металлическую сеть. Конан, чувствуя себя неприкаянным, расспрашивал Гвая:

— Что я должен делать? В точности?

— Если упырь начнет просыпаться, руби. По голове или по рукам. Тебе отводится роль той самой «грубой силы» которую мы применяем довольно редко. Встанешь слева от меня, чтобы не попасть под арбалетные стрелы. Сначала упыря надо ослепить, выбить глаза — этим я и займусь. Если станет совсем плохо и ты почувствуешь прямую опасность для жизни — отступать без приказа. Мне трупы не нужны, всегда старался работать без потерь. Но я уверен, при помощи Рэльтонна мы управимся меньше, чем за квадранс. Понял?

— Понял, — кивнул варвар. — А кто погонит вниз Малыша?

— Боссонскому тяжеловозу можно не отдавать приказы. Кони этой породы сами отлично соображают, что к чему. — Гвай обернулся к подошедшим Эйнару и Асгерд. — Готовы? Эйнар, сообщи Рэльтонну, что мы начинаем!

...Броллайхэн тащил четыре мотка веревок с крючьями, Гвай шел впереди, чуть сзади и по бокам двигались киммериец и нордхеймская охотница. Пещера раскрыла зев неожиданно. Меж корнями огромного дерева стал виден черный проход высотой в полный человеческий рост. Рядом, на камушке, восседал данхан и невозмутимо потягивал черничную настойку из тыквенной баклажки — на седой бороде виднелись темные синеватые капли.

— Там, — карлик указал ладошкой в глубину пещеры. — Ваша идти, моя сторожить. У?

— Согласен, мы пойдем, — невесело улыбнулся Гвай. — Эйнар?

— Месьор Рэль прибудет немедленно, как только я подам ему мысленный сигнал, — бодренько извещил броллайхэн. — Хотите жить вечно? Не получится, это моя и только моя привилегия! Чего встали? Вперед!

* * *

Скорее всего, в не особо отдаленном прошлом, пещеру занимал лесной хозяин — на высохшей глине остались смазанные отпечатки медвежьей пятерни. И жил здесь не простой медведь, а серый: слишком большая лапа.

На проросших через свод острых корнях заметны обрывки темной седой шерсти. Владыка леса или сам убрался подобиру-поздорову после зимовки, или его выжил новый постоялец — зверино запаха не ощущается.

Данхан не солгал. Коридор, плавно загибающийся влево, оказался длиной около тридцати шагов. Когда Ночные стражи осторожно приблизились к самой пещере, образованной куполом корней кройхана, стало темно.

Спасали прихваченные Гваем фонарики — свет фитиля многократно усиливался установленным внутри вогнутым зеркальцем, а сам фонарик крепился к груди ремешком. И светло, и руки не заняты.

— Интересно, что мы увидим? — прошептал киммериен, обращаясь к Асгерд. — Упырь, как и

положено, спит в гробу? А под потолком girляндами висят сушеные младенцы? И кувшины с кровью вдоль стен?

Асгерд покрутила у виска указательным пальцем левой руки. Правая была занята хитро уложенной сетью.

— Подумай, откуда каттакан возьмет гроб? — тоже шепотом ответила она. — Кроме того, в гробу спать тесно...

— Тише вы, — беззвучно ругнулся Гвайнард. — Потом языки разомнете! Не хватало только разбудить упыря раньше времени!

— Он не должен проснуться от ваших разговоров, господа. Говорите нормальным голосом.

Рэльгонн возник из ничего, из воздуха, вынырнул из пустоты. Только что упыря не было, а сейчас он стоит перед охотниками. Костюм прежний, могильно-черный. И Рэльгонн снова выглядит почти как человек — от ночного облика летучего монстра и следа не осталось.

— Хвала богам, — с видимым облегчением сказал Гвай. — Думал, ты не придешь.

— Я всегда выполняю данные обещания, — с обиженной интонацией в голосе ответил каттакан. — Ничего не поделаешь, пришлось пожертвовать отведенным для отдыха временем. Однако, и вы ночью не спали, так что удовольствие взаимное. Давайте осмотримся. Наша цель буквально в нескольких шагах, я ощущаю его сны...

Рэльгонн запустил к потолку пещеры уже знакомый ватаге золотистый шарик и с детской непосредственностью прошелся по твердой, слегка присыпанной песком, глине. Задержался возле груды костей в углу.

— Ага, вот и остатки пиршеств моего дикого собрата, — вздохнул упырь. — Отчего вы стоите на пороге, подойдите. Пока здесь безопасно, а все магические ловушки я уже обезвредил.

— И ловушки были? — поразился Конан. — Магические? Ты же говорил, будто дикарь ничего не соображает! Он неразумен!

— И что из того? — вздернул острые плечи Рэльгонн. — Колдовские способности в нашем роду передаются по наследству. Для каттакана защитная магия столь же естественна, как для вас дыхание или, извиняюсь перед дамой, опорожнение кишечника. Кролик тоже неразумен, однако он дышит, ест и умеет быстро бегать. При чем тут разум?

— Солидный запас, — почесал в затылке Гвай, оглядывая завал из костей. — Можно хороший забор построить, только обыватели не оценят.

— Юмор висельника, — буркнула Асгерд. — Глядите, в основном здесь кости животных — лось, олень, челюсть горного козла, коровий рог... Я ожидала найти нечто совсем другое.

— Это?

Гвай быстро нагнулся и перебрал Асгерд большой круглый предмет. Она поймала его левой рукой, хладнокровно осмотрела и кинула обратно в кучу. Тонкие кости свода белого человеческого черепа хрустнули.

— Есть еще ребра, десяток-другой берцовых и плечевых косточек, и множество позвонков, — сказал Гвайнард. — Если очень постараться, то наберем троих или четверых целых людей. Остается попросить у каттакана вернуть живую плоть и надеть ее на скелеты.

— Трое или четверо... — эхом повторил Рэльгонн. — А погибших и похищенных в Ронине насчитывается около полусотни. Лишнее подтверждение наших догадок о бруксе — каттакан, несомненно, нападал на человека, но гораздо реже, чем мы предполагали. Заметьте, кости довольно старые, им не менее полугода.

— И доставлены они сюда вовсе не упырем, — с видом записного пророка объявил Эйнар. — Если доселе не сообразили, объясняю. Каттакан недавно сменил убежище — Рэль, ты сам рассказывал, что несколько дней назад спугнул упыря и он перебрался в эту пещеру. Теперь обратите внимание на отметины зубов — они наличествуют почти на каждом мосле. Ничего похожего на челюсти каттаканов, скорее наоборот! Поняли ошибку? Это кладбище принадлежит не упырю, а серому медведю, прежнему владельцу берлоги. Лесной хозяин чело-вечинкой отнюдь не брезгует...

— Оказывается, ты не только пиво жрать горазд, а иногда и головой думать умеешь, — похвалил броллайхэн Гвайнард. — Что же это получается, а?

— Получается, что надо лучше осмотреть убежище каттакана, — Конан указал на неровную каменную кладку в углу пещеры, которую медведь не сумел бы возвести при самом страстном желании. — Не уразумею, у нас охота или обычная прогулка? Я бы, на месте упыря, давным-давно вылез наружу и задал непрошеным гостям хорошенькую трепку!

— Обычно, в середине светового дня мы спим исключительно крепко, — напомнил Рэльгонн. — В этом состоит одна из редких слабостей каттакана

— надо прятаться так, чтобы никто не нашел... Я присматриваю за ним, никаких признаков беспокойства!

— Раньше начнем — раньше закончим, — провозгласил Гвай. — План прежний. Конан, Эйнар, уберите завал!

— Как обычно, черная работа достается новеньким и самым молодым, — безнадежно вздохнул броллайхэн. — Конан у нас в отряде всего пятый день, а мне по виду и двадцати зим не сравнялось... Давай киммериец, потаскаем булыжники. Только бросай их в сторону, чтобы выход не загоривать!

Оказалось, что разобрать кладку отнюдь не просто — камни скреплялись непонятной липкой гадостью, вроде тягучей полупрозрачной слюны.

— Это и есть слюна, — растолковал упырь. — Дикари используют ее для строительства логова. Ого, кажется, потянуло знакомыми запахами!

Из расширившегося на глазах проема явственно несло свеженькой мервечиной. Когда Конан и броллайхэн окончательно убрали камни, Эйнара опять начало тошнить — в дальней части пещеры не просто смердело, а буквально вопияло к небесам.

...Когда впоследствии варвара расспрашивали о его похождениях вместе с Гвайнардом и отрядом бритунийских Ночных стражей, Конан предпочитал умалчивать о том, что именно было обнаружено в берлоге ронинского упыря. Не хотел вспоминать. Говорил только о семи человеческих телах и останках самых разных животных. Уборкой своего дома дикий каттакан себя не утруждал, а потому выглядело логово до крайности тошнотворно.

— Фу, какая гнусная картина! — Рэльгонн первым зашел в пещерку и сразу подобрал полы длинного балахона. Боялся испачкаться. — Вот к чему приводит отсутствие разума! Асгерд, если вы действительно ожидали найти здесь «нечто совсем другое», а не банальные кости оленей — милости прошу заглянуть в уютную спальню нашего общего друга. Однако, не уверен, что вам тут понравится.

Более стойкий Конан решил и последовал за Рэльгонном. Немедленно подоспел и Гвай.

— Вот он! — будто и не заметив царящего в обиталище каттакана смрадного ужаса, воскликнул Гвайнард и указал наверх. — Точно, дрыхнет! Как нам его оттуда достать?

На толстом отростке древесного корня, извивавшимся под потолком, безмятежно висел дикий упырь. Тварь очень походила на ночную личину Рэльгонна. Аккуратно сложенные крылья, закрывающие голову. Когтистые задние лапы, туловище в складках, морщинах и бугорках. Кожа не пергаментно-белая, как у повелителя Рудны, а серо-голубая. Симпатяга.

— Сбросить его вниз несложно, — поджав и без того тонкие губы сказал Рэльгонн, — и тогда дикарь начнет просыпаться. Хватайте сети и вытаскивайте его на свет...

— Это может показаться жестоким, — заикнулся Гвай, — но я предпочту немедленно ослепить упыря.

Рэльгонн только махнул длиннопалой ладонью, будто хотел сказать: «Делайте, что хотите, только давайте закончим побыстрее!». Конан начал понимать его чувства — каково бы пришлось человеку,

вынужденному убить сородича с помощью явившихся из чужого мира монстров?

Вытянув руки к потолку Рэльгонн что-то коротко шепнул, земля под ногами слегка качнулась, а дикий упырь вдруг с размаху грохнулся в самое месиво полуразложившейся мерзости. Шевельнул крылом, раскрыл пасть, словно зевая.

И немедленно началась деловая суета.

— Асгерд, сеть! Конан, подцепи его крючками и вытащи в большую пещеру! — команды Гвая были понятными, короткими и спокойными. — Эйнар, катись наружу — пригляди за Малышом, только под ногами путаешься! Месьюр Рэль, отойдите, вы мешаете!

Броллайхэн бегом рванул к выходу.

Все более активно брыкающегося упыря выволокли из логова, Гвай наступил ему на крыло и всадил по арбалетной стреле в каждую глазницу. Каттакан тоненько заверещал, распялив зубастый рот. Спустя несколько мгновений его опутали металлической сеткой.

— Почему лошадь не тянет?! — заорал Гвай. — Эйнара своими руками придушу!

— Если не тянет, значит возникли сложности, — тревожно проговорил Конан, поглядывая на дергающегося каттакана. — Потащили сами! Время уходит!

— Я прощаюсь до ночи, — скороговоркой проронил Рэльгонн. — Дальше без меня справитесь. Счастливого оставаться.

Рудненский владетель запахнулся в плащ и исчез: переместился в альбийскую крепость.

Конан, Гвай и Асгерд уже волокли почти проснувшегося упыря к выходу из пещеры. Ошара-

шенный внезапным пробуждением и сильнейшей болью каттакан отбивался довольно вяло и свои магические умения пока не применял.

Яркий дневной свет, крапива, склон холма... Асгерд, споткнувшись, упала, но командир отряда вместе с варваром упрямо тащили тяжеленного упыря к подножию, на солнце. Тварь орала все сильнее и тоныше — поняла, что жить осталось недолго. Еще немного и...

Синеватая кожа дикого каттакана под прямыми лучами светила потемнела, запузырилась и начала исходить сизоватым дымком. Ожоги страшнейшие — на плечах и на черепе сторевшая плоть обнажила грязно-желтые кости.

Неприятная смерть...

Упырь выл жалобно, поскуливая и взвизгивая. Кончилось все внезапно — он последний раз дернулся в безнадежной, отчаянной попытке вырваться, и сразу затих. Тело медленно догорало.

— Хоть в чем-то сказки не ввали, — заморожено сказал Конан, глядя на останки упыря. — Никогда ничего подобного не видел!

— И молись всем богам, чтобы не видеть в будущем, — пробурчал Гвай и огляделся. — Меня сейчас больше интересует другое: куда пропали Эйнар, Асгерд и Малыш?

— Я здесь, — Асгерд, хромя, пробиралась к поляне. — Ногу подвернула. Эйнара не видела, а с Малышом вообще непонятно что случилось. Опейник порван, валяется на земле. Он попросту сбежал!

— Быть такого не может! — ахнул Гвай. — Во что угодно могу поверить, только не в бегство боссонского тяжеловоза!

— Малыш никуда не сбежал, не клеветайте, — раздался мрачнейший голос бrolлайхэн, появившегося из-за деревьев. — Коня убили.

— Убили?! — хором переспросили Ночные стражи. Конан сначала решил, что Эйнар крайне неудачно пошутил, однако на глазах беззаботного бrolлайхэн стояли слезы. — Каким образом? Где?!

— Тело лежит в сотне шагов отсюда. — Эйнар подошел к дымящемуся скелету упыря, уселся на валявшийся рядом замшелый камень и схватился руками за голову. — Я успел заметить нападавшего. Женщина, человек... Лицо в подробностях не разглядел, она мигом скрылась. Я почувствовал ледяное дуновение — мерзавка использовала черную магию! Черная магия — в полдень! Понятно вам?

— Так, — Гвай тяжело задышал и стиснул рукоять клинка. — Вот теперь я разозлился всерьез... Веди, показывай!

Глава пятая,

*в которой Гвайнард догадывается
о сущности вампира-мага, потом случаются
большой пожар и маленький бунт,
а Ночные стражи неожиданно становятся
свидетелями весьма необычной церемонии*

Гвет слов, достойнейшие месьоры... Это невероятно, непостижимо! Вам хватило всего двух дней, чтобы найти и уничтожить упыря! Если вы беспокоитесь по поводу оплаты, то совершенно напрасно. — уверяю вас, я никогда не бросаю слов на ветер. Обещанную награду получите немедленно. Золотом, слитками или векселем?

— Вельможный, о награде пока говорить преждевременно...

— Почему? Вы убили тварь, принесли доказательства. Я тотчас распоряжусь! Господин каштелян!..

— Я же сказал, сударь — преждевременно. Нам необходимо поговорить с глазу на глаз, светлейший эрл.

— Если вы просите, господа... Месьор Алистер, почтенные старосты, выйдите из кабинета. Дождитесь нас в тронной зале, вечером устроим пир в честь Ночных стражей! Кстати, почему в замок не явились ваши соратники? Надеюсь, они... не пострадали?

Вельможный эрл Алаш Ронин зря беспокоился. Никто из отряда Гвайнарда не был ранен, если не считать случайно оступившуюся Астерда. Впрочем, она почти не хромала и на боль в стопе не жаловалась. Упомянуть о гибели Малыша пред ликом светлейшего пока было рановато. Поначалу следовало рассказать о подробностях охоты на каттакана.

В Ронинскую крепость отправились только Конан и Гвай. После убийства дикого упыря и краткого расследования гибели тяжеловоза-боссонца вся компания вернулась на хутор, собралась в дорогу и уже во второй половине дня прибыла в главный поселок княжества. Один Эйнар ехать отказался, сообщив, что направится в соседнюю деревню, искать владельца Журавлиного хутора с семейством — кметов следовало допросить с пристрастием. Может быть, их рассказ даст некоторые зацепки для поисков бруксы.

Астерда оставили в таверне «Свинья и котел», разбираться с вещами и вылавливать последние шилетни — нечего ей ноги ломать на козлиной тропке, ведущей в замок! Киммериец и Гвай сами отлично справятся.

Эрл Алаш принял охотников незамедлительно, пускай в кабинете вельможного и собрались старосты деревенских общин — обсуждали виды на урожай, нововведенные герцогом налоги и, конеч-

но, перемывали косточки упырю. Когда варвар с невозмутимой торжественностью вынул из холщового мешка прихваченный в качестве трофея обгоревший череп каттакана, и водрузил на стол его светлости, почтенные старцы затихли. Алаш Ронин молча взял мертвую голову упыря, провел пальцем по тройному ряду зубов на нижней челюсти (въядливый Гвай по дороге с хутора насчитал по восемьдесят два конических зуба в каждом ряду), осторожно положил череп обратно и только руками развел. Сказал:

— Осенью поеду в Немедийскую столицу, отвезу голову ученым мужам Бельверуса. Никто ведь не верит, что каттаканы существуют на самом деле! Митра Блистательный, наконец-то мы избавлены от этой напасти! Не знаю, как и благодарить вас, господа...

Тогда Гвай впервые дал понять, что благодарить рановато. Дело сделано лишь наполовину.

— Что-то случилось? — спросил Ронин, когда двери кабинета закрылись и эрл остался наедине с Дербниками. — Не вижу радости на ваших лицах, месьоры. Ведь каттакан погиб?

— Погиб, конечно, — холодно подтвердил Гвай. — А радоваться пока нечему. Вельможный, каттакан виновен лишь в ничтожно малой части убийств, что происходили за последнее время в твоих владениях.

— Простите? — наклонился над столом эрл Алаш. — Я наверное, плохо расслышал? Кто, кроме упыря может с такой невероятной жестокостью расправляться с людьми, пить кровь и утаскивать жертв в свое логовище? Мое фамильное проклятие? Невозможно! Триголов, охотится лишь за

мной самим и затем будет нападать на мою супругу и моих детей. Другие люди ронинского пса не волнуют, он просто пугает их до полусмерти, но никогда не трогает...

— Светлейший, тебе когда-нибудь рассказывали о бруксах? Вампирах-магах? Людях, несущих на себе черное проклятие с самого рождения?

— Н-нет, — запнувшись, ответил эрл. — Краем уха слышал невнятные сказки, но не более.

— Проклятие может быть наведено колдуном, или возникнуть само по себе. Как именно? Изначально проклятым может оказаться ребенок рожденный при кровосмесительном браке, зачатый от воплощенного демона-инкуба и женщины-человека, произведенный на свет ведьмой, знающей с нечистой силой... Тогда незримый злой дух начинает постепенно овладевать личностью и однажды замещает собой человеческую сущность.

Гвай кратко и доходчиво объяснил светлейшему все, что недавно рассказывал Конану. Брукса, носферат, кяур — с этими, прежде непонятными, наименованиями киммериец почти свyksя. Как и с многими другими.

Что такое кальконикс? Верно, небольшая тварь похожая на россомеху, живое существо, обладающее слабенькими магическими способностями и пьющее кровь диких животных. По большому счету, тоже вампир. А кто такие бальбериты? Ничего особенного: здоровенные кровососущие насекомые с зачатками разума — сохранились с таких незапамятных времен, что незнамо сколько отживший на свете Эйнар не знает, когда и как они появились в Средней сфере. Броллайхэн утверждал, что бальберитов наверняка создал знаменитый бог По-

луночи, Рота-Всадник, большой любитель поглумиться над тварным миром.

А еще встречаются гном, магрика, парх и так далее, почти до бесконечности. Гвайнард полагал, что в Хайбории обитает не менее семидесяти видов живых и демонических тварей, предпочитающих теплую кровь всем другим блюдам. И у каждого вампира есть собственное наименование, свои привычки и особенности поведения, отличные от других повадки и правила охоты, о которых обязан помнить любой Ночной страж.

— Ничего не скажу, обрадовали, — вельможный, выслушав предводителя Дербников, вновь приобрел горестно-испуганный вид. — Значит, брукса? Вампир-человек, с помощью магии подчинивший каттакана?

— Именно. Тварь решила, что если простецы накрепко уверуют в виновность каттакана, она останется вне подозрений. Предполагаю, что брукса направляла действия упыря, показывала ему, где можно разжиться легкой добычей, а затем, после нападения каттакана, атаковала сама. Все спешет на неразумного лесного вампира. Именно брукса убила нашего коня... От злости, что мы лишаем ее такого замечательного, пусть и невольного, союзника. А когда увидела месьора Эйнара — сбежала. Эйнар владеет магией, связываться с ним опасно даже для бруксы.

— Я компенсирую вам стоимость лошади, — очень невпопад сказал Алаш Ронин, чем вызвал у Гвая приступ тихой ярости:

— Я не прошу денег, вельможный! — сквозь зубы процедил Гвай. — Малыша будет трудно заменить — мы обучали его два года, конь был таким

же бойцом отряда, как и все прочие... Я требую помощи! Если ты решил, что наняв Дербников и месьора Рэля, сможешь остаться в стороне — значит глубоко ошибался. Теперь мы все, от дворян до неграмотных кметов, обязаны начать поиски. Все и каждый, понимаешь? Иначе, через два-три года единственным твоим подданным будет числиться ронинский пес. Это не простая брукса — человек одержим редкостно кровожадным демоном, которому постоянно требуются новые и новые жертвы. Демоном, который не боится творить заклинания Бездны под полуденным солнцем, когда почти любая черная магия исчезает... Перед нами враг, куда более опасный, чем сотня каттаканов!

— Я выполню все, что попросят Ночные стражи, — с внезапной твердостью сказал эрл Ронин. — Любой ваш приказ, касающийся поимки бруксы, будет законом для меня и моих подданных. Слово дворянина. Говорите.

— Немедленно доставить в замок деревенских шаманов и знахарей, — тотчас распорядился Гвай. — Собрать всех, до единого. Далее. Выяснить, кто из чужеземцев приехал в Ронинские владения после третьей весенней луны, когда начались убийства, и кто остался здесь жить. Ставлю тысячу аурев к одному — мы охотимся не на местного жителя. Дружине настрого приказать задерживать любых подозрительных незнакомцев, и мужчин и женщин. Остальное я расскажу завтра.

— Я непременно выполню все рекомендации, — примирительным тоном ответил светлейший. — Можете на меня положиться. Идите.

— Еще два важных совета, — Гвайнард обернулся с порога кабинета. — Отмени намеченный

пир. Нечего сейчас праздновать... И никому не говори о том, что сейчас услышал. Вообще никому. Ни собственному жрецу, ни каштеляну или командиру стражи. Ясно?

— Более чем. И... Спасибо вам, господа.

* * *

Полуночные посиделки с Рэльгонном, по складывающейся традиции, устроили на сеновале постоянного двора. Во-первых, никто не подслушает, во-вторых здесь прохладно — лето стоит знойное, ночами жарко, а в доме и вовсе не продохнуть.

Гвай категорически запретил говорить простым ронинцам про убийство каттакана. Нападения упыря наверняка будут продолжаться, а для Ночных стражей нет ничего страшнее испорченной репутации. Как же так: сказали, будто тварь истреблена, а зубастая чуда снова перекусала полдеревни! Не хорошо-о...

— На поимку бруксы у нас не более двух суток, — втолковывал Гвайнард. — Старейшины поселков видели череп каттакана, они обязательно расскажут домашним и друзьям, послезавтра вся округа будет в курсе нашего сомнительного подвига. А вскоре появятся новые жертвы. Народ здесь простой — не посмотрят на былые заслуги, обмажут медом и посадят на муравейник. Чтоб другие не обманывали! Готов выслушать мнения и соображения.

— Никаких соображений, — уныло отозвался Эйнар, приехавший в поселок к закату. — Мы почти ничего не знаем. Хозяева Журавлиного хутора подтвердили, что их работники погибли утром, на

дворе. Старик проснулся от короткого вскрика и сразу пошел взглянуть, что случилось. Зацепка прежняя: дед утверждает, будто краем глаза заметил женский силуэт у кромки леса, но решил, что привиделось. А я эту тварь видел на расстоянии десяти шагов! Эх, лицо не рассмотрел!

...История Эйнар звучала чистейшим вымыслом и потому броллайхэн поверили все, сразу и безоговорочно. Когда варвар и Гвай возились с каттаканом в пещере, Эйнар бросился к тяжеловозу — если конь сам не догадался о намерениях хозяев, его следует подтолкнуть. Грузный, но быстрый боссонец моментом выволок бы упря на солнце.

Вначале Эйнар удивился отсутствию Малыша, обязанного стоять на месте, и только увидев разорванное кожаное ярмо-ошейник и капли крови на траве, уяснил: произошло нечто непредвиденное и очень скверное. Пользуясь чутьем духа природы, побежал искать.

И нашел.

Мертвый тяжеловоз лежал за деревьями, а над трупом коня возвышалась неизвестная девица в сине-черном туранском облачении и платке, закрывающем нижнюю часть лица. Только глаза были видны — Эйнар утверждал, что среди бела дня они отливали багровым. Заметив броллайхэн, опасная незнакомка с царственным спокойствием отошла в сторону, ударила по Эйнару ослепляющим заклинанием, которое он едва успел отвести, построила самый настоящий портал в виде пылающего темным огнем кольца и была такова. Запустить ей вдогонку свое заклинание Эйнар не успел. Потом броллайхэн сказал, что заклятье упырицы

весьма чувствительно его задело — ненадолго оглушило.

Оглушить воплощенного духа природы?.. Тут, знаете ли, нужно владеть сильнейшей черной магией!

Мертвого тяжеловоза Конан видел своими глазами. Разгневанная действиями охотников брукса расплосовала могучую шею лошади когтями, выцарапала глаза и почти оторвала голову. Данхан тоже был найден убитым, неподалеку от пещеры... Гвай разъяренно орал, что самолично отправит гнусного демона в Черную Бездну и никакие силы, что сверхъестественные, что человеческие, ему не помешают!

Таких вывертов он не спустит никому: одно дело, убивать людей, и совсем другое — выместить злобу на беззащитном животном и маленьком лесном карлике!

Когда предводитель немного успокоился и обдумал случившееся, встали несколько животрепещущих вопросов. Откуда в Ронине, находящемся в сотнях лиг от Аграпура, объявилась женщина в туранском платье? Почему она может использовать черную магию в полдень? Как она следила за Ночными стражами? Почему испугалась напасть на самих охотников?

На последний вопрос дал ответ Рэльгонн, вновь усевшийся на потолочную балку сеновала:

— Ничего удивительного, друзья мои. Эйнар и ваш покорнейший слуга владеем сильным, заложенным от природы, волшебством. А действия бруксы направляет демон, которым она одержима — он диктует ей заклинания, которые человек не всегда понимает, может перепутать или ошибиться.

ся. Днем черная магия так или иначе слабеет, со мной и броллайхэн брукса не смогла бы управиться. Предпочла более простой путь — показала, что знает о наших намерениях. И столь варварским манером предупредила: уходите с дороги, или ждите смерти.

— Любопытно, а женщина осознает, что она вампир? — поинтересовался Конан. — Помнит о своих проделках?

— К сожалению, да, — вздохнул Эйнар. — Насколько можно судить по поведению бруксы, ее человеческая сущность получает удовлетворение от убийств — она вызвала своего демона днем, в крайне неподходящее время, только бы нам насолить! Тварюга ощутила сладость власти над мертвыми, которую дает ей магия. Наслаждается силой и безнаказанностью. Она никогда не остановится. Опыянение властью — опасная болезнь. И неизлечимая.

— Вполне излечимая, — бросила Асгерд и погладила рукоять клинка. — Лекарством от нее владеет каждый из нас. Требуется лишь отыскать больного. Полечим.

— Подведем итоги, — скрипучим и огорченным голосом сказал Рэльтонн. — Что мы знаем? Бруксой является женщина, вероятно молодая. Живет неподалеку, в Ронине — вряд ли какая-нибудь наложница императора Илдиза, владеющая черным колдовством, будет специально строить порталы из Аграпура на Полночь Бритунии, чтобы вволю попить кровушки. Звучит абсурдно... Кстати, Эйнар, если ты находился рядом с порталом, то мог заметить, что находилось по другую его сторону! Вспомни! В огненном кольце наверняка было вид-

но место, куда ушла брукса! Предметы обстановки, пейзаж, возможно, другие люди?

— Точно, как же я сразу не сообразил?.. — броллайхэн, нахмурившись, коснулся пальцами лба. — Проклятая стерва швырнула в меня заклятье слепоты, едва отбилась, но я точно видел каменную кладку за порталом... Какое-то темное помещение. Камни большие, плохо обтесанные — гранит или базальт.

— Каменная кладка? — вскинулся Гвай. Замер на пару мгновений, словно осознал поразившую его мысль. — Демоны зеленые, все сходится!

— Что — «сходится»? — дружным хором спросили Конан и Асгерд. Рудненский упырь молчал, дожидаясь объяснений.

Гвайнард замолчал и обвел взглядом соратников. В его глазах вспыхнул азартный огонек. Или командир отряда догадался как найти бруксу, или наблюдательный Конан плохо разбирался в людях...

— Кажется, я знаю, где вампир зарыт, — чуть срывающимся голосом произнес Гвай. — Однако, пока не получу веских доказательств, говорить не стану — ошибка будет стоить слишком дорого каждому из нас. Рэльтонн, пойдем на двор, подышим свежим воздухом.

— Какая таинственность, с ума сойти, — проворчала Асгерд, когда упырь и Гвайнард вышли из сарая. — Почему бы не сказать по-человечески? Он перестал нам доверять? Больше надеется на каттакана, чем на старых друзей?

— Чепуху говоришь, — отмахнулся Эйнар. — Не ревнуй Гвай к упырям — не такой он человек, чтобы секретничать попусту.

— Знаю. Не обращай внимания, это я от усталости. И все-таки, что придумал наш brave командир?

— Со временем все узнаем, — здраво предположил Конан. — Давайте отдыхать. Похоже, у Гвайнарда с Рэльгонном будет долгий разговор.

Киммериец ошибся. Предводитель лихой ватаги появился очень скоро, залез наверх, молча укутался в тонкий плащ и закрыл глаза. Не хочет рассказывать — не надо, его никто не принуждает.

Засыпая, Конан вспомнил последние слова Гвайнарда: «Ошибка будет стоить слишком дорого каждому из нас».

Варвар уже перешел грань сна и яви, когда в голове белым факелом вспыхнула единственно правильная догадка, однако навалившийся темной грозовой тучей сон, переборол здравую мысль, каковая сразу позабылась.

Конан не почувствовал, как под утро снова явился Рэльгонн — возник из небытия рядом с мягкой лежанкой Ночных стражей. О чем Гвай шептался с упырем, не слышал никто.

Хозяин Рудны задержался почти до рассвета — требовалось обсудить множество подробностей грядущей облавы на бруксу.

* * *

Утреннее настроение Гвайнарда изрядно подивило всю компанию. Доблестный охотник беззаботно насвистывал, шутил, улыбался и заказал хозяйну «Свиньи и котла» роскошный обед. Потом за свой счет выставил десяток кружек эля заглянувшим в таверну ронинцам, не исключая здоровья

Арта, которого побил в самый первый день. Арт, преодолев робость, немедленно принялся напрашиваться в отряд — дома ему, понимаете, скучно, то ли дело ходить вместе с Дербниками! И денежно, и приключений вдоволь. Еле отговорили, заставляя леденящими кровь байками из жизни Ночных стражей — наполовину придуманными, наполовину истинными.

У Астерда и Эйнара глаза на лоб полезли, когда Гвай во всеуслышание объявил, что теперь в Ронине можно жить спокойно — кончилось, мол, упыриное время. Никто отныне о вампире и не услышит!

— Спятил? — шикнула Астерда, толкнув Гвая локтем. — Вчера ты говорил прямо противоположное! Слухи не распространять, язык за зубами, и, вообще, брукса почти неуловима... Ты как хочешь, а я сидеть на муравейнике не собираюсь!

— Брукса вполне уловима, — Гвай ободряюще похлопал девушку по плечу. — К вечеру будьте готовы. Я побежал в замок — надо обязательно переговорить с вельможным. Господину Алашу Ронину тоже предстоит нелегкий денек. И малоприятная ночь. Ничего, выдержит, главное уберечь молодого эрла от трехголовой псины...

— Мне с тобой пойти? — спросил Конан.

— Не надо, отдыхай. С ронинскими знахарями и шаманами сам поговорю. Сделаю умное лицо, выслушаю, и отпущу с миром. Эта братия шарлатанов нам не потребуется — сами упырицу одолевем.

Напевая малоприличную песенку о короле и пастушке, встретившихся на знойном лугу, Гвай вышел с постоялого двора и легко зашагал к зам-

ку. Асгерд, проводив его взглядом, скорбно вздохнула:

— Давненько не видела нашего отца-командира в эдаком легкомысленном расположении духа. Не к добру это, попомните мои слова.

— Разве? — вздернул брови Конан. — Человек нашел разгадку тайны ронинского упыря, вот и радуется!

— Гвай веселится так непринужденно, только когда задумает некую особенно изощренную гадость, — сказал Эйнар. — Не завидую бруксе. Зубастая тварь проняла Гвайнарда до самых печенок, бросила ему вызов, чего делать совершенно не следовало! Теперь он жаждет оправдать свое прозвище — Один Удар. Остается этот удар тщательно подготовить. Спорю на свою награду за нынешний поход — к ночи все будет кончено.

— Сглазить не боишься, пустомеля? — оборвала оптимистично настроенного бrolлайхэн нордхеймская воительница. — Дело будет непростое. Предпочитаю держаться в стороне от черной магии — обычных чудовищ не боюсь, но вот колдовство мне не по нутру. Думаешь, брукса сама кинется в наши объятия? Имею повод в том сомневаться. Кроме того, подобное исцеляется подобным — против черного колдовства надо использовать такое же колдовство. А никто из нас магией Бездны не владеет.

— Хоть Тот-Амона нанимай, — кивнул варвар. — Настоящий знаток. Говорят, с самим Сетом Змееногом знает.

У киммерийца были свои догадки насчет бруксы, но Конан предпочел оставить их при себе. Чересчур невероятной казалась мысль. Хотя, всякое

бывает — мир, как неоднократно замечалось, многогранен и сложен. Но каким, интересно, образом Гвай собирается уничтожить одержимую демоном упырицу?

Асгерд верно заметила — самым действенным оружием против черной магии является именно черная магия! А в окружающей реальности пока не видать ни подходящего колдуна, ни знакомого демона, которого можно было бы дружески попросить о помощи.

Рэльгонн и Эйнар не в счет. Дух природы и каттакан используют волшебство, близкое к магии Равновесия — оно не черное и не белое. Защитить соратников эти двое сумеют неплохо, однако уничтожить носителя мощи Черной Бездны для Эйнара и рудненского упыря будет крайне тяжело, почти невозможно.

Отговорившись скукой и желанием развеяться, Конан щелкнул пряжкой перевязи меча (ходить без оружия в пределах Ронина варвар зарекся после ночной встречи с Триголовом) и отправился на прогулку.

Поселок жил своей немудрящей жизнью — шумел маленький рынок, лавки бочаров, ткачей и шорников открыты, местные с почтением раскланиваются с Ночным стражем: весть о том, что упырю наконец-то снесли башку, расползлась по Ронину с невероятной быстротой.

Конан заглянул в караулку, стоявшую около ворот деревни — потертые дружинники вельможного эрла вовсю обсуждали недавние события и сразу набросились на киммерийца с вопросами. Где жил упырь, как выглядел, как его убили, не покусал ли кого из Стражей?.. Варвар рассказал,

что мог, пытаюсь не раскрывать маленьких тайн ремесла.

— А у нас сплошные бедствия, — пожалобился Конану молодой десятник. — Дружинных по ночам стоять на воротах никакими зуботычинами не заставишь — псину ихней светлости до дрожи в коленях пугаются. Старые люди говорят, будто Триголов в прежние лета только по трясинам бегал, к людскому жилью не подходил. Теперь, гад, каждую ночь по деревне шастает, будто тянет его сюда что-то! Видел тут его намедни — зубастый, страсть!

— Пес простых людей не трогает, — напомнил Конан. — Он, видать, вельможным эрлом закусить хочет.

— Откуда знать, что у демона на уме? — философски заметил десятник. — Сегодня не тронул, а завтра проголодается и так тронет, что потом костей не найдешь, на жальник отнести. Скверные дела, господин охотник.

Конан призадумался. Действительно, странно — проклятие Ронинов почти два века разгуливало на болотах, а теперь вдруг решило поближе познакомиться с жизнью подданных эрла Алаша! Откуда такое неестественное любопытство?

— Давно псина в деревню зачастила? — спросил киммериец.

— Как весна кончилась. Что ни вечер — люди ставни и двери наглухо запирают. Правда, Триголов, в упырих повадках не замечен, что демону похвально. В дома не ломится, скотину не портит. Просто бегает по улицам, да на замок вельможного глазеет. А наверх забраться никак, такое чудищу никак непозволительно. Если зверюга господи-

на Алаша под открытым небом поймает — тут светлейшему, конечно же, как... Под крышу псина не залазит, нельзя.

Варвар выделил в сбивчивой речи десятника ключевые слова: фамильное проклятие эрла постоянно приходит в деревню с конца весны. Надо думать, учуяло конкурента — внезапно объявившуюся в Ронине постороннюю нечисть. Это снова подтвердило смутные подозрения, вертевшиеся в голове киммерийца. Так, интересно...

Договорить не позволили. В караулку вломился дружинный в ржавом шишаке и обтрепанной стеганке, попросил у десятника дозволения обратиться к Ночному стражу, и протянул Конану сложенный вчетверо пергаментный лист.

— Передать приказано, сударь!

— Кем приказано? — киммериец взял депешу и внезапно ощутил, как пальцы кольнуло холодом.

— Так девка одна... Приезжая, не наша. Сказала господам охотникам вручить.

— Девка?! — Конана подбросило. — Где она? Какова из себя?

— Сказал же, приезжая. Раньше не видел. Ушла давно. Я ее возле рынка встретил. За услугу целый аурей дала!

Дружинный произнес последние слова с надеждой, что и Дербник тоже расщедрится на награду.

Конан развернул пергамент и присвистнул. Ничего не скажешь, одержимая упырица является большой любительницей шутовских эффектов. Никакого чувства вкуса!

Огромными буквами, свежей кровью, на листе было выведено единственное слово:

«Убирайтесь!»

* * *

— Быстренько всем помыться, почиститься, надеть чистые рубахи! Асгерд, переоденься в платье, иначе жрецы тебя не поймут — женщина в штанах нарушает исконное отеческое благочиние!

Асгерд и Эйнар непонимающе переглянулись, Конан закашлялся и едва не облился пивом. Похоже, Гвай слегка перетруился. С чего вдруг предводитель затеял никчемный маскарад? И зачем Ночной страже понадобились какие-то жрецы?

— Вельможный сегодня женится, — выдал Гвайнард очередную поразительную новость. — Принял решение сразу после беседы со мной. Не исключено, что Алаш Ронин грядущую ночь не переживет, и мне пришлось настоять, чтобы эрл оставил наследницу. Невеста, графиня Ольборг, удивилась такому невообразимому нарушению древних обычаев, но согласилась — ничего не поделаешь, все повергнута в трепет выходами бруксы! Церемония назначена на седьмой полуденный колокол. Нас пригласили в качестве гостей и охраны одновременно. Митрианская часовня находится под самой скалой, на окраине деревни. Конан, побейся, а то зарос до самых глаз!

— Мне кажется, — очень осторожно проговорила Асгерд, — что устраивать личную жизнь светлейшего несколько не ко времени. Других забот полон рот. Надо упырицу искать, благо нас она уже нашла!

Девушка указала на валявшуюся перед ней депешу. Гвай взял лист, прочитал, и бросил обратно.

— Пугает... Значит, сама боится! Откуда письмо?

Конан рассказал. Якобы, девицу в туранском облачении дружинник видел около рынка. Не задержал, конечно.

— Попробуй, задержи такую... — фыркнула Асгерд. — От листика, между прочим, магией пахнет. Берешь в руку, становится холодно.

— Ну, с такой магией мы справимся запросто, — Гвай забрал пергамент, скомкал и швырнул в открытый очаг. — Видите, ничего особ... Проклятье!..

Вначале листик зарделся язычками зеленого пламени, а потом началось нечто невообразимое. Круглый, выложенный булыжниками очаг, разнесло в мелкую и крупную пыль — свистнули каменные осколки, вспыхнувший розовый огненный шар расплескал вокруг тысячи искр. Тугая волна горячего воздуха опрокинула стол, за которым устроились охотники — это спасло жизнь всей честной компании: толстые доски столешницы приняли на себя удар раскаленного камня и углей.

К потолку поднялся столб ярко-желтого пламени, вспыхнула солома на полу. Хозяина «Свиньи и котла» убило на месте вкупе с двумя служками. Еще десяток посетителей оказались ранены, те, кто пострадал меньше других, в панике бросились к выходу.

В свою бытность королевским корсаром Зингары, Конан несколько раз горел на корабле и отлично знал, что с места пожара надо как можно быстрее уносить ноги, иначе погибнешь. Ревущее пламя очень быстро отделило Ночных стражей от двери, и варвар не долго думая высадил деревянной скамейкой раму узкого окна. Первой в проем отправили Асгерд, потом кубарем вывалился Эй-

нар, за ним — Гвай. Киммериец, уже начиная задыхаться, едва протиснулся в окно и отбежал по-дальше. Постоялый двор вовсю полыхал.

— Лошадей из конюшни вывести! — рявкнул Гвайнард. — Конан, за мной! Вытащим вещи с сеновала! Боги, мы же всю деревню спалим! Никогда себе этого не прощу!

Варвар тоже был уверен, что Ронину пришел вполне закономерный карачун — длинное здание «Свиньи и котла» построено в самой середине поселка, примыкает к близлежащим дворам, искры начнут падать на высушенные солнцем соломенные крыши деревянных домов, которые незамедлительно вспыхнут... К вечеру деревня превратится в огромное непелище. Воды здесь маловато, рядом нет речки или озера, придется использовать колодцы, которые отнюдь не являются неисчерпаемыми. Удружила брукса, ничего не скажешь! И Гвай хорош — не догадался, что письмо может быть с подковыркой!

Конан, тащивший мешки со скарбом Ночных стражей, едва не разорался в голос, увидев бездельничавшего Эйнара. Броллайхэн, предоставив Асгерда заботу о лошадях (стены конюшни уже начинали тлеть, а сама таверна превратилась в гигантский факел) попросту стоял посреди двора не обращая внимания на жар и жгучие искры. Задрал голову к небу, губы шевелятся, будто молитву читает.

— Чего остановился? — взвыл Конан, но Эйнар в сторону киммерийца и не посмотрел. Варвар сплюнул, и поволок вещи на улицу. К постоялому двору уже сбегались жители Ронина, помогать в тушении пожара.

Солнечный свет померк — киммериец был уверен, что светило заслоняет столб дыма, поднимающийся от пожарища. И только когда за шиворот попали крупные холодные капли, Конан взглянул вверх.

— Невероятно... — выдавил Конан. — Гвай, что это такое?

— Дождь, — коротко ответил запыхавшийся Гвайнард. — Работа Эйнара. Духи природы способны наводить бурю, разгонять облака и все такое прочее... Магия броллайхэн. Очень нужное умение! Особенно сегодня.

Черно-серая пухлая туча образовалась внезапно, из редких белоснежных облачков. Воздух распорол слепящая молния, ударив во флагшток, красовавшийся над замком эрлов; громыкнуло так, что Конан с трудом устоял на ногах. Варвару нравились грозы — было в этом явлении нечто величественное и прекрасное, но сейчас гроза, обычно продолжающаяся довольно долго, будто спрессовалась, в краткое время уложив проблески сотен молний и жутчайший ливень, более походивший на водопад.

Сплошная стена дождевых капель. Глинистый проезд, ведущий к воротам Ронина, обратился в вязкое болото. Водяные струи больно ударили по плечам и голове. — Конану пришлось закрыть лицо ладонью. От слитного рева дождя и грома закладывало уши. Сильно воняло гарью, но запах постепенно исчезал — дым уносило холодным ветром.

Буря прекратилась столь же неожиданно, как и началась. Небо прояснилось, выглянуло солнце, а несколько десятков сбежавшихся к таверне ронин-

цев и маленький отряд Ночных стражей оказались перед грудой обгоревших, дымящихся бревен. Эйнар, увы, опоздал — единственный постоянный двор поселения Ронин сгорел дотла, хотя большая часть хозяйственных пристроек уцелела. Надрывно мычали коровы, почуявшие беду — их не успели вывести из хлева.

Конан провел ладонью по мокрым волосам. Сказал, дернув Гвайнарда за насквозь пропитанный водой рукав рубахи:

— Вот и помылись. Ты, кажется, хотел, чтобы мы прибыли на свадьбу вельможного зрла чистенькими? Дашь время хорошенько побриться?

— Ты неисправим, — Гвай попытался вытереть ладонью лицо. — А насчет бороду сбрить?.. Позже. Не исключено, что сейчас нас побьют. Ногами, в лицо, и не снимая сапог. Видишь того парня? У которого одежда в крови? Даю руку на отсечение, упырица приготовила нам сюрприз!..

* * *

— ...Сами подумайте, какой упырь вылезет из укывища посреди ясного дня? Поглядите на небо! Это солнце или луна?

— Ты, парень, людям зубы не заговаривай! Сам сходи и погляди! Чуда на наших глазах двоих мужиков зажала, четверых поранила! Кто хвалился, будто упыря завалил? Теперь наново убивай кровопивицу! Иначе из Ронина не отпустим, пока вас всех тварь не слопают!

— Верно! Правильно говоришь! А еще лучше, взять всех четверых, да возле болот на ночь к столбам привязать — если не упырь, так хоть Три-

голов полакомится! Расплодили нечисти, шагу ступить нельзя!

— Оказывается, мы еще и виноваты, — презрительно, но довольно тихо, бросила Асгерд, наблюдая как Гвай безуспешно пытается утихомирить взбудораженную толпу.

Конан втихомолку примерялся к мечу — знал, что с оравой перепуганных людей шутки плохи. Разумность агрессивно настроенного человеческого сборища в десять раз ниже разумности самого глупого человека из толпы. Если они бросятся на Стражей или возмутятся за камни и колья, охотников сомнут и растерзают. Такой смерти киммериец не желал ни для себя, ни для друзей. Противно! И ничуть не по геройски.

Кроме внезапного пожара в «Свинье и котле», погубившего минимум троих человек, упырица ослепила жителей Ронина личным визитом на рыночную площадь, где ее уже видели в середине дня. Во время тихой паники, вызванной пожаром и колдовской грозой, тварь, ничуть не стесняясь, разорвала глотки двум торговцам меховой рухлядью и достала когтями еще нескольких мирных обывателей — кого ранила легко, кого потяжелее.

Невообразимая наглость! Гвай потерял дар речи, услышав, каким способом демон показал, кто теперь в Ронине хозяин! Если так будет продолжаться, то вскоре упырь начнет гоняться за людьми по улицам, а кровавые пиршества учинять прямоком в храме Митры...

Человеческая ярость вылилась, как это всегда и бывает, на тех, кто искренне хотел помочь. Охотников незамедлительно обвинили во всех бедах: упырь, трехглавый пес, пожар, прошлогодний

недород, холодная зима и мертвый теленок, родившийся намеренно у любимой коровы деревенского старейшины, несомненно были делом рук злокозненных Ночных стражей. Рассуждая здраво, получалось, что Гвайнард сотоварищи хуже любого упыря, а коли так — повесить на воротах!

Толпа распалялась все больше и больше. Ясно, что к вечеру ронинцы одумаются, начнут лить горькие слезы и совершенно искренне жалеть о сделанном, побегут с повинной к вельможному эрлу, а сам эрл для острастки вздернет парочку буянов, учинивших самосуд... Только Конану и компании светлейший уже ничем не поможет. Такой оборот дел никого из отряда не устраивал.

Когда над головой свистнул первый камень, варвар понял, что пора немедленно отступать. Скорее добраться до лошадей, а там как судьба и удача повернутся!..

Алаш Ронин успел вовремя. Тридцать конных кольчужников с арбалетами не столь великая сила, как может показаться на первый взгляд, но никому из подданных эрла не хотелось первым ответить самостерельного болта, это больно и обидно. Тут и до смертоубийства недалеко, а власть — есть власть! Когда три десятка дружинных встали перед толпой полукольцом и натянули тетивы арбалетов, ронинцы слегка утихомирились.

— Бунта не допущу! — оказывается, молодой худосочный эрл мог изобразить голосом громовые раскаты, не хуже любого короля, распекающего нерадивых придворных. — А ну, всем разойтись! Быстр-ра!

Не послушались. Слишком горячи были головы. Кто-то бездумно запустил булыжиной в самого

Алаша, камень попал в лошадь находившегося рядом дружинника, а незадачливый кмет сразу оказался наспигован стрелами, ровно еж иголками. Не попавшие в цель снаряды ранили нескольких человек.

Толпа попятилась.

— Быстро разойтись! — вновь проорал вельможный. — Сотник! Зачинщиков бунта — повесить! Немедля!

Тут и началось повальное бегство. Простецы отлично знали, что все потомки семейства ронинских эрлов круты на руку — сначала вздернут, потом будут разбираться. Улица опустела в один момент.

— Ради кого стараемся? — Эйнар утер влажным рукавом пот со лба. — Ради тех грязных ублюдков? А, Гвай?

— Во вторую очередь ради них, — ответил командир. — А в первую — для собственного удовольствия.

— Не вижу никакого удовольствия в мокрых от страха штанах...

— Вижу, вы повздорили с моими подданными? — усмехнулся эрл и спрыгнул с седла. — Ничего, бывает. Народ у нас отходчивый. Пошумят-покричат, а завтра пивом будут поить. А если серьезно, то благодарите моего каштеляна, месьора Алистера — первым углядел пожар и сразу отправил вниз дружинных, порядок поддерживать. Я только ради интереса поехал. И надо же, прямиком на мятеж нарвался. Сроду ничего подобного в Ронине не случалось, хотя княжеству скоро пять столетий исполнится! «Свинью и котел» жалко... Придется за свои деньги обратно выстраивать — никак нель-

зя, чтоб деревня без таверны осталась, и не такой бунт получим. Поедьте, господа охотники, на Нижний двор, там поживете до времени.

«Нижним двором» здесь именовали два десятка построек, притулившихся под скалой — конюшни, казармы дружины, кузня, склады и прочее. В замке, ютившемся на крохотном пятачке плоской вершины скального выхода, разместить эти необходимые службы было невозможно. Посему, предки светлейшего эрла благоразумно обнесли тыном отвоеванный у леса и болота участок земли, устроив там нечто вроде аквилонского военного лагеря. С учетом недоброжелательных настроений обитателей Ронина, Нижний двор теперь был наиболее безопасным пристанищем для Ночных стражей.

— Прежние приказы не отменяются, — беззаботно сказал Гвай, когда отряд расположился в просторной чистой комнате управы каштеляна. — На кого вы похожи, други? Смотреть жутко!

— Жутко — так не смотри, — Асгерд копалась в своем мешке в поисках серебряного зеркала. Нашла, глянула, и сама рассмеялась: — Помыться, безусловно, следует. Ни дать, ни взять, четверка демонов — немудрено, что местные окрысились!

Конан не спорил — все четверо покрыты сажей с ног до головы, осевший на волосы пепел сперва намок, потом высох, обратившись неприглядными колтунами. Гваю хорошо, он стриженный, а как прикажете Асгерд разбираться со своими длинными волосами?

— Баня натоплена, вода согрета! — в дверь сунулся мальчишка из каштеляновой obsługi. — Для госпожи отдельную бочку в портомойне поставили... Еще чего прикажете, господа?

— Катись, — Конан благодушно отмахнулся. — Одна беда, после ливня торба с вещами насквозь промокла. Эйнар, ты разве не мог направить дождь только на дом? Обязательно было всю округу в трясины превращать?

— В следующий раз попробуй грозу вызвать самодично, без броллайхэн, — устало огрызнулся Эйнар. — Не-ет, это гнусное захолустье я на всю жизнь запомню! Сначала пытаются сожрать, потом сжечь, и для полного счастья едва не размазывают валунами! Гвай, если к завтрашнему утру мы не закончим дело с ронинским упырем, я с вами распрощаюсь. Уеду в Офир или Аргос, стану добропорядочным ростовщиком...

— С тобой меньше всего вяжется слово «добропорядочный», — хмыкнул Гвайнард. — А насчет упыря... Ночку придется поработать. Обещаю, с рассветом наша хлопотливая упырица навсегда исчезнет из зримого мира. Подробности услышите после женитьбы вельможного.

— И что ему вдруг приспичило? — озадачился Конан. — Ведь еще три седмицы ждать хотели! Неужели так невтерпех? Или боится оставить владения без наследной хозяйки?

— Боится, очень боится, — серьезно ответил Гвай. — Поэтому и решился. Если Алаш вдруг погибнет, Ронин перейдет к двоюродному дядюшке, месьюру Алистеру из Бохова, прервется старшая ветвь семьи.

— Ничего страшного я лично в этом не вижу, — заметила Асгерд. — Каштелян не восходит по прямой линии к прапрадеду эрла и не несет на себе знаменитого проклятия Ронинов. Следовательно, Триголову больше не о чем будет беспокоиться,

псина сможет благополучно вернуться в Черную Бездну с сознанием честно выполненного долга. Семья Ронинов истреблена, престол княжества занял родственник матери Алаша, никак с проклятием не связанный. Завидую старичку — получит недурственное наследство, а потом...

Астерд осеклась на полуслове. Подняла испытующий взгляд на Гвайнарда.

— А я ведь догадалась... Сама, без подсказок. Все дело в наследстве? Месьор Алистер каким-то образом устроил кутерьму с вампиром, чтобы под шумок скинуть младшего родственника с трона эрлов Ронина? И загрести огромное состояние? Но как? Как ему удалось подчинить бруксу? Откуда он ее взял?

— Учти, я тебе ничего не говорил, — загадочно улыбнулся Гвай. — Объяснения отложим до вечера. Пошли купаться!

* * *

Церемония оказалась скромной до неприличия. Молодая красавица-графиня, Лара из Ольборга, казалась несколько подавленной — никак не ожидала, что столь важный момент ее жизни будет обставлен с нарушением всех мыслимых традиций.

По древним уложениям митрианского культа, свадьбы назначаются на раннее утро, перед восходом, чтобы сочетающаяся навек пара встретила новорожденное солнце — Лучезарный благословляет новую семью первыми лучами. Вечерняя свадьба, наоборот, допускается только в самых крайних случаях: плохая примета, уходящее светило теряет божественную силу.

Но и этого мало. В пышной Немедии дворянские свадьбы обставляются со всей возможной торжественностью, прибывает множество гостей, десятки ближних и дальних родственников, герцоги, а иногда и принцы крови! Празднества длятся несколько дней, а то и седмиц — охоты, балы, светские приемы, кхитайский фейерверк...

Наверное, графиня Лара сейчас горько жалела, что польстилась на несметные богатства Ронинов. Мало того, что после церемонии она, как законная супруга эрла Алаша, станет носительницей древнего проклятия, так еще и придется заживо похоронить себя в глуши Полуночной Бритунии, где нечисти больше, чем людей. Но если уж решилась — иди до конца. Возможно, получится уговорить мужа уехать из владения в Пайрогию и жить в столице, подальше от кошмарного Триголова, вампиров и немых кметов.

Конан счел, что невеста держится вполне достойно — бледна, однако невозмутима. И плевать ей на то, что среди гостей церемонии только двое благородных: госпожа Реллина, уважаемая немедийская вдова, да седой родственник Алаша, месьор Алистер. Все прочие — мужичье. Ну и пусть! Завтра она покажет, кто в Ронине хозяйка!

Астерд, по настоятельной просьбе Гвайнарда облачившаяся в длинное зеленое платье с бисерной вышивкой, не сводила глаз с каштеляна. Алистер вел себя куда беспокойнее графини — кусал губы, нервно сжимал кулаки и бросал по сторонам настороженные взгляды. Еще бы, такой огромный куш уплывает из рук! Теперь он может рассчитывать на наследство лишь в случае гибели обоих супругов. А если Гвайnard с отрядом уничтожат

его главное оружие, бруксу, вампира-мага, придется изыскивать новый способ расправы... Асгерда решила, что если дойдет до драки, она зарубит старого интригана своей рукой!

Но когда Гвай начнет облаву на уцырицу? Он доселе не решился рассказать подробности запланированной авантюры. Ждет чего-то. Асгерда тоже была терпелива, однако терпение постепенно иссякало.

Старенький бородатый жрец в раззолоченной хламиде вел церемонию, читал выдержки из благочестивых трактатов святого Эпимитриуса, когда было необходимо цыкал на трех храмовых служек, обязанных распевать моления к Солнцезарному. Конан вместе с Асгерда стояли, как и приказал Гвай, у входа в храм, небольшая свита эрла (десятники дружины да четверо уважаемых купцов) сгрудились вокруг алтаря, сам Гвайнард и Эйнар заняли место позади молодых.

— ...Во имя Митры, всемилостивейшего, добрейшего и незримого! — наконец провозгласил жрец дребезжащим тонким голосом. — Сим, при свидетелях и гостях, объявляю, что вельможный эрл Алаш Ронин и Лара, урожденная графиня Ольборг из Немедии, с этого момента, перед богами, людьми и законом королевства Бритунийского, считаются мужем и женой до окончания жизненного круга!

Алаш быстро поцеловал супругу, светлейшую госпожу Ронин, поклонился жрецу и подал жене руку. По традиции новобрачные обязаны покинуть храм последними, бросив в чашу с Неугасимым пламенем по горсточке золотого песка. Все прочие тихо направились к выходу.

«Сейчас что-то произойдет, — подумал Конан, привыкший доверять интуиции. — Должно...»

Асгерда, судя по сосредоточенному лицу, тоже подозревала, что без неприятностей не обойдется. Когда порог храма миновал престарелый и бледный как полотно месьор Алистер, она тенью скользнула за каштеляном.

Десятники дружины выстроились на широком крыльце. Алистер и толстая госпожа Реллина остановились здесь же, дожидаясь вельможных супругов. Эйнар и Гвай замерли у дверей, исполняя роль телохранителей.

Заходящее солнце окрасило деревянный храм в розово-оранжевый цвет живого огня.

Алаш и Лара церемонно вышли на крыльцо.

Гвайнард быстро шагнул вперед. Громкий металлический щелчок. Тонкие пальчики немедийской графини оказались скованы изящными серебряными кандалами — полоска благородного металла с выемками для пальцев и хитрым замочком. Эйнар мгновенным движением набросил на голову жены светлейшего эрла черный мешок. Рванувшаяся к воспитаннице госпожа Реллина была оглушена месьором Алистером — каштелян ударил ей по затылку припрятанной в рукаве короткой свинцовой дубинкой.

— Вот и все, — раздался бодрый голос Гвайнарда. — Обошлись без кровопролития. Конан, не стой столбом, помоги!

Глава шестая,

*На которой заканчивается история
с ронинским упырем, однако Ночные стражи
не остаются без дела...*

Так, Гвай, или ты расскажешь, каким образом устроил заговор против бруксы, или мы тебе не друзья! Сие категорическое заявление Асгерда прозвучало в резиденции ронинского каштеляна, месьора Алистера из Бохова, жившего не в замке, а в большом удобном доме, построенном на Нижнем дворе. Все заинтересованные стороны должны были вскоре собраться здесь, дабы окончательно решить судьбу графини Ольборг. В данный момент, просторный кабинет каштеляна единолично захватили Ночные стражи, дожидавшиеся прибытия светлейшего эрла Ронина, его ближних и упыря из Рудны, сыгравшего исключительно важную роль в этом сложном деле.

...Неожиданная развязка привела большинство гостей свадебной церемонии в состояние молчаливого изумления, граничащего с душевным потрясением. Только Гвай, Эйнар, да посвященные в за-

говор господин Алистер вкупе с полудюжиной особо доверенных десятников дружины, остались невозмутимы.

Когда и как Гвайнард сообщил Эйнару, что предметом охоты является невеста вельможного, никто не знал, а сам броллайхэн заявил, что ему было приказано только лишь следить за действиями командира отряда и обездвигить человека, на которого Гвай наденет серебряные кандалы, схватывающие пальцы. Он, мол, сам не ожидал, что бруксой окажется молодая графиня, он только выполнял приказ!

Разумеется, Эйнару никто не поверил. А жет безо всякого стеснения!

Панически-испуганная кутерьма, последовавшая за свадьбой Алаша Ронина подлежит отдельному описанию. Более всего поразились уважаемые седобородые купцы и двое старейшин, приглашенных на церемонию в качестве свидетелей. Как такое могло случиться?! Невесту (жену!) вельможного заключают в оковы немедленно по выходу из храма, потом месьоры охотники опутывают немедийскую графиню и полноправную владельницу княжества тонким шнуром с вплетением серебряных нитей и волокут в подвал каштелянова дома! Ужас!

Надо отдать должное эрлу, не спасовал перед трудностями. Вельможный, оберегаемый вдвое большим против обычного числом телохранителей, немедленно пригласил гостей для объяснений. До сих пор объясняется, хотя минуло полтора колокола и начало темнеть.

А вот прелестная Лара Ольборг (вернее, уже Лара Ронин...) отдыхает в глубоком подполе, прямо под ногами Дербников, отмечающих за кру-

жечкой брусничной настойки победу над упырицей.

Однако, как и почему состоялась эта победа? Получить ответ на данный вопрос желали все: Конан Канах, Асгерд их Нордхейма и Эйнар-броллайхэн, который тоже не был посвящен в детали этой истории — справедливости ради надо сказать, что Эйнар действительно исполнял приказ и сам крайне удивился, опознав в супруге эрла кровожадную бруксу...

— Дорогие мои, вам надо было немного подумать, сопоставить некоторые факты и самостоятельно найти верный ответ, — посмеивался Гвай, прикладываясь к кружке с пахнущей лесом и солнцем настоек. — Ничего сложного! Конан, помнишь, я говорил, что работа Ночной стражи липль на одну десятую часть состоит из банального мечемахания? Остальное время мы тратим на работу мысли. Давай, подумаем вместе. Когда начались нападения упыря?

— В последние дни весны, — уверено ответил киммериец. — И дальше что?

— Ронин почти не посещается чужеземцами, очень уж далеко от цивилизованных мест. До ближайшего крупного города — замок Райдорских герцогов мы в расчет не берем! — не меньше ста пятидесяти лиг. Шесть-семь конных переходов. Местные предпочитают возить меха, древесину, мед и прочие товары в Райдор или Чарнину, чтобы там продать. Сюда купцы не приезжают вообще или приезжают очень редко. Обычные путешественники, желающие развлечься и посмотреть новые земли? Тоже не подходит. Никто в ронинскую глушь не поедет, скучно. А мы, третьего дня, выяснили, что вам-

пир-маг наверняка приезжий. Остается лишь найти человека, который появился в Ронине совсем недавно. Ответ напрашивается сам собой. Графиня Ольборг прибыла в Ронин, к жениху, в третью весеннюю луну.

— Это не доказательство, — перебила внимательно слушавшая Асгерд. — Мы здесь тоже недавно, всего несколько дней. Представим, что сначала ронинцев тиранил дикий каттакан, а затем, по нашему появлению, Конан, я или Эйнар выгнали соперника и сами принялись высасывать кровушку из подданных светлейшего. Кто тебе сказал, что Конан не вампир?

— Конан — мужчина, причем весьма приметный, — Гвай развел руки, словно пытался показать, что киммериец выгладит по сравнению с другими людьми более высокорослым и широкоплечим. — Вдобавок, киммериец постоянно был у нас на виду... Забудем эту чепуху и рассудим здраво: кто из ронинских женщин будет ради маскировки носить туранское платье с чадрой, закрывающее лицо? Не ошибусь, если скажу, что жены и дочери здешних кметов даже не подозревают о существовании государства под названием Туран. И уж точно не станут наряжаться в противовес традициям Полуночной Британии. Следовательно, брукса знает обычаи подданных императора Илди-за — это должна быть женщина, выросшая в цивилизованных краях, где любой чужеземец не воспринимается в качестве чего-то особенно экзотичного. Поняли?

— Согласна, — кивнула Асгерд. — И все равно ты меня не убедил. Для того, чтобы уговорить Алаша Ронина на захват его супруги напрямую на

пороге храма Митры, требовались очень веские подтверждения виновности немедийки. Откуда ты их добыл?

— Их добыл я! Надеюсь, мои заслуги оценят по достоинству. Здравствуйте.

В углу кабинета месьора Алистера возникла знакомая тень. Солнце зашло, а значит, наступило время каттаканов. В гости пришел Рэльгонн — ученый муж, верный сподвижник Дербников, хранитель земель Полуночи и зубастый рудненский упырь.

— Привет! Выпьешь? — Конан, успевший привыкнуть к неожиданным визитам каттакана, потянулся к кувшину. — А мы бруксу поймали!

— Осведомлен. Я пристально наблюдал за недавними событиями из Рудны и очень за вас порадовался.

Рэльгонн добавил в крепкую настойку воды и уселся рядышком, не сбросив, однако, капюшон — могли войти другие люди и поднять панику. Явление нового упыря подданные светлейшего не перенесут.

Отхлебнув из кружки, каттакан рассмеялся.

— Как выразился один старинный аквилонский поэт, «бурлит вино и реет флаг войны»... Война окончена, господа. Осталось нанести окончательные штрихи и тогда мы сможем перевести дух. Гвайнард, твои друзья требуют объяснений? Это справедливо. Ты умеешь быстро соображать, вовремя действовать и подыскивать нужных союзников, а вот растолковать ход собственных мыслей у тебя получается плохо. Разреши, я сам расскажу?

— Разрешаю, — смилостивился Гвай. — Ты знаешь о бруксе не меньше моего.

— Немного больше, — без ложной скромности ответил Рэльгонн. — Итак, первые догадки у нашего уважаемого месьора Гвайнарда появились сразу после прибытия на Журавлиный хутор. Обстоятельства гибели двоих поденщиков со всей ясностью говорили: в смерти людей дикий каттакан не виновен. Тогда кто? Зададимся вопросом: какая разновидность демонических вампиров способна нападать днем? Верно, брукса или похожий на нее клур.

— Кметы запросто подпустили к себе ушырицу, не пытались бежать и не оказали сопротивления, — перебил каттакана Эйнар. — Значит, она выглядела человеком.

— И с виду не представляла никакой угрозы, — кивнул Рэльгонн. — Чтобы догадаться о сущности убийцы много ума не нужно. Вчера, когда мы уничтожили моего околдованного сородича, появились новые доказательства — брукса весьма неосторожно попала на глаза Эйнару и совсем уж опрометчиво позволила ему увидеть портал. Гвайнард, таким образом, получил еще несколько косвенных доказательств. Оставалось их проверить, о чем меня и попросил ваш отец-командир прошлой ночью. Впрочем об этом позже...

— Про косвенные доказательства можно подробнее? — потребовала Асгерд. — До последнего момента я подозревала месьора Алистера, управителя и возможного наследника Ронина.

— Нет ничего проще, — каттакан положил руки на стол и соединил кончики длинных пальцев. — Загадка не оригинальная. Изначально известно, что бруксой является женщина, а не мужчина. Понятно, что она совсем недавно приехала в Ронин, знако-

ма с удобной модой стран Восхода, позволяющей скрывать лицо, и живет в каменном здании. Эйнар, ты же видел в кольце портала каменную кладку, верно? Спросим у себя: где находится ближайшее строение из камня? Учтем, что простецы возводят только деревянные жилища — это удобнее, теплее и дешевле.

— Замок вельможного эрла! — воскликнул Конан. — Крепость построена из серого гранита! Я так и знал!

— Знал, но не сказал, — проворчал каттакан. — А Гвай немедленно поделился со мной своими соображениями. Он понимал, что если подозрения необоснованны, то на ваши головы низвергнется гнев светлейшего и решил не посвящать вас в подробности...

«Ошибка будет стоить слишком дорого каждому из нас» — вновь возникла в голове киммерийца случайная оговорка Гвайнарда. — Оно и понятно: Алаш, пусть и выглядит совершеннейшим сопляком, за эдакое покушение на честь возлюбленной, снес бы нам головы без единой слезинки! Ничего себе, обвинить благородную девицу, графскую дочку, в демоническом одержимстве и пристрастии к человеческой крови!»

— Были и другие подозрительные моменты, — продолжал Рэльгонн. — Юная графиня прибыла в Ронин только в сопровождении воспитательницы, госпожи Реллины. Не хватило денег на приличную свиту, слуг-камеристок-горничных? Сомневаюсь. Однако, если полагать Лару из Ольборга бруксой, это объяснимо — старая карга, вероятнее всего, знает о необычных увлечениях подопечной. И по возможности оберегает воспитанницу от неприятно-

стей. Действовать без верной сообщницы бруксе довольно трудно.

— Надо будет хорошенько допросить старуху, — заметил варвар.

— Этим занимается эрл, — сказал Гвай. — Когда Алаш придет сюда, узнаем результаты. Говори дальше Рэльгонн, не стесняйся.

Упырь снова приложился к кружке, неприятно стукнувшей по его великодушным зубам, и сверкнул глазами из-под капюшона.

— Как вы знаете, представители моей расы могут перемещаться на большие расстояния без всяких порталов и другого мудреного волшебства — умение заложено изначально. Я согласился выполнить оба поручения месьора Гвайнарда — втихомолку обследовать замок Ронин от подвалов до чердака, а заодно слетать в Немедию, в графство Ольборг. Дело заняло большую часть прошлой ночи, но результаты того стоили.

— Небось, в замке оказалось пострашней, чем в логове каттакана-дикаря? — проворчал Конан, доселе находившийся под впечатлением от смрадной упыриной берлоги.

— Ничуть. Очаровательная Лара хоть и упырица, но отнюдь не дура. Понимала, что на глазах жениха ей следует быть внимательной и осторожной. Я появился в замке, отвел глаза охране, чтобы не подняли крик, и прогулялся по личным покоям графини. Сама Лара отсутствовала, наверное отправилась на охоту, а госпожу Реллину пришлось ненадолго усыпить мысленным внушением. Разумеется, ничего ужасного я не обнаружил — комнаты немедийки отнюдь не походили на сказочные склепы упырей. Спит она в кровати, а не в

гробу, в обычное время кушает вполне человеческую пищу и читает занимательные трактаты древних мудрецов... Человек как человек. Однако, настойчиво покопавшись, я нашел тайник, в котором хранились крайне любопытные предметы, принадлежащие не самой Ларе Ольборг, а ее старой попечительнице. Говорят, будто читать чужую переписку предосудительно, но в данном случае я оправдываюсь острой необходимостью. Я нашел полтора десятка писем и несколько магических предметов, способных защитить человека от нечистой силы — изумруд с пузырьком воздуха внутри, высушенные цветы золотого лотоса, серебряные обереги...

— Госпожа Реллина сама боялась подопечной? — спросила Асгерд.

— Скорее наоборот, — горько вздохнул Рэльгонн. — Пыталась ей помочь. Хотела спасти. Изумруд на серебряной цепочке носят люди, исцеленные от одержимости — камень не подпускает к человеку демона, который однажды может вернуться. А запах золотого лотоса отпугивает обитателей Черной Бездны. Не это главное — наиболее интересной была переписка!

— И кому же писала Реллина? — поинтересовался Эйнар.

— Признаться, сперва я глазам своим не поверил. В шкатулке хранились денешки от самых знаменитых и уважаемых магов Хайбории! От Пелиаса, Тсота-Ланти, Менхотена, от гиперборейской колдуньи Лоухи, Тот-Амона, Озимандии из Темры... И практически каждое письмо повторяет предыдущее: извините, помочь ничем не можем, это не в наших силах, случай бесспорно, интересный,

но безнадежный... Лишь Тот-Амон ответил, что можно попробовать, однако за успех он не ручается! Это были ответы на отчаянные призывы о помощи, которые старуха рассылала по всем странам Заката!

— Таким образом Рэльгонн получил в доказательство документы, которые можно положить на стол Алашу Ронину, — дополнил Гвай. — Оставалось понять, от чего именно надо спасать дочь госпожи Реллины...

— Дочь? Как дочь? — наперебой затараторили охотники. Новости, прямо скажем, удивительные! — Реллина — родная мать Лары из Ольборга?

— Да, родная мать, — уверенно сказал каттакан. — Это я выяснил уже в Немедии, в замке Ольборг. О рудненских упырях там и слухом не слыхивали, но вот про бруксу слухи ползали уже несколько лет... Пришлось устроить целый спектакль, с магией, превращениями и различными ужасами. Я отловил владельца замка в спальне, в самый неподходящий момент — боюсь, теперь граф навсегда останется несостоятельным мужчиной... Ладно, оставим неинтересные подробности. Я так застращал графа Ольборга, что он с перепугу выложил всю подноготную этой неприглядной истории. Проклятие, которое несет на себе Лара, не является следствием обиды черного мага или ведьминской порчи. Оно врожденное, а не приобретенное.

— Благоприобретенное! — повторила Асгерд. — Какое ж тут благо?..

— Никакого. Соль в том, что граф Ольборг очень любил свою мать. Батюшка погиб во время Аквилонской войны, воспитывался он женщинами,

а родительницу просто боготворил. Когда наследник подрос, вышло так, что он согрешил с собственной матерью. И она вновь забеременела.

— Фф-у! — поморщился киммериец и едва не спякнул прямиком на пол. — Ничего себе! Это же в сотню раз хуже, чем спать с мужиком!

— В данном случае, хоть детей не будет, — Рэльгонн фыркнул. — А здесь ребенок при рождении огреб полновесное проклятие — мать и отец пошли против непреложных законов мироздания. Боги от младенца отвернулись. Природа не терпит пустоты — исчезает божественное, приходит демоническое. Тварь из Черной Бездны настолько крепко завладела душой Лары, что теперь не выпустит! Когда девочка достигла определенного возраста и начала становиться женщиной, началось самое страшное — демон начал подталкивать ее на убийства и принялся учить магии. Тогда Лара не признавала, что ее редкостные знания нашептаны чужаком, бесплотным монстром. Однажды она попробовала живую кровь — понравилось. Лару мало заботило, что ее тело во время охоты изменялось, появлялись двоянные клыки, когти... Она полагала, что это естественно.

— Значит, упырица несколько лет безобразничала в Немедии? — спросил Конан.

— Не то слово! Четыре минувших года она посвятила совершенствованию своего... гм... искусства. Сперва осторожничала, убивала по пять-шесть человек в год, затем снежный ком начал нарастать. Прошлой зимой граф уяснил, что дело зашло слишком далеко, пускай секрет Лары знали только он и старая графиня. Жители Ольборга начали уезжать из опасных мест, графство стало эдаким пуга-

лом для всех добропорядочных обывателей, подданные выражали недовольство.

— Вспомнил! — воскликнул Эйнар. — Я слышал о вампире из Ольборга! Года полтора назад встретил в Пайрогии одного приятеля, тоже Дербника, промышлявшего в Немедии. Он и рассказал о бруксе, якобы живущей около Соленых озер! И что было дальше?

— Дальше? Граф Ольборг понял, что следует немедленно избавиться от столь опасного отпрыска. Но как? Убить? Лара этого не позволит, да и жалко родную дочурку. Заключение в темницу? Тоже не подойдет. Выход нашли быстро. Людям непосвященным юная графиня казалась милой девушкой, слава о ее красоте достигла самой Бритунии, а тут вовремя подвернулся прекрасный жених, эрл Алаш Ронин. В его пользу говорили отдаленность владения и огромное богатство — Реллина полагала, что использовав деньги эрла можно будет нанять знающего мага, который снимет проклятие. Отсюда и переписка, найденная мною в тайнике. К счастью мы подросли вовремя — я воображаю, с каким размахом начала бы действовать упырица, окажись в ее руках деньги и власть. Ронинские владения обезлюдели бы через несколько лет... Спасти ее невозможно, такие проклятия даются навсегда. Причем навсегда в самом полном смысле — после телесной смерти она превратится из бруксы в носферата и продолжит убивать. Ларой завладел очень сильный демон, против которого человек бессилён!

— Тогда каким способом мы ее уьем? — осведомилась Асгерд. — Сейчас брукса обездвижена, опутана серебром и не может колдовать, но стоит

потерять внимательность и она вырвется на свободу! Сжечь? Пламя очищает...

— Разумное предложение, однако, увы, совершенно невыполнимое, — покачал головой Рэльтонн. — Демон защитит Лару от обычного огня, такие случаи описаны. Ее не утопишь, не сожжешь и не зарежешь...

— Что же, теперь упырицу надо вечно держать на серебряной цепи в подвале? — огорчился Конан. — Рано ли поздно она освободится и начнет мстить! Не хочется закончить свою жизнь в желудке бруксы...

— Я тоже долго размышлял над этой проблемой и не пришел к определенному решению, — в голосе самоуверенного каттакана впервые на памяти Ночных стражей звучало недовольство самим собой. — Я доселе не знаю, как брукса подчинила моего сородича — на нас не действует магия Хайборийского мира, мы чересчур другие, иные, созданы неизвестными вам богами... Есть только одно предположение, крайне неприятное: Черная Бездна, вселенная первозданного хаоса и обитель первородного зла, едина для всех миров — для Хайбории, для моего полузабытого дома, для тысяч иных планов бытия... Зло для всех одно, а вот добро — разное. Не будем углубляться в философию и высокие материи, поговорим об этом в другой раз.

— Что будем делать с бруксой? — настойчиво повторил Конан. — Я не верю, что ее невозможно убить! Из любого, самого тяжелого, положения всегда найдется выход!

— Этот выход, причем очень остроумный, подсказал Гвайнард, — ревнивым тоном ответил упырь.

— Как думаете, зачем понадобилось прекрасно разыгранное представление с женитьбой Алаша Ронина?

— Именно об этом я и собиралась спросить, — заинтересованно проговорила Асгерд. — Свадьба вельможного, который уже знал от Гвая, кто такая Лара Ольборг, доселе остается наиболее непонятным моментом всей этой истории! Как он мог пойти на такое?

— В интересах дела, — подал голос Гвай. — Сегодня утром я пришел в замок и сам устроил небольшой спектакль. При молодой графине и месьоре Алистере заявил, что мы близки к разгадке, что подозреваем женщину, предположительно туранку, а затем потребовал устроить немедленные поиски по всему княжеству. Напугал Алаша и остальных сообщением, что, возможно, брукса собирается уничтожить все семейство Ронинов и ее появление связано с семейным проклятием эрла — Триголов охотится на вельможного только на болотах и в лесу, а вампир может забраться в замок... Короче, страдал как мог, светлейший самую малость в обморок не хлопнулся от таких ужасов! А потом я увел эрла в кабинет, где мы заперлись и долго разговаривали. Я его не щадил — выложил все, как есть. Ронин все-таки оказался мужиком с характером, да и слово дал меня слушаться. Согласился со всеми предложениями. Не знаю, что именно он наплел молодой графине. Думаю, убедил немедленно провести брачную церемонию самым веским доводом — если вдруг его убьют, то состояние и корона эрлов достанутся дядюшке, а не возлюбленной невесте. Лара клюнула — зачем ждать три седмицы, когда деньги и власть сами

идут в руки, а Ночные стражи из-за ее же оплошности напали на след?

— Поэтому она и устроила пожар вкупе с нападением на торговцев, — понимающе сказал Конан. — Желала от нас избавиться. Напасть побоялась — все-таки с нами был Эйнар. Верно рассчитала, что если народ взбунтуется против Ночной стражи, так и не поймавшей упыря, нас попросту разорвут... Хитрая, стерва!

— Мы говорим про свадьбу, — напомнила Асгерд.

— Свадьба потребовалась для того, чтобы Лара стала полноправным членом семьи Ронинов, — сказал Гвай. — И в довесок к собственному проклятию, получила бы проклятие в виде трехголовой собачки. Теперь псина будет охотиться и на Лару Ронин.

— Понял! — Конан ударил кулаком по столу и расхохотался. — Грандиозно! Натравили одного демона на другого! Гвайнард, ты просто гений!

— Полностью разделяю мнение нашего жизнерадостного киммерийца, — покивал упырь. — Задумка сколь оригинальная, столь и действенная. Нынешней ночью мы понаблюдаем, как схлестнутся два представителя одной, чужеродной для жизни, силы. Один монстр жаждет остаться в это мире, дабы по мере возможностей вредить человеку, а другой обязан его уничтожить!

— А как это будет выглядеть в действии? — нахмурившись, спросила Асгерд. — Вдруг пес не придет? Или не захочет связываться с бруксой?

— Триголов предназначен только для охоты на представителей семейства Ронинов, — сказал Рэльгонн. — И ни для чего более. Это лишь тупой ис-

полнитель, воплощенное в собачье тело заклинание-демон, перед которым стоит единственная задача: убивать. Ему неинтересно, кем является жена эрла Ронина — бруксой, аквилонской королевой, прачкой или публичной девкой. Он выполнит свою задачу. А мы Триголову в этом по мере сил поспособствуем.

— Месьор Рэль? — голос Алаша Ронина донесся от двери. — Не ждал вас увидеть, но все равно — я рад... Хотя, сегодня у меня мало поводов радоваться.

— Оставьте, светлейший, — каттакан надвинул капюшон поглубже. — Переживете, забудете, а рано или поздно найдете замечательную добрую девушку, которая принесет вам счастье и выводок ясноглазых детишек. Если один раз не повезло, это отнюдь не повод для скорби.

Рэльгонн сделал паузу и наконец поднялся с табурета.

— Месьоры, вы готовы? Кажется, скоро полночь, пора приступать. Идемте, взглянем на нашу пленницу...

* * *

Ронинские трясины ночью выглядят загадочно и даже величественно. Уходящая за горизонт, плоская как стол равнина освещена голубоватым лунным светом, изредка вспыхивают и тотчас меркнут болотные огоньки — синие, зеленые, белые. Вырастающие из редких островков камни-менгиры загораются на верхушках венцами холодного пламени, над жухлой травой колышется тонкое покрывало тумана, поднимающегося от воды. Царство призраков.

— Главное — ничего не бояться! — говорил Рэльгонн, когда отряд выехал из ворот деревни. Ворота, кстати, пришлось открывать самим — охрана вновь предпочла пересидеть ночь дома, под замком. — Мы не собираемся нападать на Триголова и он тоже не будет причинять нам вред. Просто отъедем подальше и понаблюдаем, что произойдет.

— На всякий случай я зарядил арбалет серебряными стрелами, — Гвай сжимал в руке свой замечательный самострел, полностью готовый к бою. — Говорят ронинский пес боится серебра.

— Обязан бояться, — подтвердил упырь. — Как и всякая нечистая сила. Только не вздумай палить в собаку без повода! Нынешней ночью Триголов временно становится нашим союзником... Где же он? Полночь отбили, самое время для разгула нечисти!

На болотах никакого движения не замечалось. Охотники уже отъехали на полулигу от деревни, двигаясь по извивающейся меж непроходимых топей дороге.

— Остановимся здесь и подождем, — предложил каттакан, натягивая поводья лошади. — Очень уж местечко живописное!

Да, живописное. Конану, любившему все красивое, здесь почти нравилось. Дорога как раз проходила по большому острову с торчащим посреди менгиром — огромный камень клык вырастал из зыбкой почвы, высеченные на граните древние руны, значения которых не понимал и умудренный долгими столетиями жизни упырь, светятся синим огнем, ноги по колено утопают в густом туманном мареве...

Если прислушаться, то различить странные звуки ночного болота — чавканье ила, тонкий хохот каких-то неизвестных тварей, отдаленное ворчание болотных ящеров, собравшихся на охоту. Варвару показалось, будто он очутился в другом мире — прекрасном, однако жутковатом.

Лошади заметно беспокоились — чувствовали опасность. Раздраженно перетаптывались на месте, повизгивали, а соловый жеребец Гвайнарда ухитрился чувствительно тяпнуть хозяина зубами за плечо.

Пришлось вмешаться Эйнару — броллайхэн сложил трубочкой ладонь у рта, затейливо посвистел и скакуны успокоились.

— Полезные твари, эти духи природы, — сказал Гвай, наблюдая за Эйнаром. — Одна беда, слишком впечатлительные. Сейчас он начнет жалеть несчастную графиню и требовать, чтобы мы ее отпустили.

— А мне не самом деле жалко Лару, как человека! — ответил на то броллайхэн, и покосился на большой мешок, лежащий поперек седла лошади Рэльгонна, лично охранявшего бруксу. — Она ведь не виновата в грехах родителей!

— И Алаш Ронин не виноват, что его пращур был развратником и насильником, — парировал Гвай. — Однако псина будет преследовать самого зрла, его семью и потомков еще несколько столетий. Грехи отцов падают на детей.

— Господа философы, может быть вам стоит заткнуться и проверить, как поживает упырица? — Асгерд решительно пресекла бесцельный спор. — Давайте оставим ее здесь и поедem домой. Холодно... И жутко.

Рэльгонн вместе с Конаном сняли графиню с лошади и положили на землю у подножия менгира. Упырь сбросил с головы Лары черную ткань.

Супругу эрла Ронина связали весьма тщательно: руки и ноги скованы кандалами, тело опутано шнуром. Во рту — серебряный брусок с веревочкой, завязанной на затылке. Смотрит, впрочем, яростно, без страха.

— Снимем веревку и браслеты с ног, — распорядился каттакан. — Гвайнард, будь любезен, разреши мне поговорить с ней. Только осторожнее вынимай серебро изо рта — останешься без пальцев, откусит!

— Хочешь поговорить — говори, но снимать кандалы я не позволю!

— Почему? Запаяв и пальцы останутся скованными, колдовать она не сможет!

— Сказал же — не позволю! — проворчал Гвай, развязывая шнурок и выхватывая серебряный прямоугольник из губ бруксы. — Сбежит. И что потом прикажешь делать? Гоняться за ней по всему континенту?

Рэльгонн присел рядом с госпожой графиней и проникновенно воззрился на нее своими золотистыми мерцающими очами.

— Ну, милочка, давайте недолго побеседуем. Надеюсь, вы понимаете, что вас ждет?

Лара на упыря и не посмотрела.

— Не хотите разговаривать? Обидно. Тогда я буду говорить за двоих. Поймите, мы оказываем вам неоценимую услугу — ваша душа уйдет на Серые равнины, где вас не будут преследовать никакие демоны! В Царстве Отдохновения вы освободитесь от проклятия, которое приносит и вам, и

всем остальным сплошные неприятности. Очень жаль, что вам досталась такая вот злосчастная судьба.

— Что ты можешь об это знать?.. — проронила графиня.

— Очень многое, моя дорогая. Я знал людей, которые решительно сопротивлялись тварям Черной Бездны, пытавшимся овладеть их душами. Вы поступили наоборот. Вам понравилось быть всемогущей. Демон даровал вам призрак власти, и вы упивались ею. Ошибка в том, что настоящая власть отнюдь не заключается в праве распоряжаться чужими жизнями.

— Вы меня убьете?

— Ни в коем случае, даже пальцем не тронем! Просто оставим здесь, а дальше...

Брукса резко повернулась к каттакану. Привлекательное женское лицо изменилось в одно мгновение — черты лица обострились, глаза стали миндалевидными и узкими, зрачки полыхнули багровым. Лара оскалилась, показав сдвоенные клыки.

Она вызвала на помощь своего демона, немедленно овладевшего телом.

— Отпусти нас, — голос стал мужским и хриплым. — Мы уйдем и больше никогда не вернемся в эти земли. Я могу даровать тебе все, о чем попросишь!

— А у меня все есть, — Рэльгонн ничуть не испугался. Выдержке упыря из Рудны можно было позавидовать. — Да и что такого особенного может предложить мне существо, порожденное Нижней Сферой?

— Хочешь вернуться домой? В свой мир? Немедленно?

— Не такой ценой, — ответил каттакан. — Кроме того, я имею повод сомневаться в твоей искренности. Соглашения с тварями из Черной Бездны чреваты губительными последствиями... Домой придется возвращаться тебе, а не мне.

Асгерд неожиданно вскрикнула и метнулась к Конану, больно схватив его за предплечье. Гвай и Эйнар попятнулись. Если бы не закливание брелайхэн, лошади давно бы убежали — скакуны дрожали всем телом, с губ падала пена.

На краю островка стоял трехглавый ронинский пес, с интересом наблюдавший за происходящим во все шесть зеленых глаз. Пасти выдыхали темно-красное пламя — прямо дракон какой-то, а не собака!

— Извините... — вид незаметно появившегося безобразного пса пронял даже выдержанного каттакана. Рэльтонн начал осторожно отступать в противоположную сторону. — Не хотел помешать, честное слово... Наверное, нам следует оставить собачку наедине с графией?

Последний вопрос относился к компании охотников. Гвай первым вскочил в седло, подавая пример остальным. Связываться с проклятием Ронинов никому не хотелось.

Огромная псина медленно двинулась к менгиру. Встала над одержимой немедийкой, обнюхала и вдруг отскочила, взвизгнув всеми тремя глотками и поджав хвост. Зверюга явно почуяла неладное.

— Неужели Триголов спасует перед трудностями? — сказал Рэльтонн, отъехав на полсотни шагов. — Остановимся, понаблюдаем.

— Может, не надо? — робко попросила Асгерд. — Меня подобные зрелища не привлекают.

— Меня тоже, — поддержал девушку Конан. — Очень уж несимпатичный этот зверь...

— Хотите — поезжайте! — раздраженно бросил упырь. — Я обязан знать, что упырица умерла! Потом все расскажу.

Разумеется, никто не уехал. Долг Ночных стражей обязывал оставаться на месте событий до последнего.

Пес, порывая, ходил кругами, подскакивал к добыче, ударял лапой и отпрыгивал обратно. Болотный демон не понимал, с чем именно столкнулся. Перед ним был человек, которого следовало убить, но кроме человека зверь видел... Нечто. Возможно, своего собрата, порожденного Изначальной Тьмой. И собрата отнюдь не доброжелательного!

Наконец, терпение пса иссякло. Он замер, подняв переднюю лапу. Средняя голова, будто подавая сигнал, коротко твякнула. Зверь прыгнул, подмяв жертву под себя и начал рвать клыками. Вот тут и начался сущий кошмар — оба демона вступили в смертельную схватку. Никто из охотников так и не разобрал, откуда появились струи жидкого зеленоватого огня, почему высокий менгир вдруг с грохотом развалился на части, каким образом вскипела вода в окружавших островок полях...

Яростный рев пса накладывался на тонкий визг бруксы, шипело колдовское пламя, кольцом расплавленное вокруг места поединка, выли струи пара, но Триголов не отступал. Проклятие Ронинов должно исполниться!

Нечто, поселившееся в человеческом теле, покидало мир живых. Над болотами разнесся послед-

ний взрыв надрывного хохота, перемешанного со стенаниями и плачем. И все затихло.

— Кажется проклятие исполнилось, хотя... — начал Рэльгонн, но сразу осекся. Мимо пробежал ронинский пес — обожженный, прихрамывающий, на правой голове оторвано ухо. Мерзко пахло жженой костью. На всадников собака внимания не обратила. Разбежалась, прыгнула, и с тяжким хлопком исчезла в трясине — только круги по воде...

— Светлейшему эрлу несколько ночей можно спокойно разгуливать по своим владениям, — не преминул связвить Эйнар. — Думаю, псине теперь будет не до охоты. Взглянем на то, что осталось от нашей прелестной бруксы?

— Утром, — отмахнулся Гвай. — Когда земля остынет... Знаете, какая мысль меня вдруг посетила? Оказывается, Вселенское Зло не столь хитроумно и каверзно, как принято считать. Повелителями Черной Бездны допущена невероятная, почти немислимая ошибка — не учли, что Тьма может сама уничтожить своего отпрыска. Мы попросту сыграли на их противоречиях. И сыграли блистательно!

* * *

Утром на островке не нашли ничего, кроме оплавленных обломков рухнувшего менгира, капель серебра, в которые превратились оковы и остатков почерневшего человеческого скелета — рассыпающиеся в пыль кости разбросало в округе двадцати шагов.

Гвайнард не поленился, собрал все, что можно было найти, и швырнул части остова в ту самую

промоину, куда нырнул ронинский пес. На закуску, так сказать.

— Предлагаю напиться, — подал здравую идею Эйнар. — Сколько можно возиться с этой пакостью? Мы честно заслужили пару дней отдыха!

— А еще надо заглянуть к эрлу Алашу, забрать награду, — напомнила Асгерд. — Он вроде бы собирался заплатить втрое против условленного?

— Тебе не кажется, что это будет невежливо и бессердечно? — Гвай отряхнул ладони от пепла и нагнулся к полынье, вымыть руки. — Требовать у человека деньги за убийство его собственной жены? Давайте обойдемся двумя тысячами ауреев, которые уже заплачены!

— Нет уж! Никогда! Даже не думай об этом! — дружно взбунтовались доблестные охотники. — Сказано втрое, значит втрое!

— Эх, скареды, — вздохнул Гвай. — Никакого сочувствия. Ладно, схожу... Гляньте, кто это едет?

На дороге, ведущей к Ронину, появился всадник, в котором Конан опознал молодого десятиника, с которым разговаривал вчера днем в караулке у ворот.

— Доброго утречка, господа, — сказал дружинный, остановив коня. Подозрительно осмотрел следы пожара. — Страсти-то какие творятся — слышали, говорят супругу вельможного ночью Триголов зажрал!

— Неужели правда? — невинно вздернула брови Асгерд.

— Истинная. Я это к чему? За вами эрл вместе с каштеляном послали. Сказали передать, будто из Райдора гонец явился.

— И дальше что? — насторожился Эйнар.

— Герцог требует под свои очи... В Райдоре мол, беда.

— Упырь? — безнадежным тоном осведомился Гвай.

— Хуже, господа мои. Совсем страшный зверь появился, здоровый, будто медведь, клычищи — во какие! — Десятник отмерил вытянутыми ладонями не меньше полутора локтей. Добавил, сконфуженно: — Название чужды, извиняйте, не припомню. Ученое больно. По донесению, двоих на смерть съела...

— Только не это, — простонал Эйнар. — Опять!

— Поехали собираться, — Конан выглядел насквозь невозмутимым. — Надо, так надо. Больше в Ронине нас ничто не держит.

Гвайнард с удивлением воззрился на киммерийца.

— А ты, как погляжу, вошел во вкус, — изрек предводитель ватаги. — Ладно, двинулись. Эйнар, умоляю, не делай такое горестное лицо — идти в Ночную стражу тебя никто не заставлял!

СОДЕРЖАНИЕ

СОКРОВИЩА ТАРАНТИИ

Олаф Бьорн Локнит

Объяснение от Халька, Барона Юсдаля.....	7
Первый рассказ Халька.....	14
Первый рассказ Тотланта.....	39
Первый рассказ Темвика.....	74
Второй рассказ Халька.....	105
Второй рассказ Тотланта.....	139
Второй рассказ Темвика.....	172
Рассказ наблюдателя.....	191
Финал первой части.....	207

НОЧНАЯ ОХОТА

Керк Монро

Глава первая.....	215
Глава вторая.....	247
Глава третья.....	286
Глава четвертая.....	318
Глава пятая.....	355
Глава шестая.....	386

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ !

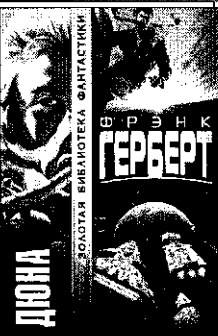

197022, Санкт-Петербург
а/я 125

Электронная почта:
sz-press@peterlink.ru

ДЮНА

В серии
«Золотая библиотека фантастики»
 опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:
«Дюна»
«Мессия Дюны»
«Дети Дюны»
«Бог-Инвератор Дюны»
«Еретики Дюны»
«Капитул Дюны»

Заветные мечты читателей сбываются! Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом Кевинном Андерсоном создает трилогию «Прелюдия к Дюне». Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в 2002 году в серии «Золотая библиотека фантастики»
 второй роман трилогии — «ДОМ ХАРКОННЕНОВ»!

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
 Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513
 107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около 50 издательств и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию более 10 000 названий книг самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- ул. Лужанская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский б-р, д. 17, тел. 372-40-01
- Крокус-Сити, 65—66 км МКАД, тел. 754-94-25
- ул. Стромынка, д. 14/1
- Чонгарский б-р, д. 18а, 119-90-89, 119-65-40
- Зеленоград, кор. 360, 3-й мкрн, тел. 536-16-46

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. 8-8182-65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. 8-0112-441095, 566095
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- Ярославская обл., г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/ Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. 8-3532-41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88А
- г. Н.Новгород, ул. Маяковская, д. 13 (8312) 33-79-80

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж.

Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Авторские права защищены. Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Литературно-художественное издание

Конан и сокровища Тарантин

Локнит Олаф Бьорн
Сокровища Тарантин

Монро Керк
Ночная охота

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*
Составитель *Наталья Баулина*
Художественный редактор *Игорь Богданов*
Художник *Владислав Асадуллин*
Верстка: *Ирина Федорова*
Технический редактор *Валентин Успенский*
Корректор *Елена Малько*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение

№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ».

368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20.

Наш электронный адрес: WWW.AST.RU. E-mail: astpub@aha.ru.

Издательство «Северо-Запад Пресс».

Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999.

Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А.
Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125.
sz-press@peterlink.ru.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 10.01.01.
РБ, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79. Заказ 1193.

Республиканское унитарное предприятие
«Полиграфический комбинат им. Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.

К64 **Конан и сокровища Тарантии:** Сб. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: «Северо-Запад Пресс», 2002. — 409, [7] с. — (Конан).

Содерж.: Сокровища Тарантии / О.Б. Локнит. Ночная охота / К. Монро.

ISBN 5-17-013239-5 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-93699-005-9 («Северо-Запад Пресс»)

Безобидная проделка веселых друзей внезапно оборачивается катастрофой. Но Конан, даже став королем могущественной державы, все так же ценит добрую шутку — и захватывающие приключения. А что может быть увлекательнее для скучающего самодержца, чем отправиться на поиски древнего клада...

УДК 821.111(73)

ББК 84 (7США)

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И КОЛЬЦО ВЛАСТИ 43	КОНАН И ЗОВ ДРЕВНИХ 44	КОНАН И ПРОРОК ТЪМЫ 45	КОНАН И ГНЕВ СЕТА 46	КОНАН И ХРАМ НОЧИ 47	КОНАН И КОРОЛЬ ВОРОВ 48	КОНАН И ПОДЗЕМНЫЙ ОГОНЬ 49
КОНАН И МЯТЕЖ ЧЕТЫРЕХ 50	КОНАН И КЛЕЙМО ЗМЕЯ 51	КОНАН И ХОЗЯИН ОКЕАНА 52	КОНАН И КОРОНА МИРА 53	КОНАН И ПОСЛАНИЕ СВЕТА 54	КОНАН И СТЫЩЕЕ ЗЛО 55	КОНАН И ЗВЕЗДЫ ШАДИВАРА 56
КОНАН И СКЛЕП ХАОСА 57	КОНАН И ЖРЕЦ ТАРИМА 58	КОНАН И СВЯТИЛИЩЕ ПИКТОВ 59	КОНАН И ПОВЕЛИТЕЛЬ МОЛНИЙ 60	КОНАН И ТИГРЫ ХАЙБОРИИ 61	КОНАН И ВСАДНИКИ БУРИ 62	КОНАН И СЛЕД ИСПОЛИНА 63
КОНАН И САУТА ТУМАНА 64	КОНАН И ЛИК ЗВЕРЯ 65	КОНАН И ОБИТЕЛЬ ДРАКОНОВ 66	КОНАН И НАСЛЕДИЕ МЕРТВЫХ 67	КОНАН И ЗАКАТ АРГОСА 68	КОНАН И АЛАЯ ПЕЧАТЬ 69	КОНАН И ТАНЕЦ ПУСТОТЫ 70
КОНАН И ПОСЛАНИЕ МРАКА 71	КОНАН И ГОЛОС КРОВИ 72	КОНАН И ТЕНЬ ВЕТРА 73	КОНАН И ПРИНЦ ЗИНГАРЫ 74	КОНАН И ЖЕМЧУЖИНА ПУСТЫНИ 75	КОНАН И ДУХИ ГОР 76	КОНАН И СОКРОВИЩА ТАРАНТИИ 77

ISBN 5-17-013239-5

9 785170 132393